Софья Шоломова

ГОЛОС ВРЕМЕНИ

Библиофильские миниатюры
о В.Г. Короленко

Выпуск 2

Харьков

Софья Шоломова

ГОЛОС ВРЕМЕНИ

Библиофильские миниатюры
о В.Г. Короленко

Выпуск 2

Харьков

2008

Издано на средства автора

Шоломова Софья. Голос времени. Библиофильские миниатюры о В.Г. Короленко. Выпуск 2. – Харьков, 2008. – 229 с.

Компьютерная верстка А.К. Польшин.
Технический редактор В.А. Шоломов

© Софья Шоломова. Голос времени. Библиофильские миниатюры о В.Г. Короленко. Выпуск 2. – 2008

Глава 5. Голоса современников о Короленко.....180
Приложение 1. К истории двух поэтических
посвящений в адрес Короленко……...195
Иллюстрации к главе 5…….211

Список литературы……..216

Глава 1

Историко – краеведческие миниатюры

Проследить появление имени Короленко на страницах харьковской печати – мысль давняя, но до конца мало выполнимая из-за отсутствия в фонде библиотеки целого ряда местных изданий, тем более, периодических. Две мировые войны заметно отразились на полноте коллекции местной печати. К сожалению, имеются большие лакуны. Да и сама тема много аспектная и трудно раскрываемая. Поэтому предлагаемые миниатюры могут рассматриваться как начальное прикосновение к большой, значительной и объемной теме, при этом они ни в коей мере не претендует на исчерпывающую полноту.

***

Каждый раз, когда обнаруживаются малоизвестные факты о творческих и духовных связях Короленко с харьковчанами, не покидает чувство радости и внутренней сопричастности к некогда имевшим место событиям. Невидимая аура духовности обогащает нас.

Круг авторов – харьковчан, которые знали Короленко, или когда-либо писали о любимом и глубоко почитаемом писателе, сравнительно невелик. Но буквально каждый новый штрих и каждое малоизвестное событие в творческой биографии В. Г. Короленко, безусловно, заслуживают внимания, потому что они расширяют наше представление об этом удивительном человеке.

Книги Короленко, изданные в Харькове

В отделе редких изданий и рукописей сохраняются следующие харьковские издания писателя:

- Рассказ Короленко «Дом №13» о еврейском погроме впервые был опубликован в Харькове в 1905 году в частном издательстве В. Раппа. В дальнейшем эта книжка была запрещена царской цензурой.
- В том же году в Харькове был напечатан очерк Короленко «Страстная суббота» (Х. 1905). (№ Б42828). Один экземпляр этой брошюры хранится в коллекции ОРИР. Обе эти книги можно отнести к прижизненным редким изданиям писателя, появившимся в нашем городе.

***

В 1917 году чугуевское общество грамотности напечатало публицистическое сочинение писателя «Падение царской власти» (№ 484. 002).

***

В 1919 году издательство Всероссийского центрального союза потребительского общества издало в Харькове другое сочинение Короленко-публициста «Война, отечество и человечество» (№369. 667). Эта книга вышла восемь раз. Первоначально В. Г. назвал её «Трагедия войны и отечества».

***

В коллекции ОРИР сохраняется три издания рассказов Короленко, на которых не указан год издания. Но по ряду косвенных признаков их можно отнести к книгам Короленко, которые появились в печати в годы революции и гражданской войны (с 1917 по 1921 год).

Эти рассказы более всего были популярны в читательской народной среде и многократно выходили до этого в разных городах:

Содержание

Глава 1. Историко – краеведческие миниатюры…..…2
Приложение 1. Эпиграф Короленко
(июль 1918. Полтава) в журнале «Колосья»…….…..31
Приложение 2. Содержание № 12 журнала
«Колосья», посвященного В. Г. Короленко……..…32
Приложение 3. Статьи Рожицына
в журнале «Колосья»…….…32
Приложение 4. Некоторые труды
В. С. Рожицына в фонде ХГНБК……..…33
Приложение 5. Некоторые труды Ф. Кона……..…34
Иллюстрации к главе 1……...35

Глава 2. Малоизвестная страница творческой
биографии В. Г. Короленко……40
Иллюстрации к главе 2……...54

Глава 3. Огоньки одной судьбы…….…..55
Приложение 1. Голоса современников
о Михаиле Семенове……...92
Приложение 2. Экспромт библиофила или
протоиерей Александр Мень о Михаиле
Семенове……..98
Иллюстрации к главе 3…….104

Глава. 4. В едином потоке времени……111
Приложение 1. По страницам одного журнала……...156
Приложение 2. Н.Д. Шаховская о Чехове……....161
Иллюстрации к главе 4……..173

27. Короленко В. Г. Война, Отечество и человечество. Письма о вопросах нашего времени. – М. – 55 с. (Культурно - просветительная библиотека. № 5).
28. http://www.ruthenia.ru/sovlit/j/74.html
29. http://www.classic-book.ru/lib/sb/book/933
30. http://www.libun.ru/book1929/page2.html
31. http://feb-web.ru/feb/irl/irl/irl-5331.htm
32. http://dzerzhinsk-nnov.narod.ru/articles/gen_dzr_h... - dzerzhinsk-nnov.narod.ru
33. http://az.lib.ru/k/korolenko_w_g/text_0520-1.shtml - .h
33.ttp://www.krasrab.com/archive/2005/07/28/16/view_... - ст - www.krasrab.com
34. www.ortho-rus.ru/cgi-bin/ps_file.cgi
35. http://az.lib.ru/janr/index_janr_crea10-1.shtm.
36. http://education.rekom.ru/1_2007/116.html
37. Сайт «Народная Воля». http://www.narovol.narod.ru/
38. http://www.hronos.km.ru/biograf/kon.html
39. http://www.bes-online.ru/show.php?id=202-4607
40. http://www.philosophy.nsc.ru/journals/humscience
41. http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Italy/XVI/1580-1600/Jordano_Bruno2/red.htm

- Соколинец. – (Х. б. г). (№ Б-60. 466).
- Убивец. – (Х. б. г.) (№ Б-60. 698).

Рассказ «Убивец» был напечатан Центральной комиссией помощи голодающим при ВУЦИК. В этой брошюре, в отличие от других изданий такого же типа, более восьмидесяти страниц. Можно предположить время издания – 1921 год**.**

- Черкес. – (Х. б. г.) (№ Б-60. 468).

***

Отдельный ряд составляют книги, которые появились впервые через несколько лет после кончины Короленко. Среди них необходимо назвать, в первую очередь, рассказ Короленко «За иконой». Он был напечатан в Харькове к первой годовщине со дня смерти писателя в 1922 году.

***

В 1923 году харьковское издательство «Молодой рабочий» выпустило очерк писателя «На заводе».

***

В 1925 году в харьковском издательстве «Пролетарий» был напечатан рассказ Короленко «Два мальчика»

По страницам местной периодической печати

25. 11. 1917 года в газете «Южный край» появилась статья Короленко «Торжество победителей».

Фронтальный просмотр сохранившихся номеров харьковской газеты «Южный край» за 1918 год (к сожалению, полного комплекта за этот год в фонде библиотеки нет – С.Ш.) дал ряд интересных находок.

23 июля на страницах газеты появилась

перепечатка письма Короленко следующего содержания: *В «Полтавском дне» помещено следующее письмо Короленко в редакцию:*

«В местных газетах я прочел известия о тех предположениях, которые некоторыми кружками и учреждениями связываются с 60-летием со дня моего рождения и 40-летием моей литературной работы…. Если говорить о моих желаниях, то самое искреннее из них состояло бы в том, чтобы никакого юбилея в этот несчастный для нашей родины год не было. Настроение далеко не соответствует какому-то ни было торжеству. Я понимаю, конечно, что писатель отдает в известной мере себя и свои творения в распоряжение общества и мое желание решающего значения иметь не может. Я глубоко тронут добрым отношением инициаторов юбилея ко мне и к основным идеям моей работы, но прошу всё-таки принять во внимание мое настроение и состояние здоровья – простить меня, если я все-таки уклонюсь от участия в собраниях».

***

9 августа (с. 3) появилась заметка «У В. Г. Короленко». Это небольшой репортаж о посещении писателя харьковчанами: «*На днях В. Г. посетила делегация от харьковских культурно-просветительных бюро кооперативных и общественных организаций в лице т. И. Цвикита и П. Е. Шишкина, которые передали приветствия по поводу юбилея писателя.*

В. Г. глубоко заинтересовался планами деятельности харьковчан, расспрашивая об издании журнала «Внешкольное Просвещение»… об огромном значении кооперации, которая сумела противостоять царскому самодержавию, а в наши дни, хотя бы пассивно сопротивляется большевизму.

Делегация поднесла В. Г. первую книгу «Внешкольного Просвещения». В. Г. отметил полную современность

8. Батюшков Ф. Д. Короленко как человек и писатель. – М., 1922.
9. «Памяти В. Г. Короленко», Сборник. Изд. «Задруга». – М., 1922.
10. Нижегородский сборник памяти В. Г. Короленко. Нижний Новгород, 1923.
11. Катаев В. Б. Мгновения героизма. – В кн.: В. Г. Короленко. Избранное. – М., 1987. Издательство «Просвещение».
12. Катаев. Разное. – М.,1970. – С. 49 – 56.
13. Аверин Б. В. Рассказы, этюды и очерки В. Г. Короленко. – В кн.: В. Г. Короленко. «Избранные произведения». – Л., 1978.
14. Горнфельд А. Г. В. Г. Короленко. – В сб.: Жизнь и литературное творчество В. Г. Короленко. Сб. статей и речей к 65-летнему юбилею. – Пг., 1918. – С. 13.
16. Голос минувшего. 1922. № 2.
17. Скабичевский А. История новейшей русской литературы (1848 – 1906). 6 изд. – СПб., 1906. С. 383 – 389.
18. Есть всюду свет…: Человек в тоталитарном обществе. Хрестоматия для старшеклассников. – М., 2000.
19. В кн.: В. Г. Короленко. Сб. / Под ред. А. Б. Петрищева. – М. Изд-во Мысль.1922. С. 25.
20. Современник. 1911. № 2. – С. 184.
21. Говоруха-Отрок Ю. Н. Очерки современной беллетристики. В. Г. Короленко. – М., 1893.
22. Негретов П. И. Короленко В. Г. Летопись жизни и творчества. 1917 – 1921. – М., 1990. С. 14, 71, 97.
23. Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем в 30-ти т. Письма. Т. 2. – М., «Наука», 1975. – С. 240. 24. Красная Новь. 1921. № 2.
25. Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Доп.2. – СПб. 1903. С. 195.
26. Новый мир, кн. 8 – 9. 1926. – С. 256 – 261.

33. «Малоярославецкий край» от 30. 07. 2002.
34. http://mirslovarei.com/content_his/KOZLOVSKIJ-LEV-STANISLAVOVICH-19056.html
35. http://dic.academic.ru/dic.nsf/biograf2/7146
36. http://lib.deport.ru/slovar/beo/k/8186.htmllib.deport.ru
37. http://slovarik.kiev.ua/biography/k/21071.html
38. http://biogrbook.ru/content21183/
39. http://slovari.funplanet.ru/dictionary/biographic/word-explanation-8186_13.html
a. 40. http://www.lexicon.org.ua/biography/k/21071.html
41. http://mirimen.com/co_beo/Kozlovskij-Lev-Stanislavovich-1D65.html
42. http://biogrbook.ru/content21183/.
43. vernadsky.info/works/g7/03475.html
44. www.imk.msu.ru/Publications/golos_eho/pild.pdf
45. grwar.ru/library/Lemke250dayes/LH_12.html
46. http://slovarik.kiev.ua/biography/k/21071.html
47. http://lexicon.org.ua/biography/k/21071.html
48. http://www. Rulex .ru/01110075.htm

Гл. 5

1. Красная Новь. 1921. № 2.
2. От Р. Роллана к С. В. Короленко. 12. X. 1926 г: цит. по кн.: Негретов. Короленко В. Г. Летопись жизни и творчества. 1917 – 1921. – М., 1990. – С. 14, 71.
3. Возрождение: Альманах. – М.,1922. – С. 11 – 12.
4. Короленко. Жизнь и творчество. Сб. Изд-во Мысль. – М., 1922. – С. 151.
5. Богданович Т. А. Короленко. Вып. 1. – Х., 1922. – 154 с.
5. Короленко В. Г.: Сборник под редакцией А. Б. Петрищева. Изд-во Мысль. – М., 1922. – С. 25.
6. Вестник Европы. 1910. № 9.
7. Сакулин П. Н. – Adlucem, «Жизнь», 1922, № 1.

такого издания».

***

В книге П. Негретова (с. 29) сообщается о том, что в харьковском издании «Южно-русский потребитель» в 1918 году (X. 1918. № 2) была помещена рецензия на книгу Короленко «Падение царской власти». В рецензии были такие слова: «*Можно различно относиться к основным идеям прекрасной книги. Но прочесть её следует всем, к кому обращает свой голос всеми чтимый писатель».*

***

Газета «Южный край» продолжала выходить и в 1919 году, когда сравнительно недолго в Харькове находилась армия генерала Деникина.

В одном из номеров (№ 71) газеты появился очерк Короленко под названием «Еретические мысли о «единой России». Он писал: «… *К современному кризису, к той анархии, которую мы видим кругом, привели нас крайности централизма и полное подавление самых законных и жизненных стремлений отдельных национальностей. Вывод: нужно признать свободу национальных культур и полное проявление национальных особенностей…. Будущее великой России рисуется мне в виде своего рода федерации (подобие американских штатов) с областными сеймами по вопросам местного законодательства».*

И далее: «… *Государство видело свое могущество в том, чтобы никакого мнения и никакой воли страны не было… чисто полицейская организация – плохой цемент…»*

***

Осенью 1919 года (29. 09 (12. 10)) в газете «Южный край» была напечатана полемическая статья

Короленко, которая называлась «О разрубании узлов и об украинстве», где он писал: «*Украинский вопрос – это тоже своего рода запутанный узел, который многие стремятся разрубить в угоду поверхностному и ложно понимаемому «русскому патриотизму»…»*

…Была своего рода классовая диктатура, вызвавшая острую вспышку: паровой котел, в котором нарастает давление при закрытых клапанах обыкновенно дает взрыв…. Но нет ни одного класса, который мог бы претендовать на безгрешность в той трагедии, которая теперь охватила Россию…»

***

Владимир Галактионович решительно выступал протии смертной казни и произвола, против террористических акций. Он писал: «*Политические смертные казни не могут быть оправданы никакими условиями борьбы…»*

Как сообщается в книге П. Негретова (с. 105), «14 мая 1919 года Короленко обращался к И. П. Белоконскому с просьбой о ходатайстве за арестованных харьковским ЧК».

В журнале «Червоний шлях» (1929. № 2. С. 168) журналист С. Липовий писал: «Короленко *все був у защиті і при Деникині, і при більшовиках. Він не допускав розстрілювати людей».*

О харьковском журнале «Колосья»

В 1918 году в Харькове несколько месяцев выходил литературный и художественный еженедельник под достаточно символичным названием «Колосья». За четыре – пять месяцев вышло восемнадцать номеров. Еженедельник справедливо считается библиографической редкостью.

К. К. Арсеньева. Т. 1 – 29. – М., 1911 – 1916.
16. Литературное наследство: Из истории русской мысли (1860 – 1890). . – М., 1977. – Т. 87.
17. Шаховская Н. Д. В. Г. Короленко. Опыт биографической характеристики. – М., 1912. Кн. Изд-во К. Ф. Некрасова. Серия «Биографическая библиотека». № 3.
18. Шаховская Н. Д. Молоды годы Короленко. – М., 1931. Изд-во «Молодая гвардия». – 168 с.
19. Шаховская Н. Д. В монастырской вотчине 14–17 вв. – М., 1915.
20. Шаховская Н. Д. Свобода совести. – М., 1917. – 24 с.
21. Шаховская Н. Д. Последнее путешествие капитана Скотта. – М., 1934. – 20 с.
22. Шаховская Н. Д. Рассказы о детях. – М. Альфа и омега. 1997. – № 1.
23. Звезда. 1992. – С. 35 – 36.
24. Пиксанов Н. К. Обзор литературы о В. Г. Короленко // «Печать и революция», 1922.
25. Владиславлев И. Русские писатели XIX–XX вв., изд. 4-е, – Л., 1924.
26. «Восемь лет русской художественной литературы». Библиографический справочник /под ред. М. А. Рыбниковой. – М., 1926.
27. Гейштор Л. К. Вблизи Короленко. – Полтава, 2001. – С. 166.
28. Исторический вестник. – М., 1916. № 9. – С. 532 – 533.
29. Короленко С. В. Десять лет в провинции. – Ижевск. Изд-во Удмуртия. 1966. – С. 167.
30. Короленко С.В. Книга об отце. – Ижевск. Изд-во Удмуртия. 1968. – С. 131 – 132.
31. Богданович Т. А. Короленко В. Г. Биография. – Х., 1922.
32. Богданович Т. А. Короленко в последние годы жизни // Былое. – 1922. – № 19.

http://days.pravoslavie.ru/Life/life4927.htm
53. http://mission-center.com/inside.html?pid=1137585069281789

Гл. 4

1. Короленко В. Г. История моего современника. – М., 1965. – С. 644 – 656, 673, 922.
2. Короленко В. Г. История моего современника. – М., 1965. – С. 804, 1012.
3. Короленко В. Г. Воспоминания. Статьи. Письма. - М., 1988.
4. Короленко В. Г. Избранные письма в 3-х томах. Т. 2. – М., 1932. – С. 219.
5. Короленко в воспоминаниях современников. – М.,1962.
6. Козловский Л. Вл. Короленко. Опыт литературной характеристики. – М., 1910. Изд. «Заря». Серия «Библиотека критическая». № 7. – 46 с.
7. Козловский Л. Очерки синдикализма во Франции. – М., 1906.
8. Каталог книг ХОБ. Т. 1 – 4.
9. Река времен: Русский провинциальный некрополь. – М., 1996. – С. 210.
10. Харьковский календарь на 1880. – Х., 1880. – С. 48.
11. Юридический факультет харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805 – 1905). – Х. 2007. – С. 160.
12. Памятная книжка Харьковской губернии на 1863. – Х., 1863. / Сост. Яков Голяховский. – 133 с.
13. Большой российский энциклопедический словарь. – М., 2003. – С. 963.
14. Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона: в 86 т. (Т. 4 доп.). – М., 1907.
15. Новый энциклопедический словарь: в 48 т. / Под ред.

В этом иллюстрированном литературно-художественном еженедельнике, издаваемом при участии «Союза интернационалистов – деятелей искусства» редакторами были Феликс Кон и Валентин Рожицын. Редакция и контора еженедельника находилась на Николаевской площади (№ 23, – дом Городской управы). Печатался журнал в издательстве «Социалистическая мысль», а типография находилась на Нетеченской набережной (д. 14). Обо всем этом читатель мог прочитать на обложке. Спустя десятилетия каждая такая подробность заслуживает внимания.

Журнал издавался сравнительно недолго, с мая 1918 года. Он заявил о себе как «литературно-художественный и эстетически иллюстрированный еженедельный журнал». В нем печатались рассказы, стихи и критические статьи, но помещалась и пестрая литературная хроника, в том числе и отзывы о новых книгах и выставках. В нем были оригинальные репродукции и иллюстрации, заставки, виньетки и буквицы. Все свидетельствует о глубоком профессионализме, как редакционной коллегии, так и издателей.

Следует отметить, что в то сложное и противоречивое время журнал отстаивал независимость искусства. Он не был выразителем какой-либо одной партии, идеологии или какого-нибудь определенного течения в искусстве. В нем нередко высказывались мнения, идущие вразрез с официальной точкой зрения. В первом номере, как обычно принято, определялась основная задача нового периодического издания: «Беспартийный журнал ставит своей целью распространение среди пролетариата, трудовой интеллигенции идей и произведений современного искусства». Чаще всего, на страницах журнала печатались сами соредакторы – Феликс Кон и Валентин Рожицын, перечень статей которого приведен в

отдельном приложении

В этом периодическом издании подробно освещалась художественная и театральная творческая жизнь города. На его страницах печатались литературные, живописные и театральные обозрения, а также культурологические и искусствоведческие статьи. Чаще всего, журнал оформляли молодые харьковские художники. В наши дни этот журнал, безусловно, является памятником печати времен революции и гражданской войны.

В восемнадцатом номере, оказавшимся последним, были перечислены сотрудники журнала, среди которых есть имена Максимилиана Волошина и Владимира Короленко. В предыдущих номерах журнала фамилии сотрудников не указывались.

Хочу обратить внимание, что Короленко согласился на сотрудничество с этим изданием, видимо, после выпуска юбилейного номера, ему посвященного (№ 12).

Всего вышло три специальных номера, посвященных К. Марксу (№2–3), Короленко (№ 12) и Пушкину (№ 16). Наиболее цельным получился короленковский выпуск, причем он был напечатан на лучшей бумаге, по сравнению с другими номерами, и с бóльшим количеством страниц.

Остаются не ясными причины, по которым это харьковское издание прекратило свое существование.

***

Харьковский журнал «Колосья» стал одним из первых периодических изданий, откликнувшихся на юбилейную дату – 65-летие Короленко, которое пресса отмечала летом 1918 года. Так, в № 12 воспроизводился ряд неопубликованных ранее рисунков писателя, а также фотографии, связанные с его жизнью. И хотя объем журнала невелик, на его страницах

33. Семенов Михаил. Св. праведник Иоанн Кронштадтский. – М., 1995. – 398 с.
34. Мережковский Д. О Михаиле Семенове, Гапоне и Григории Петрове. – СПб., 1909.
35. Информационный сайт «Учительской газеты» 24 мая 2006, (Источник: «Самарское Староверие»). http://www.rulex.ru/01130810.htm
36. rozanov.lenin.ru/literabout_1906_1913.htm
37. http://www.ug.ru/02.40/t19.htm
38. www.ipmce.su/~cyril/orthodox/tzar/kanon.htm
39. http://www.cirota.ru/forum/view.php?subj=14380&order=&pg.
40. http://www.bogorodsk-noginsk.ru/trud/gippius.html
41. http://mission-center.com/inside.html?pid=1137585069281789
42. www.knls.net/rus/transcripts/korolenko.htm
43. www.ortho-rus.ru/cgi-bin/ps_file.cgi
44. npj.ru/drz/melnikovhistory/h28 - 57k
45. http://www.rulex.ru/01130810.htm)
46. Виктор Боченков (http://www.ug.ru/02.40/t19.htm Информационный сайт «Учительской газеты» 24 мая 2006. (Источник: «Самарское Староверие»).
47. Боченков Виктор, канд. филолог. наук // Учительская газета. – 2005. № 8, от 1 марта.
48. Михайлова Наталья. О старообрядчестве.
49. http://www.cirota.ru/forum/view.php?subj=14380&order=&pg.
50. http://www.bogorodsk-noginsk.ru/trud/gippius.html
51. Агурский Михаил. Портал-Credo.Ru, 2002-2007 www.ortho-rus.ru/cgi-bin/ps_file.cgi
52. База данных: Новомученники и исповедники Русской православной церкви XX века Православного Свято-Тихоновского Богословского Института.

19. Мень А., протоиерей. Трудный путь к диалогу. - М., 1992. – С. 359 – 361.
20. Учительская газета. – 2005. – № 8, от 1 марта.
21. Польский М., протопресв. Новые мученики Российские. – М., 1994. Репр. воспр. изд. 1949 – 1957 гг. (Джорданвилль). Ч. 1. – С. 184.
22. Цыпин В., прот. История Русской Церкви 1917 – 1997. – М., 1997. Т. 9. – С. 53.
23. Синодик гонимых, умученных, в узах невинно пострадавших православных священно-церковнослужителей и мирян Санкт-Петербургской епархии: XX столетие. – СПб., 1999. – С. 82.
24. Антонов В. В., Кобак А. В. Святыни Санкт-Петербурга. Историко-церковная энциклопедия в трех томах. Т. 2. СПб.: Издательство Чернышева, 1996. 328 с. – С. 278.
25. Деяние Юбилейного Освященного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви о соборном прославлении новомучеников и исповедников Российских XX века. Москва, 12-16 августа 2000 г.
26. Ходаковская О. Протоиерей Философ Николаевич Орнатский // Веди. Алматы, 1998. № 4 – 5. С. 24 – 30.
27. Синодик гонимых, умученных, в узах невинно пострадавших православных священно-церковнослужителей и мирян Санкт-Петербургской епархии: XX столетие. 2-е издание дополненное. – СПб., 2002. 280 с. – С. 12.
28. Санкт-Петербургский мартиролог. – СПб.: Изд-во «Миръ», «Общество святителя Василия Великого», 2002. – 416 с.
29. Семинарский вестник. – Казань, 2005. № 5.
30. Семенов Михаил. Вопросы веры и жизни. – СПб., 1903.
31. Семенов Михаил. Второй Рим. – Барнаул, 2005.
32. Семенов Михаил. Избранные статьи. – СПб.,1998. – 272 с.

широко представлены разные документы, свидетельствующие также и об отношении харьковчан к Короленко.

На обложку вынесено прекрасное фото писателя, которое дополняется словами эпиграфа, написанного им в июне 1918 года специально для журнала. Эти слова приведены в отдельном приложении. И все это сразу создает особый эффект участия великого писателя в незримом диалоге со всеми харьковчанами.

Помимо произведений юбиляра, – рассказа «Ночью» и путевых набросков «На пристани», – в журнале была помещена и его статья под названием «Что это?».

Эта статья была написана в июне 1918 года, и часть её сначала была опубликована в газете «Киевская мысль». А вот харьковский журнал напечатал полный её вариант.

Приведем ключевые мысли писателя, поскольку они не утратили своего современного звучания и в наши дни:

- «*Всякое право заслуживает того названия только тогда, когда оно равно для всех. Иначе – это не право, а привилегия.*
- *Право и самоуправление – единственные якори надёжные, на которых еще может укорениться ладья нашей общественности, носящаяся по воле бурных и непостоянных ветров.*
- *Поэтому газета, которая среди свирепых нелепостей большевизма смело говорила о праве, требовала введения законности, по глубокому убеждению Короленко, делала «самое важное и нужное дело…»*

Короленко писал: «*Созидание будущего дается общим напряжением и усилием всех живых элементов страны. И если в этой творческой работе литература играет значительную роль, то источник ее силы в*

живой связи с обществом, в объединении всех его честных стремлений, направленных на осуществление справедливости и свободы».

***

Свое слово о писателе сказали, как Феликс Кон, так и Валентин Рожицын…. Оба материала органично дополняли слово писателя, одновременно раскрывая сложные связи Короленко с читателями – почитателями его художественного и публицистического таланта.

В статье Ф. Кона несколько раз повторяется мысль, что Короленко есть подлинный «*рыцарь Правды и Чести*» и олицетворение русской чести. Видимо, донести эту мысль до читателя было крайне важно для автора. Вообще Феликсу Кону удалось найти такие слова о писателе, которые создают вполне зримый портрет, выявляя самые сущностные его черты. Он писал: «*Короленко всюду находил бессмертное в людях – человеческую душу, куда бы его не забрасывала судьба…. Короленко умел в каждом, даже преступном человеке, находить живую душу, не мог не откликаться на боли и страдания этой души… показывая живую душу в каждом человеке, этими самыми картинами, своим живым словом боролся за неё, взывая к пониманию, к хранению и бережению её…. Эту живую душу Короленко отстаивал всюду!*».

Не менее интересно и другое суждение автора: «*Короленко имеет черты Апостола, идущего по пути Правды и Чести… он приносит отзвуки живой веры в то, что горе не бесконечно…. Вооруженный только верой в правоту своего дела, Короленко, как олицетворение русской совести, являлся всегда там, где «надтреснутая скала угрожала раздроблению своих жертв»… в вопросе чести и правды для него не было ни иудея, ни эллина, ни друга, ни недруга – был лишь человек и его страдающая душа…*»

– С. 317.
4. Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов. Т. 3. – М., 1958. – С. 106.
5. Старообрядчество: Словарь. – М., 1996. – С. 173.
6. Гиппиус З. Н. Живые лица. – Вып. 2. – Прага, 1925. – С. 59.
7. Гиппиус З. Н. Синяя Книга. Петербургский дневник. – Белград, 1929. – С. 55.
8. Левитин-Краснов А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты 1922 – 1946. – М., 1996.
9. Вестник РХД. 1993. – С. 168.
10. Мануил (Лемешевский), митрополит. Каталог русских архиереев за 1897 – 1957 гг. – Чебоксары, 1958. Машинопись.
11. Эткинд А. «Хлыст (Секты, литература и революция)». – М.: Новое литературное обозрение, 1998. – С. 249.
12. Агурский М. Идеология национал-большевизма. – М., Алгоритм, 2003. – С. 51. (Серия: Национальный интерес).
13. Вопросы философии. 1992. .– № 7.
14. Голубева О. Д. Литературные альманахи и сборники. Библиографический указатель. Т. 1. – М., 1957.
15. Голубева О. Д. Литературные альманахи и сборники. Библиографический указатель. Т. 2. – М., 1958.
16. Записки петербургских Религиозно-философских собраний (1901 – 1903 гг.). / Общая редакция, послесловие и краткие сведения об участниках дискуссий С. М. Половинкина. – М., «Республика», 2005. – 544 с.
17. Казанская Духовная Семинария РПЦ. // Семинарский вестник. – № 2 (15). 2005 / «Фауст до встречи с дьяволом...»
18. Мень А., протоиерей. История религии. Истоки религии. – М.,1991. Т. 1. – С. 270, 280.

1900. – № 8, – от 8 января.
25. Кауфман А. Е. За много лет. // Еврейская старина. 1913. Т. 6.
26. Исторический вестник. 1905. Т. 99. – № 2. – С. 563 – 578.
27. Исторический вестник.1907. – № 5. – С. 409 – 410.
28. Исторический вестник. 1910. Т. 121, № 7. – С. 83 – 93.
29. Исторический вестник 1911. Т. 124, № 5. – С. 429 – 446.
30. Исторический вестник 1913. Т. 131, № 3. – С. 864 – 871.
31. Окрейц С. С. Литературные встречи и знакомства. // Исторический вестник. 1916. – № 1 – 7.
32. http://www.encyclopedia-list.ru/text/734.htm
33. http://www.wikiznanie.ru/ru- B.
34. lib.aldebaran.ru/author/fedosyuk_yurii/fedosyuk_yurii_chto
35. fidel-kastro.ru/gorky/Book.htm
36. sebezh.sitecity.ru/ltext_2806195700.phtml?p_ident=
37. www.goncharov.spb.ru/kras_mir_4/ · 243 КБ
38. journal.sakhgu.ru/archive/2004-06-1.doc
39. ru.wikisource.org/wiki/
40. be.sci-lib.com/article062145.html
41. feb-web.ru/feb/chekhov/texts/sp0/sp2/Sp2-467-.htm
42. http://www.catalogue-industrial.ru/production/8314
43. http://author-lntolstoy.ru/index.php?wh=r00001&pg=93
44. http://www.lechaim.ru/ARHIV/107/cadik.htm

Гл.3.

1. Михаил. Иеромонах. Короленко. – СПБ, 1904. – 14 с.
2. Михаил. Архимандрит. 12 писем о свободе и христианстве. Письма о «Христе подлинном». – Б. м.; Б. г. – СПб. – 51 с. Тип. Т-ва «Свет».
3. Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов. Т. 4. – М., 1960.

Позиция по отношению к большевикам высказана автором этой статьи весьма определенно: «*Многие заветные мечты Короленко большевиками попраны. Многие его святыни ими осквернены… люди, с которыми он связан идейной и личной близостью, подверглись со стороны большевиков поруганию…*»

Ф. Кон писал: «*… он – народник…я – марксист…. Он склоняется к патриотизму… я – интернационалист… я – живой свидетель его светлой деятельности, почти что насильно, во избежание могущего возникнуть в читателе недоумения, заставляю себя вспомнить и сказать об этом, до того близком мне и сотням, таких как я марксистов, В. Г Короленко».*

Завершается статья Ф. Кона не на грустной ноте: «*Автор «Огоньков», – пишет он, – сам в этот момент становится залогом возрождения, огоньком, светящимся вдали, вдохновляющим на труд и борьбу».*

Ф. Кон убежден, что «*не погибнет, не может погибнуть страна, которая создала таких людей как В. Г. Короленко».*

***

В журнале были помещены и краткие заметки жены Феликса Кона – Христины. Она вспоминала, что они познакомились с Короленко еще зимой 1884 года в Иркутской губернии, и что поразило в нем более всего то, что «*не было в нем ни малейшего авторского самолюбия, ни самомнения, ни тени и ни следа…*» И завершает её краткие воспоминания итоговая мысль: «*Владимир Галактионович тем и велик, и дорог нам всем, что он не спускался, а шел всё выше и выше…»*

Помимо этого, анонимно были напечатаны краткие биографические сведения о Короленко, составленные тем, кто скрыл себя за инициалами «К.О.Н», скорей всего, это также был Феликс Кон.

В своем очерке Валентин Рожицын стремился

познакомить харьковского читателя, прежде всего, с теми чувствами, которые переполняли его после встречи с писателем и личной беседы с ним. При этом он многократно повторяет словосочетание «Дом Короленко» и отмечает удивительную атмосферу, которую он испытал на себе в этом доме. Дом Короленко был полон жизни и своеобразия.

Автор пишет: «*Дом Владимира Галактионовича – цитадель демократии… дом В. Г. Короленко тих, но он не ушел от жизни… в его доме демократические воспоминания прошлого неуловимо сливаются с социально – бурной современностью, но какой-то незримо веющий дух примирения облекает все страсти в белые ризы спокойствия и гармонии*».

Личность писателя буквально заворожила харьковчанина, и потому он и не пытается скрыть свой восторг, когда пишет: «*Короленко живет на Украине, но он – не украинец, не русский – он живет во всём мире. Он – дитя всемирной демократии. Он видел страждущее человечество здесь, в Полтаве, и там – на Волге, и в Сибири…*»

И заканчивает примечательно: «*Он всё освещает светом примиряющей социалистической любви к человечеству… уже подводятся итоги долгой жизненной борьбы, главное внимание обращено на воспоминания, но живая мысль по-прежнему свежа и готова к бою. Короленко не забывает ничего. Эта полнота прожитой жизни характерней всего для него».*

Рожицын отмечал, что местные власти всеми силами лишают писателя возможности «громко говорить с газетной трибуны», но все-таки Короленко удается «громко и внятно обращаться к обществу и власти, до конца говоря всё, что он думает, не скрывая ничего». Искренность мысли Короленко восхищает автора. Вслед за этим мелькает строка, раскрывающая весьма оппозиционное отношение автора к

12. Систематический указатель содержания «Исторического вестника» за 25 лет (1880–1904). /Сост. Городецкий Б.М. – СПб., 1908. – С. 25, 396.
13. История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: Аннотированный указатель книг и публикаций в журналах. – М., 1986. Т. 4., ч.4. (1895–1917).
14. История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: Аннотированный указатель книг и публикаций в журналах. Т. 5., ч. 1. / Ред. Г. А. Зайонковского. – М., 1888.
15. Нижегородский сборник памяти Короленко. – Нижний Новгород, 1923.
16. Каталог Харьковской общественной библиотеки. – Х.,1898 – 1913.
Т. 1. – Х., 1898. – 535 с.
Т. 2. – Х., 1901. – 581 с.
Т. 3. – Х., 1908. – 616 с.
Т. 4. – Х., 1913. – 762 с.
17. Кауфман А. Е. «За много лет». // Журнал «Еврейская старина». 1913. Т. 6.
18. Короленко В. Г. История моего современника. – М. Задруга. 1920.
19. Короленко В. Г. История моего современника. – М.,1965.
20. Масанов Ю. Словарь псевдонимов. – М., 1967. Т. 2. – С. 300.
21. Масанов Ю. Словарь псевдонимов. – М., 1960. Т. 4. – С. 347.
22. История дореволюционной России в воспоминаниях и дневниках: Аннотированный указатель книг и публикаций в журналах. – М.,1986. Т. 4., ч. 4. (1895 – 1917).
23. Нижегородский сборник. Памяти Короленко. – Нижний Новгород, 1923.
24. Окрейц С. С. У графа Толстого. // Русский листок.

14. www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Italy/XVI/1580-1600/Jordano_Bruno2/red.htm
15. www.ruthenia.ru/document/528893.html
16. www.atheismru.narod.ru/humanism/journal/29/chanyshev.htm
17. www.memo.ru/history/vkvs/regions/rp81_1.htm
18. www.library.lviv.ua/catalog/number/bklsp/14/kn22006_3719/kn22006
19. korolenko.kharkov.com/vydav_2.htm
20. didgest-e.narod.ru/didgest-2003/12-2003/borovich.html

Гл. 2

1. Короленко В.Г. История моего современника. Т. 1-3. – М., 1930- 1931. Издательство «Академия». Т. 1. – М., 1930. – 680 с.
2. Масанов Ю. Словарь псевдонимов. – М., 1967. Т. 2. – С. 300.
3. Масанов Ю. Словарь псевдонимов. – М., 1967. Т. 4. – С. 347.
4. Окрейц С.С. Далекие годы. Автобиографическая хроника. – СПб., 1899. – 251с.
5. Исторический вестник. 1905. Т. 99. – № 2. С. 563 – 578.
6. Исторический вестник. 1907. – № 5. – С. 409 – 410.
7. Исторический вестник. 1910. Т. 121. – С. 82–83.
8. Исторический вестник. 1911. Т. 124. – № 5. – С. 429–446.
9. Исторический вестник. 1913. Т. 131. – № 3. – С. 864–871.
10. Окрейц С. С. // Исторический вестник. 1916. – № 7. – С. 43 – 59.
11. Исторический вестник. 1916. Т. 144. – С. 613 – 643.

большевикам. Рожицын пишет: «*С почтительной угрюмой боязливостью труса, на момент завладевшего властью, администрация обходит Короленко, но всеми силами старается наносить ему удары…*»
Рожицын отмечает, что у Владимира Галактионовича есть *«презрение и стойкая ненависть к существующему режиму, как ко всякому, основанному на силе и насилии*».

***

В журнале была напечатана также и статья «Короленко как художник», и подписана она инициалами «В. Р.», что позволяет предположить авторство Валентина Рожицына.

В этой статье подчеркивается редкое дарование, которым обладал Короленко, – даром художественной наблюдательности. Короленко старался зарисовывать всё, что было связано с каким-либо сильным его впечатлением или переживанием. Воспроизведение некоторых рисунков писателя служат естественным украшением всего издания.

***

В следующем номере В. Рожицын напечатал статью под названием «Обагренные тени», финал которой поражает своими проникновенными словами: «*…мы живем в сумерках величайшей военной катастрофы и самой жестокой, самой тяжелой из всех революций, какие пережила старая Европа. Мы два раза прошли сквозь огонь безжалостных испытаний. Нам дана сила совершить величайшую революцию духа, христианская религия, нервное и утонченно хрупкое искусство прошлого века, наука буржуазного позитивизма – все это сгорело в войне, и революция развеяла по ветру.*
… мы, поднявшиеся из социальной пыли, брошенные в

нее войной и возрожденные революцией, не смеем умереть, пока не передадим новым людям, чьи души не будут так мучительно израненны, так переполнены тоской о жертвах войны, – расцветшие в нашей крови и боли священные цветы пролетарской культуры грядущих веков».

***

Не менее примечательны мысли Рожицына в другой статье – «Слово о погибели русской земли». Приведем некоторые фрагменты из этой статьи:

- «*…скифы – этим именем назвавшие себя поэты, объединенные новым революционно-славянофильским народничеством левые социалисты революционеры, сложили на струнах своей варварской лиры мрачные сказания о гибели России.*
- *Творения скифов дали русской национальной литературе нечто совершенно новое, доныне неслыханное по своим трагическим созвучиям.*
- *…самое потрясающее, что полтора года говорили и кричали о «предателях» и о «гибели России», но слова были мертвые, заученные, и теперь, когда пришла настоящая беда, когда действительно погибла Россия, не изобразить своего горя над нею ни митингово – либеральной речью, ни газетно – патриотической статьей и каким-то совсем иным голосом из глубины надломленной революцией совести…*
- *…царская Россия была проникнута бездонным противоречием: рабства и могущества. Стояла Россия огромная, полмира затмившая черной ризой царского рабства.*

Внутри жили рабы и все, что хватал двуглавый орел жестокими когтями, превращал во прах, в позор, в ничтожество. Когда же освободилась Россия, противоречие не иссякло.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гл 1.

1. Южный край: газета. – Х., 1918. – 23 июля, с. 5; – 9 августа, с. 3.
2. Южный край: газета. – Х., 1919. – № 71.
3. Южный край: газета. 1919. 29. 09. (12. 10).
4. «Южно – русский потребитель». – Х. 1918. – № 2 (цит. по кн. Негретова). – С. 29, 105.
5. Коммунист. – Х., 1921. – 2 августа. – С. 4.
6. Катаев В. «Один из последних»: (Короленко в 1919 году). // Коммунист. – Х., 1922. – 1 января.
7. Шикман А. П. Деятели отечественной истории. // Биографический справочник. – М. 1997.
8. Неволина В.С. Ф.Я.Кон // Вопросы истории КПСС. 1964. – № 5.
9. Черевко А. Борис Осипович Борович (Фінкельштейн) //Дайджест. Е. – 2003. – № 12 (53). Підготовлений до 120-річчя від дня народження Б. О. Боровича.
10. Библиотечные преступники. /Сборник статей В. Штейна, А. Белецкого, М. Алексеева /под ред. и с предисл. Б. О. Боровича. – Х., «Труд», 1924.
11. [Пам′яті В. Г. Короленка]: Доп. на вечорі пам’яті письменника у ХДНБ, Харків, лют. 1922. р. Джерело: Вісті ВУЦВК. – 1922. – 5 лют.
12. Вечір пам’яті Короленка [в Харківській Громадській книгозбірні ім. В. Г. Короленка]. З доп. виступив Б. О. Борович // Вісті ВУЦВК. – 1922. – 5 лют.
13. Творческая жизнь. Памяти В. Г. Короленко (К годовщине со дня смерти). – Х.: Изд-во Харьк. Гос. Б-ки (бывшей Обществ.) им. В. Г. Короленко, – 1922. – 24 с. – Подпись: Борович.
Прим.: На звороті тит. арк. помітка: «Весь доход с издания поступает в книжный фонд им. В. Г. Короленко Харьковской Гос. Библиотеки его же имени».

Петр Федорович Якубович
на каторге

- *Погибло подлое и преступное самодержавие, но погибло и светлое, великое – сама Россия…*
- *…Вл. Соловьев знал, что Россия погибла за то, что она поддалась соблазну льстецов, стала «Россией Ксеркса», покорилась самодержавно… в самодержавии первородный грех, искупление которого – кровь русского народа и жизнь самой России*».

***

Надо ли удивляться тому, что вскоре это периодическое издание прекратило свое существование, а сами номера журнала были запрещены и долгое время хранились в библиотеке в спецхране. Много лет к ним не было доступа.

Этюд о Валентине Рожицыне

В пятом номере журнала «Колосья» приведен шутливый, на уровне дружеского шаржа, литературный портрет Рожицына. В нем многие определения привлекают внимание. Вот основные характеристики «героя» этого шаржа:

- «… большевики зовут его «Валькой – балтайкой.
- … кумир курсисток.
- … апостол объединения партий, действующий столь успешно, что один его вид приводит к расколу…
- Истый пролетарий…
- Неутомимый литератор, вгоняющий в гроб редакторов статьями, пропорциональными его огромному росту…
- Апостол пролетарского искусства…
- Интернационалист, приводящий в ярость своих противников… добивающий их длинными, монотонным голосом произносимыми речами… специалист по всем

известным и неизвестным отраслям знания…»

Из этих характеристик вырисовывается «портрет» весьма колоритной личности. Не исключено, что это вообще был авто-шарж.

***

Валентин Сергеевич Рожицын (1888 – 1942) по образованию был историком, но всю свою жизнь занимался литературным трудом. Он окончил харьковский университет буквально накануне революции.... Много печатался и слыл человеком разносторонне одаренным. Из адресной книги Харькова установлено, что в 1917 году Валентин Рожицын проживал по Чернышевской ул. (д. 35).

В его судьбе остается еще немало драматических и до сих пор неизвестных страниц….

Его самая ранняя публикация появилась в печати в 1915 году. Называлась она «*О литературных художественных кружках в ср. школе».* Это позволяет предположить, что в начале своей трудовой биографии он был педагогом.

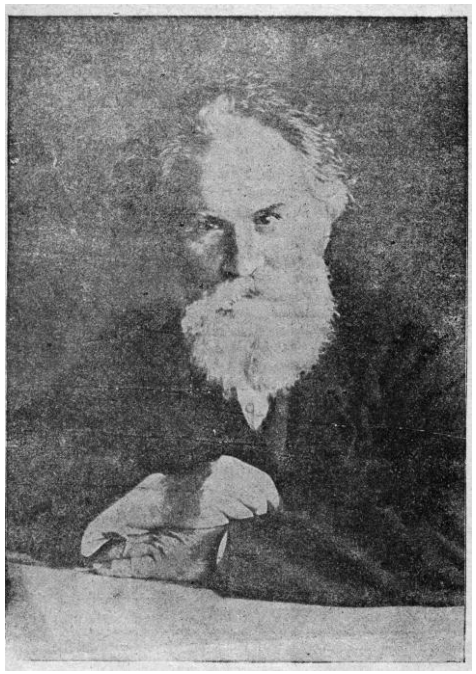
Известно, что именно В. Рожицын поместил некролог, опубликованный в харьковской газете «Коммунист» (11. 8. 1921 г.), посвященный Александру Блоку, т. е. буквально через несколько дней после кончины поэта. Это была не единственная его статья о Блоке. В 1918 году в журнале «Колосья» Рожицын написал о поэме «Двенадцать».

Он постоянно сотрудничал с харьковскими издательствами «Социалистическая мысль» и «Пролетарий».

Рожицын был известен и как переводчик. Так, например, он перевел с английского языка и издал в Харькове в 1918 году труд известного английского экономиста Джона Аткинсона Гобсона «Империализм».

Это была основная теоретическая работа по

П.Ф. Якубович



В.Г. Короленко. Из последних фото.

экономическим и политическим основам империализма.

Известен его перевод с немецкого языка сочинения Ю. Липперта «Экономические основы христианских праздников» с его же предисловием.
В этих книгах, которые издавались на русском языке впервые, он был также и автором вступительных статей.

В газете «Коммунист» (от 24 января 1922 г.) Рожицын В. напечатал статью «Тоска по белой родине», которая являлась своеобразным откликом на известие о смерти поэта Н. С. Гумилева.

В 1922 году Рожицын был лектором в Харьковском Коммунистическом университете, где читал курс по истории первобытной культуры. В том же году ему даже удалось издать очерки по этому предмету в помощь студентам университета.

Печатал он и специальные работы по истории философии и религии. Так, например, в 1925 году была издана его книга «Гегель и Фейербах о религии» (М.– Л.: Госиздат,1925. –100 с.).

В конце 20-х годов он печатает в Харькове свою работу под названием «Марксизм и религия». (Х. 1929). Это была последняя его публикация в Харькове.

В начале 30-х годов в период своей работы в Центральном антирелигиозном музее в Москве Рожицын несколько лет посвятил изучению материалов о жизни и деятельности Джордано Бруно.

Установлено, что Рожицын был автором фундаментального труда о Джордано Бруно. Он успел подготовить к печати сборник материалов, озаглавленный «Джордано Бруно. Документы и свидетельства современников», снабженный обстоятельными комментариями и примечаниями, но из-за кончины издать сборник не успел.

«*Ценность написанных В. С. Рожицыным комментариев заключается в том, что кроме необходимых фактических сведений о лицах и*

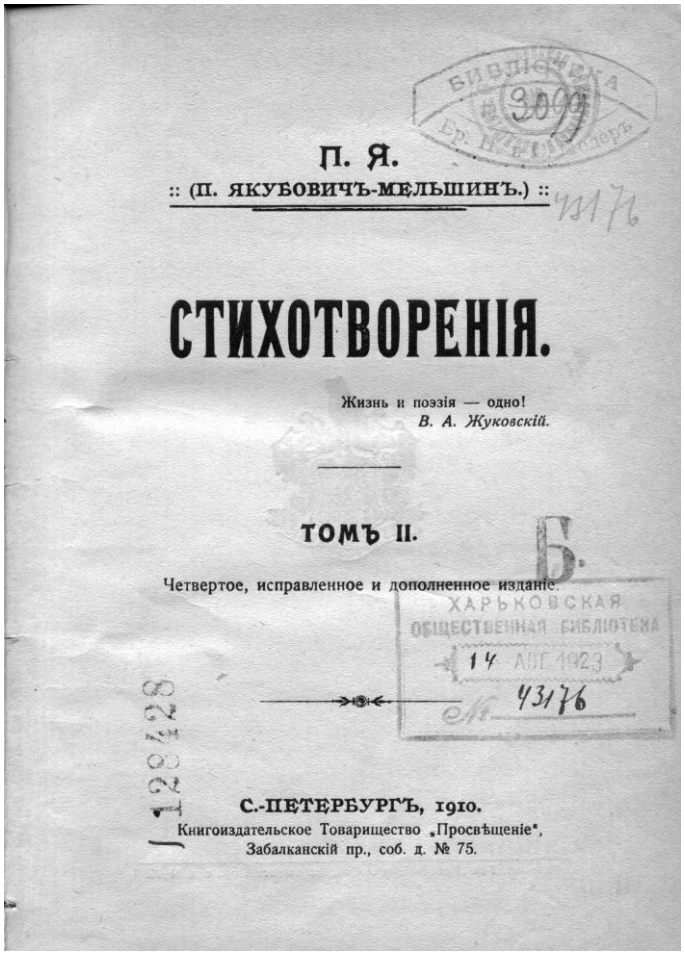
событиях, упоминаемых в публикуемых материалах, они, раскрывая действительное мировоззрение Джордано Бруно на основании выдержек из его произведений, расшифровывают подлинный смысл сообщаемых протоколами его ответов инквизиторам, подчас скрытый за туманными формулировками, к которым вынужден был прибегать Джордано Бруно в тяжелых условиях инквизиторских допросов….

Эти комментарии дают читателю представление о том колоссальном напряжении мысли, которое выдерживал Джордано Бруно во время допросов, и той титанической борьбе, которую он вел со своими палачами. Автор комментариев с полным основанием высказывает предположение о том, что протоколы суда над Джордано Бруно местами фальсифицированы. Это, в частности, относится к той их части, где Джордано Бруно представлен «кающимся грешником». Если бы Джордано Бруно «покаялся», то есть отказался от своих убеждений перед судом инквизиции в Венеции, как об этом сообщают заключительные строки протоколов, то инквизиция не мучила бы его после этого восемь лет в своих застенках и не вынесла бы ему приговора, объявляющего его «нераскаянным, упорным и непреклонным еретиком». Комментарии В. С. Рожицына ценны также и тем, что в них приводились отрывки из еще неопубликованных на русском языке произведений Джордано Бруно.

В свое время в среде историков Рожицын был достаточно известен своими разносторонними и полемическими работами.

Только в 1955 году вышла замечательная книга Валентина Сергеевича Рожицына «Джордано Бруно и инквизиция». Его жена М. Рожицына дописала несколько глав и сумела издать труд, завершив таким образом дело, начатое ее мужем и соратником.

В фондах ХГНБК сохранился целый ряд его сочинений



П. Я.

:: (П. ЯКУБОВИЧЪ-МЕЛЬШИНЪ.) ::

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Жизнь и поэзія — одно!
В. А. Жуковскій.

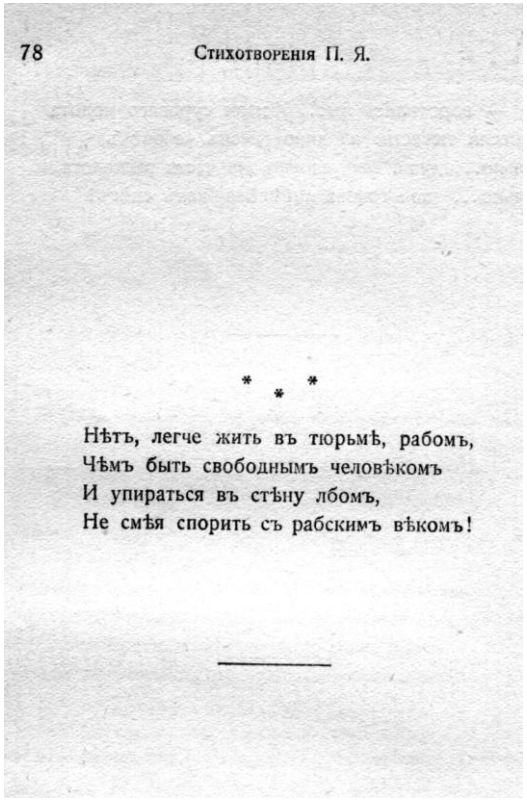
ТОМЪ II.

Четвертое, исправленное и дополненное изданіе.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1910.
Книгоиздательское Товарищество „Просвѣщеніе",
Забалканскій пр., соб. д. № 75.

БИБЛІОТЕКА
ХАРЬКОВСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ БИБЛІОТЕКА
14 АВГ. 1923
№ 43176
Б.
128428

Иллюстрации к главе 5


78 Стихотворенія П. Я.

* * *

Нѣтъ, легче жить въ тюрьмѣ, рабомъ,
Чѣмъ быть свободнымъ человѣкомъ
И упираться въ стѣну лбомъ,
Не смѣя спорить съ рабскимъ вѣкомъ!

———

(см. приложение)

Этюд о Феликсе Коне

В первом номере журнала «Колосья», наряду с главой воспоминаний Ф. Кона, содержится дружеский шарж на него. Вот каковы основные его характеристики:

- «… организатор мировой революции международного пролетариата против всемирного империализма…
- Пишет под 15 псевдонимами…
- Подготавливает к печати личные воспоминания обо всех революциях, начиная с восстания декабристов…
- Знаком лично со всеми выдающимися революционерами, начиная от Петра Великого и кончая Лениным.
- Несмотря на это, молод душой, отважен и неутомим…
- Кроток сердцем, нежен, любит сказки, Маркса, соловьиное пение…
- В гневе ужасен…
- Произносит речи на всех языках сразу…
- Прославил себя во всех родах литературы, кроме изящной…»

Нарисованный портрет Ф. Кона достаточно выразителен и не без известной доли куража.

***

Феликс Яковлевич Кон (18. 5. 1984, Варшава. – 28. 7. 1941, Москва) был историком и этнографом, публицистом, но главное – известным общественным и политическим деятелем.

Окончил классическую гимназию и поступил на юридический факультет Варшавского университета, где

был арестован за революционную деятельность.
Варшавский университет он так и не окончил, т. к. начиная с 1882 года, принимал уже участие в революционном движении.
В 1884 году был приговорен к каторжным работам.
До революции он неоднократно арестовывался и содержался в тюрьмах.
С 1890 по 1895 гг.Ф. Я. находился в ссылке в Якутии, а с 1895 года на вольном поселении в Иркутске.
В 1891 – 1904 годы, находясь на поселении в Якутии, Ф. Я. Кон вел этнографические исследования.
Позже он напишет несколько томов интересных воспоминаний о своей жизни под названием «За 50 лет» (М., 1932 – 1934. – Т. – С. 1 – 3).

В 1904 году Ф. Я. вернулся в родную Варшаву. После очередного ареста в 1907 году он эмигрировал в Галицию, а затем жил в Швейцарии.
После Февральской революции вместе с В. И. Лениным приехал в Петроград. После Октябрьской революции много лет работал в Коминтерне.
Ф. Я. Кон в основном был известен как автор работ, посвящённых международному рабочему движению, в котором принимал самое деятельное участие.

В мае 1917года он был назначен в Харьков комиссаром по польским делам.
В 1918 году Ф. Я. Кон непосредственно участвовал в создании Компартии Украины.
В 1919 году он из подполья руководил группой польских коммунистов в Киеве и был редактором газеты «Голос коммуниста». Его пребывание в Харькове было недолгим.
В 1930 – 1931 годы Ф. Я. Кон был в Москве заведующим сектором искусств Наркомата просвещения РСФСР.
В 1931 – 1933 годы он возглавлял работу Всесоюзного радиокомитета.

Послесловие

Прошло столько десятилетий, и вот Память возвращает нам былые судьбы и события.
Она взывает к душам уже новых людей иных поколений. Она стучится в сознание людей XXI века.

Носиться в пустоте, пространством бесконечным,
И всё, что грезится отчаянной мечте…
Нет, нет: земная жизнь в болезни, в нищете,
В печалях, в старости, в неволе… будет раем
В сравненьи с тем, чего за гробом ожидаем!

Эти стихи во многом соответствовали собственному отношению Якубовича к жизни. Несмотря на болезнь, исход которой он предвидел, Якубович отличался редкой жизнерадостностью, любовью к жизни с ее большими и малыми радостями, любовью к труду и знанию.

Он никогда не забывал о читателях Пушкина, и много сил отдал популяризации его произведений. Поэтому в его работах большое место занимают статьи научно-популярного содержания. Их он писал с той же добросовестностью, с тем же напряжением сил, что и исследовательские статьи. Часто его популярные статьи содержат результаты длительных изысканий и размышлений.

Ко времени последней продолжительной болезни Д. П. Якубовича зимою 1939–1940 гг. относится его работа, не доведенная до конца, – «Пушкин и античность».

Уже две главы этой работы были написаны, когда наступило временное облегчение в состоянии его здоровья, позволившее ему присутствовать 26 мая 1940 года на заседании Пушкинской комиссии, где он прочел первую главу, вызвавшую оживленный обмен мнениями.

Это было последнее выступление Д. П. Якубовича. Выздоровление было кажущимся. Вернувшись с заседания, Дмитрий Петрович уже более не выходил из дома. Он умер после сердечного припадка в ночь на 30 мая 1940 года.

С 1933 года Ф. Я. Кон занял пост заведующего музейным отделом Наркомата просвещения РСФСР.
В 1937 – 1941 годы был редактором общественно-политического журнала «Наша страна».
В 1939 году он напечатал книгу о Дзержинском, опираясь на свои личные с ним встречи.

Он принадлежал к старшему поколению общественных деятелей, вплотную занимавшихся международным революционным движением, и был одним из создателей международной организации помощи борцам революции.
В России были широко известны его публичные выступления по истории революционного движения. В начале 30-х годов он был председателем Всеукраинского Радиокомитета.

Сохранившееся в библиотеке его наследие рассказывает о нем, как о талантливом публицисте, но с достаточно противоречивыми воззрениями.
Каков был финал его жизни накануне второй мировой войны, неизвестно.

***

С пожелтевших страниц харьковского периодического издания «Колосья» веет горячей и неподкупной правдой того далекого и неповторимого времени.

Именно Валентин Рожицын и Феликс Кон с большой любовью и тщательностью подготовили и издали юбилейный номер, посвященный 65-летию со дня рождения В. Г. Короленко В этом выпуске видны не только любовь и глубокое почтение к писателю, но и высокий профессионализм.
На его страницах воскрешаются обстоятельства, в которых проходил последний юбилей великого правдолюбца, чей нравственный облик служил примером, как для современников (в том числе

современников-харьковчан – С.Ш.), так и для его потомков.
Именно в этом нас убеждает это уникальное харьковское издание.

***

1 января 1922 года в харьковской газете «Коммунист» была помещена статья писателя В. Катаева «Один из последних» с подзаголовком «Короленко в 1919 году».
Писатель был поражен масштабом общественной деятельности Короленко при условии все нараставшей его немощи.

***

В харьковском издании «О голоде», посвященном памяти Короленко и изданном в 1922 году, немало интересных публикаций, но главное – в нем был помещен отрывок из дневника писателя, ранее нигде не публиковавшийся.

30. 05. 1893 года:

«*... все мы, довольные и счастливые, роковым образом коллективно виновны перед всеми несчастными... рядом плачут на ветру и в темноте неповинные дети... не этому ли поколению, теперь ещё дремлющему в своем детском неведении, придется вынести всю тяжесть вопросов, которые мы мнили разрешить еще так недавно...*
…странное щемящее предчувствие будущего, не скажу, чтоб угнетающее или пугающее, но торжественное и значительное, с примесью грусти...
Хочется верить, что их жизнь будет продолжением лучших ожиданий нашей, хотя так часто теперь история отцов и детей повторяется навыворот».

двух ежегодников, изданных обществом в 1933 и 1934 гг. В президиуме общества он состоял до самой смерти, хотя последние годы и сосредоточил все свои силы на работе в Пушкинской комиссии. Во всех своих темах Д. П. Якубович широко освещал творческую мысль Пушкина фактами из мировой литературы.

В юбилейные годы Д. П. Якубович также участвовал в ряде сборников, журналов, газет, выступая и с исследовательскими, и с научно-популярными статьями на самые разные темы. Здесь и очерки, посвященные пушкинским местам в Михайловском, и статьи о рисунках Пушкина (для издания, еще не вышедшего в свет), и ряд заметок на частные и общие темы.

В 1939 году Д. П. Якубович подготовил несколько глав для посвященного творчеству Пушкина шестого тома «Истории русской литературы», издаваемой Институтом литературы. Он был одним из организаторов и деятельных участников конференции пушкинистов, созванной весной 1939 года для обсуждения этого тома.

Поэтическими переводами Дмитрий Якубович занимался немного, они были в основном подспорьем в его литературоведческой работе. Но и пройти мимо них нельзя.
Он умер от сердечного приступа в ночь на 30 мая 1940 года.

Ряд неизданных записей Пушкина Д. П. Якубович подготовил для издания «Рукою Пушкина». Он любил цитировать стихи:

…Увы! земля прекрасна, и жизнь мила.
А тут: войти в немую мглу,
Стремглав низвергнуться в кипящую смолу,
Или во льду застыть, иль с ветром быстротечным

К тому времени, когда Д. П. Якубович поступал в аспирантуру при Институте литературы, он уже деятельно участвовал в работе пушкиноведов. Первым серьезным испытанием для него явилось участие в подготовке нового полного собрания сочинений Пушкина.

Научно-организационную деятельность Д. П. Якубович совмещал с исследовательской работой. В качестве редактора и комментатора он принимал участие в ряде изданий сочинений Пушкина.

Д. П. Якубович в числе других ученых подготовил первое советское собрание сочинений Пушкина (1929 – 1931), затем академическое издание сочинений поэта в 6 томах (1930), юбилейное издание собрания сочинений, выпущенное издательством «Academia» (1937).

Начиная с 1936 года, комиссия организовала свой печатный орган «Пушкин. Временник». Д. П. Якубович был деятельным участником этого издания, а с 1937 года – членом редакции и затем ответственным редактором.

В Пушкинской комиссии на долю Д. П. Якубовича выпала разносторонняя и трудная работа. Комиссия вела большую консультационную и организационную работу.

В годы 1929–1931 все силы советского пушкиноведения были мобилизованы на подготовку первого советского собрания сочинений Пушкина.

Несмотря на то, что болезнь ограничивала его возможности, Д. П. Якубович вел активную деятельность, не считаясь с состоянием своего здоровья.

Помимо работы в Институте литературы, Д. П. Якубович с 1932 года принимал деятельное участие в Пушкинском обществе, содействуя его популяризаторской работе: он был одним из участников

Книга Бориса Боровича о Короленко

В отделе редких изданий и рукописей харьковской государственной научной библиотеке им. В. Г. Короленко сохранилась удивительная книжка, посвященная писателю.

Это необычное мини-издание, на титульном листе которого обозначено:

Борович. Творческая жизнь. Памяти В. Г. Короленко (к годовщине со дня смерти). – Харьков, 1922. Издание Харьковской Гос. Библиотеки им. В. Г. Короленко (бывшей Общественной).

На обороте сообщается: «Весь доход с издания поступает в книжный фонд им. В. Г. Короленко Харьковской Государственной Библиотеки его же имени».

Книжка изготовлена и выпущена в день годовщины В. Г. Короленко в 1-ой государственной типографии имени тов. Петровского. Тираж 1000 экз.

В книге всего 24 страницы, но текст чрезвычайно ёмкий и выразительный. Приведу основные мысли автора:

- *«Каждый писатель имеет своего читателя, и каждый писатель создает определенное к себе отношение этого читателя. Одного глубоко чтут, у другого учатся, в духовном общении с третьим отдыхают, четвертого – любят.*
- *Владимир Короленко принадлежит к числу тех, кого много читают, и кого очень любят – любят душевно, нежно, интимно.*

Почти все его читатели относятся к нему любовно. Всем он душевно близок и мил».

Несмотря на малый объем, в брошюре четкая композиция, состоящая из трех разделов.

Раздел 1.

- «*Кто он? Художник или публицист? Критика на этот счет не единодушна…*
- *Короленко глубоко своеобразен и, находясь, бесспорно, в первых писательских рядах, занимает исключительное место в русской, а, пожалуй, и в мировой литературе.*
- *Он – крупный художник. Он – яркий публицист, но он большой человек. И его талант человека пронизывает все его другие таланты. Эта редкая в нем черта придает всей его жизни и всей его работе какой-то особый аромат, особую прелесть.*
- *Это художник- публицист, у которого жизнь и искусство так тесно сплетаются, что почти невозможно указать, где же кончается первое и где начинается второе.*
- *Художник по своему душевному складу, Короленко весь на службе жизни, весь во власти своих идеалов, которым и отдает свое талантливое перо, свою чуткую душу, весь свой пыл, как и весь свой гнев.*
- *Литература для Короленко не есть только профессия. Это – орудие борьбы.*
- *Он горячо верит в светлое «завтра», ибо знает, что оно неминуемо…*
- *Он любит землю, но еще больше – тех, кто ее населяет. Он глубоко любит человека, уважает его, интересуется им. Везде он ищет душу человеческую и всегда находит ее, живую и трепетную – даже на самом дне жизни, под самыми неприглядными покровами.*
- *Человек – прямой продукт жизненных условий, жертва среды и его ли вина, что среда эта столь отвратительна, столь тяжела.*

Осенью 1922 года, похоронив мать, он вернулся в университет, который окончил в 1924 году. Ко времени пребывания в университете относится его первая печатная научная работа, посвященная Пушкину. Работа эта напечатана в 1922 году в выпуске IV «Пушкиниста», являвшегося органом Венгеровского семинара. Этот выпуск, вышедший в свет после смерти С. А. Венгерова, был полностью посвящен его памяти...

Интерес к отражению античных литератур в поэзии Пушкина не покидал его на протяжении всей жизни. Эту тему характеризует то, что она относится к сфере так называемой сравнительной истории литературы.

В 1929 году он окончил аспирантуру, защитив диссертацию на тему «Проза Пушкина и Вальтер Скотт». По окончании аспирантуры Д. П. Якубович был утвержден ученым секретарем Пушкинской комиссии.

Изучение творчества Пушкина в контексте мировой литературы стало главной задачей Д. П. Якубовича.

Годы аспирантуры Д. П. Якубовичу пришлось провести в довольно трудных условиях. Будучи нештатным аспирантом, он одновременно работал преподавателем литературы и заведовал библиотекой в средней школе. При этом он активно работал в институте, секретарствуя в секции методологии литературы, и особенно усердно посещал научные заседания секции международного литературного обмена, где им было прочитано несколько докладов.

С 1930 до 1932 года Д. П. Якубович состоял аспирантом Академии Наук, работая под руководством А. В. Луначарского, бывшего в те годы директором Института русской литературы (Пушкинского дома).

С этого времени и до самой смерти научная деятельность Д. П. Якубовича была тесно связана с Институтом литературы и Пушкинской комиссией Академии Наук.

издании «Первая годовщина смерти Владимира Галактионовича Короленко». (Полтава. Лига спасения детей. 1922). Один экземпляр этого уникального издания сохраняется в ОРИР.

Коротко об авторе этого поэтического посвящения

Дмитрий Петрович Якубович, как и его отец, был личностью неординарной, с далеко непростой судьбой. Он родился в 1897 году в Тобольской губернии, где в то время его отец отбывал ссылку. После того, как отцу разрешили возвратиться из ссылки в Петербург, Якубович – младший окончил гимназию и поступил на историко-филологический факультет Петроградского университета.

К выбору факультета Дмитрия Петровича привела и домашняя литературная обстановка, и рано определившаяся личная увлеченность отечественной поэзией.

В первый же год своего пребывания в университете он вступил в научный Пушкинский семинарий, работавший под руководством известного историка литературы и библиографа проф. С. А. Венгерова. Якубович – младший пробыл в университете до 1918 года.

Он рано стал публиковать в журналах свои переводы, стихотворения и рецензии.

С июля 1918 по 1922 год Д. П. Якубович вынужденно жил под Мелитополем, работая сельским учителем и библиотекарем. В деревне Ново-Васильевке он совмещал с этими обязанностями разнообразные функции общественного и культурного работника.

- *...Короленко – человеколюбец и идеалист, свято верящий в добрую природу человеческую.*
- *…мягкая чуткая душа и глубокая человечность, сентиментальный социалист, любящий и жалеющий все живое и страдающее.*
- *Короленко по своим взглядам и политическим симпатиям принадлежит к революционно-народническому лагерю, находясь в непосредственной близости со всей плеядой народников 70-х годов.*
- *Подлинный демократ, он разделяет идеологию социалистов…. Но он не программный человек, он вряд ли приемлет их тактику, вряд ли способен ей следовать.*
- *Он не человек политической борьбы, не деятель революции.*
- *Он слишком мягок, чтобы быть разрушителем.*
- *Он слишком гуманист, чтобы бороться с классовыми противниками.*
- *Он слишком индивидуален и самобытен, чтобы стать дисциплинированным «партийцем» действенной политической группировки.*
- *Глубоко прав один из друзей Короленко: существуют трагические противоречия между путями революционной стихии и требованиями «моральной личности». И кто следует этим требованиям – моралист Короленко был в их числе, тому заказаны крайние революционные пути, заказано участие в этом стихийном творчестве.*
- *... Короленко – созидатель в мирной обстановке, в повседневной жизни. Это творец культурных ценностей, впитываемых всем черноземом жизни, и потому не столь видимых. Это прекрасный рыцарь культурных «малых дел»…*

Раздел 2.

- «*Вл. Короленко – большой человек, прежде всего.*
- *Короленко – крупный общественный деятель, крупный практик – публицист, крупная культурная сила.*
- *Человеческая личность – вот бог Короленко, вот его фетиш, которому он поклоняется во всякое время и при всех условиях.*
- *Ценность жизни и личности человеческой для него превыше всего. Благополучие этой жизни и свобода этой личности – для него всего дороже.*
- *Правдоискатель и заступник, он энергично и стойко протестует против зла жизни… он всюду и всегда добивается правды и справедливости…*
- *От жизни, от случая, от факта – к общим выводам, к принципам, к теории – таков путь Короленко, таков процесс его мышления.*
- *Вся дальнейшая жизнь Короленко, вплоть до последних дней его, посвящена служению народу.*
- *Его единственным оружием является перо, и с этим оружием рыцарь слова и нападает, и защищается, и разит противника».*

Раздел 3.

- «*Владимир Короленко – не Федор Достоевский. Он не певец одиноких душ. Он не глубокий сердцевед, доходящий до головокружительных высот.*
- *Он не поэт великих индивидуальностей, не мастер тончайшего психоанализа.*

Владимир Короленко – не Лев Толстой с его мировыми идеями и мировой философией…
Короленко и не Михайловский с его теоретическими высотами и далекими горизонтами…

Средь мерзлых тундр, укутанных в снега,
Когда он шел с тобой, – не громче ль сердце пело,
Не радостней шепталась ли тайга?
Но ты не знал, что он задумчивый и нежный,
Был как пловец в неправедные дни,
Указывающий там, во мгле реки безбрежной,
Невидимые нам огни!
Что, как шаман, твоей отчизны скудной,
Природу и сердца он мог зачаровать,
Что в час борьбы он шел на подвиг трудный,
Что к оскорбленному он нежен был, как мать!
Ты знаешь ли, Макар, что он ушел навеки
Из мира лжи, насилья и оков,
Но память, как волна, о друге – человеке
Поет от льдистых тундр до шумных городов!
Явился он на суд Велико Тойона!
И мало видел в мире Бог-Отец
На чашах беззаконий и закона
Хрустальней и прекраснее сердец!
Оно еще страдать не перестало
От черных ужасов покинутой земли
И чутко, как струна, и в небе трепетало,
Как бы молясь: – «Отец, слезам детей внемли!».
О, брат мой, – мы чужие друг для друга,
Но каждый, горечь ран своих тая,
Средь мира зла заступника и друга
Нежнейшего лишились – ты и я!

Примечательно, что фрагмент этого стихотворения был напечатан также в Полтаве в

жертвы во имя народных интересов. Им был также написан целый цикл автобиографических очерков об Акатуйской каторге.

Книга «В мире отверженных», в свое время имела резонанс и вызвала широкий общественный отклик. Впервые это произведение было опубликовано в журнале «Русское богатство» еще в 1895 году (т.е. до личного знакомства с Короленко) под псевдонимом «Л. Мельшин». В русской литературе эта книга стала подлинной классикой тюремного жанра и была переведена на немецкий и французский языки.

1 7 (30) марта 1911 года Петр Якубович умер в Петербурге. По этому поводу Короленко писал: «*Ужасная потеря и для нас, и для журнала*».

2

Сборник «В. Г. Короленко. Жизнь и творчество» под редакцией А. Петрищева был напечатан к первой годовщине со дня смерти писателя в Петрограде. В него вошло стихотворение «Памяти В. Г. Короленко» (с. 142), в котором нашли отражения жизненные реалии, как автора, так и того, кому они были посвящены. Автором был сын известного поэта-народовольца Петра Якубовича – Дмитрий Якубович.

Текст этого поэтического посвящения достоин того, чтобы его вспомнили. Привожу его полностью:

«*Проснись, Макар!*
Ты помнишь поселенца,
Который близ тебя
В убогой юрте жил, –
По нраву он тебе напоминал младенца
И сны твои выслушивать любил.
Припомни: в дикой мгле, где всё мертво и бело,

- *Короленко – большой человек земли, строитель повседневной жизни…*

Не борьба идей его захватывает, а борьба явлений и лиц. Не во имя будущего он работает, а во имя настоящего и для настоящего. Не человек вообще его интересует, а данный человек в данной, реальной обстановке. Он поэт толпы.

- *Он знаток психики массового человека и коллектива, потому он и далек от интеллигентского мистицизма и всякого рода сверх естественных тонкостей.*
- *Короленко – художник, Короленко – публицист, Короленко – общественник и Короленко – человек близок, любим, нужен и дорог всем тем, кто выходит сейчас на арену исторической жизни, кто в тягчайших условиях творит новый быт – всем тем, кому принадлежит ближайшее будущее.*
- *И любовь эта, эта близость, так сильна именно потому, что Короленко – при всей своей кристальной чистоте и строгой принципиальности отвечает ближайшим массовым запросам, удовлетворяет массовому стремлению к жизненным идеалам, близкий, если не по происхождению, то по душе своей, по своей личности, по всей своей жизни.*

Носитель определенных идеалов, он растворяет их в жизненном обиходе и тем приближает к массе.

- *Он подвижник «малых дел» в лучшем значении этого понятия.*
- *Россия провинциальная, народная, подлинная Россия – сердечно любит Короленко».*

Это слово о писателе в какой-то мере отражает и самого автора.

***

Борис Осипович Борович был также непосредственным инициатором и организатором

проведения в стенах библиотеки вечера памяти В. Г. Короленко, на котором сам выступил с докладом. Об этом событии сообщала хроника одной харьковской газеты. (Вісті ВУЦВК. – 1922. – 5 лют.)

Следует заметить, что к этому времени библиотеке уже было присвоено имя писателя.

Установлено, что как библиограф, Б. О. Борович выпусти ряд изданий, например, таких:

- Как читать книгу. О чтении. – О книгах. – О записи. – Х.: Изд-во «Труд», 1924. – 128 с. Подпись: Борович. Книга имела следующее посвящение: «*Моему другу – жене Марии Яковлевне Цетлин».*
- Борович. Пути сближения книги с читателем**. –** Харьков.: «Труд», 1922. – 103 с., тираж 5000 экз. Опыт методологии культурной работы в библиотеке.
- Гибель книг. – В кн.: Библиотечные преступники. Сборник статей В. Штейна, А. Белецкого, М. Алексеева, под ред. и с предисл. Б. О. Боровича. – Харьков.: «Труд», 1924. С. 79–98.

***

Его имя долгое время было предано забвению, и было трудно найти хоть малейшие следы его биографии и деятельности.

Борис Осипович Борович родился в Одессе 19 октября 1883 года. Он долгое время работал как педагог и принимал участие в организации детского просвещения. Он был большим энтузиастом свого дела.

В Одессе его помнили как организатора детского клуба. О своем опыте работы он рас-сказывает на страницах журнала «Школа и жизнь» (1912. – № 31).

С 1916 года – он уже житель Харькова. В том же году стал членом правления ХОБ.

До 1929 года он руководил издательством «Труд».

С сентября 1920 года был зачислен в штат библиотеки. В библиотеке проявил себя как творческий человек, и был создателем первого в советской России

15 ноября 1884 года его по доносу арестовали и заключили в Петропавловскую крепость, в которой он пробыл около 3-х лет в одиночной камере.

В 1887 году Петербургским военным судом он был осужден по делу Германа Лопатина и приговорён к смертной казни, которую затем заменили 18 годами каторги.

Осуждение на каторгу совпало с выходом его сборника «Стихотворения Матвея Рамшева», в котором он скрыл свое имя под псевдонимом.

Пребывание в Акатуйской каторжной тюрьме сменилось тяжкой работой на рудниках.

В 1895 году Якубович был отправлен на поселение в Курган Тобольской губернии.

В 1899 году поэт заболел сильным нервным расстройством и получил разрешение лечиться сначала в Казани, а затем и в Петербурге.

По состоянию здоровья П. Ф. Якубович получил разрешение переехать на ст. Удельная, около Петербурга,

С 1905 года он поселяется в Петербурге. С этого времени он всецело отдается литературной работе. С 1905 года Петр Филиппович Якубович работал редактором отдела поэзии журнала «Русское богатство». Именно с этого времени его общение с Короленко входит в новую стадию.

В годы первой русской революции Якубович, как общественный деятель, входил в состав Шлиссельбургского комитета, который осуществлял помощь узникам Шлиссельбургской крепости.

В предреволюционное время он создал и опубликовал много ярких стихов. Он исповедывал народничество, и это не могло не отразиться в его творчестве. В его стихах был создан образ борца, готового на подвиг и

века художественно-исторической хрестоматии «Русская муза» (1908). Эта хрестоматия неоднократно подвергалась цензурным запретам.

***

Петр Якубович родился в семье обедневшего дворянина 22 октября (3 ноября) 1860 года в селе Исаеве Валдайского уезда Новгородской губернии.

Первое его стихотворение было напечатано в 1878 году, когда ему едва исполнилось 18 лет.

С 1878 года он уже печатался в журналах «Дело» и «Слово». Заметим, несмотря на то, что он был на семь лет младше Короленко, начало его литературной деятельности пришлось практически на те же годы, что и первые выступления в печати писателя.

Публиковали Якубовича и такие известные журналы как «Отечественные записки» и «Вестник Европы». Чаще всего он подписывал свои публикации инициалами «П. Я».

В 1882 году молодой литератор поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета, где сразу стал принимать активное участие в студенческом движении.

В начале 1882 года он становится профессиональным революционером и вступает в петербургскую организацию «Народной воли».

В январе 1884 – Якубович становится инициатором создания «Молодой партии», тесно связанной идеологически со «старой» «Народной волей». Он оказывал большую помощь Г. А. Лопатину в воссоздании партии.

Летом 1884 года Якубовичу удалось в Дерпте (Тарту), создать нелегальную типографию, чтобы все подготовить к печатанию революционной газеты.

предметного каталога.

Болем 11 лет он возглавлял консультационно-библиографический отдел ХГНБК. Среди сотрудников он пользовался большим авторитетом.

Его обвинили в отсутствии «марксисткого взгляда и подхода» в библиотечном деле, и уже в 1932 году уволили из библиотеки. Но еще несколько лет он жил, напряженно работая как ученый-библиотековед и библиограф, сумев сказать свое слово в науке о Книге.

Благодаря «архивной справке СБУ», сотрудникам библиотеки удалось уточнить дату и место его гибели. 14 июня 1937 года его арестовали. А погиб он 23 сентября 1938 года в Киеве. Судьба Бориса Боровича была такой же, как у многих достойных деятелей культуры того времени.

Долгое время его имя было в забвении. И только с 1993 года после посмертной реабилитации стали возвращаться из небытия сохранившиеся его работы.

Печальное время сталинского террора своеобразно отразилось еще в одной судьбе, сопричастной имени Владимира Галактионовича Короленко.

***

17 октября 2003 года в читальном зале ХГНБК была открыта книжная выставка, посвященная 120-летию со дня рождения бывшего сотрудника библиотеки, библиографа и книговеда Бориса Осиповича Боровича (Финкельштейна) (1883 – 1938). Практически все его книги долгое время находились в «спецхране» и современный читатель не мог с ними познакомиться.

В 20-30-е годы он был широко известен как библиограф и библиотекарь, издатель и большой знаток книги, а также ее страстный пропагандист. Он постоянно искал новые формы диалога с читателем.

Приложение 1. Эпиграф Короленко (июль 1918. Полтава) в журнале «Колосья».

Текст: *«Я не социалист-революционер и не социал-демократ. Я просто беспартийный писатель, мечтающий о праве и свободе для всех граждан нашего отечества, выступающий в качестве партизана всюду, где встречаю нарушения права и свободы.*
Обще-социалистический строй моих убеждений не мешает мне признать, что среди того рокового сплетения страшных общих ошибок, от которых теперь погибает достоинство и честь, международное положение и благосостояние России, есть ошибки не одного большевизма, но и других, в том числе социалистических партий. Но все-таки первоисточником наших бедствий я считаю слепую реакционность прежнего строя.
Внутренние силы страны после освобождения крестьян нарастали, а мертвые формы реакционного царизма, сковывали этот рост. Мудрено ли, что мы дожили до страшного взрыва?
Я не считаю себя политиком и не вмешиваюсь никогда в вопросы политической тактики. Но мне хотелось бы обладать достаточно громким голосом, чтобы сказать властителям данной политической ситуации: Не повторяйте страшных ошибок прошлого! Признайте, что в нем было много страшной неправды, а в революции не все одни ошибки.
Признайте законность многих стремлений слишком подавляемых масс и старайтесь ввести эти стремления в русло нового закона и нового права. Не загоняйте новых общественных сил в темные и мрачные подполья, потому что это гибельно.
Пусть они действуют на здоровом солнечном свете, с сознанием ответственности и права, в атмосфере закономерного соревнования с другими общественными

В сборнике указан адресат, и даже дата написания посвящения: *«Владимиру Галактионовичу Короленко. 14 ноября 1902 года».* (С. 81 – 82).
О чем может рассказать эта дата, уточнить пока не удалось.

Страница биографическая

Петр Филиппович Якубович (1860–1911) вошел в отечественную культуру не только как революционер-народоволец, но и как поэт, писатель и переводчик.

П. Ф. Якубович сумел оставить свой скромный след, как в общественной жизни страны, так и в литературе. Его литературную деятельность высоко ценили Чехов и Горький.

Основные вехи его жизни и творчества заслуживают особого внимания. В силу многих обстоятельств своей жизни, он часто публиковал свои произведения под разными псевдонимами: М. Рамшев, Л. Мельшин, П. Я., П. Ф. Гриневич и др.

Его поэзия во многом впитала традиции русской гражданственной лирики и, в частности, поэзии Н. А. Некрасова. Его стихи часто ходили в списках.

Он был известен и как переводчик, который первым перевел на русский язык знаменитый сборник французского поэта Шарля Бодлера «Цветы зла».

Некоторые свои стихи, чтобы пробить их сквозь цензуру, он публиковал под именами никогда не существовавшего ирландского поэта О'Коннора или итальянца Чезаре Никколини, что можно отнести к литературной мистификации.

Якубович напечатал в переводе с немецкого так называемые «затерянные стихотворения» Лермонтова.
Якубович был составителем широко известной в начале

Примечательно, что в этом издании было напечатано поэтическое посвящение в его адрес, написанное его единомышленником и товарищем по работе в журнале «Русское богатство» поэтом-народовольцем Петром Якубовичем. Это стихотворение в авторском исполнении было прочитано на юбилее писателя еще в 1903 году.

По поводу этого события одна из свидетельниц позже вспоминала**:** «*Скромный, сдержанный Якубович-Мельшин, мог на юбилейном банкете 1903 года по поводу 50-летия В. Г. восторженно назвать его «бесценным, прекрасным алмазом*».

Последние слова звучат особенно в контексте всего стихотворения:

«В пустыню, где шепчется вьюга с тайгою,
Где бледное солнце не радует глаз,
Был брошен когда-то жестокой рукою
Бесценный, прекрасный алмаз.
Рожденный для счастья, для солнца, для света
Цветок, не успевший в отчизне расцвесть, –
Живое, горячее сердце поэта
Влюбленного в правду и честь.
Всё в мире проходит…. И дни испытанья
Промчались – отчизну поэт увидал.
Ему не грозит уж холод изгнанья –
Он славою родины стал!
Из мрачного края суровых метелей.
Из юрт неприглядных, из тундры скупой
Принес он венок из живых иммортелей –
Чарующих образов рой.
Как сердце он нам охлажденное греет,
В тьму жизни льет ласковый свет!
А там… злая пурга по-прежнему веет, –
И скольким возврата уж нет!

.

силами и свободы. Иначе – новое потрясение, а может быть и конечная гибель».

Приложение 2. Содержание № 12.журнала «Колосья», посвященного В.Г.Короленко.

1. Ст. Ф. Кон. Владимир Галактионович Короленко (с. 3 – 5.)
2. В. Рожицын. В. Г. Короленко в Полтаве. С. 6 – 8.
3. Владимир Короленко. Варианты рассказов. С. 8 – 11.
4. В. Г. Короленко как художник. С. 12 – 14**.**
5. К.О.Н. Биография Короленко. С. 15 – 18.
6. Короленко. Что это? Полный неиспорченный цензурой текст. Статья иллюстрирует собой политические настроения В. Г. в настоящее время. – 3 раздела. Статья написана в июне текущего года. С. 19 – 20.
7. В. Г. Короленко. На пристани. Из путевого альбома. Неизданный отрывок. С. 21.
8. Христиана Гринберг-Кон. Из воспоминаний о В. Г. Короленко. С. 22.

Приложение 3. Статьи Рожицына в журнале «Колосья»:

- № 1. Рожицын. Сумерки красоты. (С. 7 – 8).
- № 2–3. Вал. Рожицын. Шевченко и гайдамаки. (С. 10 – 13).
- № 5. Вал. Рожицын. Два футуриста. (С. 4 – 7).
- № 6-7. Вал. Рожицын. Знамя смерти. (С. 16 – 17).
- № 9. Вал. Рожицын. Заметки о пролетарском искусстве. (С. 7 – 9).
- № 10. В. Рожицын. Эстетика Г. В. Плеханова. (С. 7 – 9).
- № 11. В. Рожицын. Великий декоратор. Памяти художника Годлера. (С. 3 – 5).

- № 12. В. Рожицын. В. Г. Короленко в Полтаве. (С. 6 – 8).
- Там же. В. Г. Короленко как художник. (С. 12 – 14).
- № 13. В. Рожицын. Обагренные тени. (С. 3–4).
- № 16. Ст. Рожицына. Слово о погибели русской земли. (С. 8–10).

№17. Ст. В. Рожицына. Солнценосцы. (С. 6–8).

Приложение 4. Некоторые труды В. С. Рожицына в фонде ХГНБК:

- О литературных художественных кружках в ср. школе. – Х., 1915.
- Интернационал (1864 – 1917). – Х., 1917.
- Как выступать на собраниях с докладами и речами. – Х.: Пролетарий. (б. г.)
- Как люди создали Бога. – Х., 1922.
- Марксизм и религия. – Х., 1929.
- Очерки по истории первобытной культуры. Лекции. – Х., 1922.
- Атеизм Пушкина. – М., 1928.
- Гегель и Фейербах. О религии. – М., 1925.
- Дж. Бруно и инквизиция. – М., 1925.
- Диалектический материализм. – М., 1932.
- Золотая легенда. Книга о святых мучениках. – М., 1930.
- Золотая легенда. – М., (б. г.).
- Организация умственного труда. – Х., 1927.
- Очерки по истории первобытной культуры. Лекции, читанные в Ком. Университете, в 1922 году. – Х., 1922.
- Первобытный коммунизм с послесловием М. И. Яворского. 1923.
- Происхождение священных книг. – Х., 1925.

тягчайший из ее бесчисленных крестов».
Затем он опять цитирует поэтические строки:

«В палящий зной, в песке сыпучем по колени,
С котомкой нищего брести глухим путем,
Последним сном заснуть под сломанным плетнем
В жалчайшем из твоих заброшенных селений».

Слова Короленко о поэте звучат проникновенно и просто. Они запоминаются своей доверительной интонацией: «*И он всей жизнью доказал, что такая любовь не выдумана, что она существует в действительности, что так любили родину многие из того недавнего поколения. Не знаю, как на кого, а на меня этот крик сыновней любви, вырвавшийся из груди каторжника Якубовича, производит впечатление более неотразимое и глубокое, чем превосходные картины Лермонтова и светлые воспоминания Жуковского.*
Якубовича судил суд самодержавного насилия. Но это насилие поддерживалось рабской покорностью и темнотой нашего народа. Его заковали в кандалы, гнали этапами и сторожили на каторге те же сыны народа… И все-таки он что-то любит в этой рабской стране, погубившей его молодую жизнь… Он считает ее матерью. Таково это странное чувство. Счастливые соединяют его со своей радостью, несчастные – со своим горем».
Это признание писателя можно считать своеобразным эхом былых творческих и дружеских контактов. Не следует забывать, когда Короленко писал эти строки, на дворе стояли кризисные дни лета 1917 года.

***

В 1905 году в Петербурге вышел сборник с полемически звучащим названием: «В защиту слова». В нем принимал участие и Короленко.

«*Какая ты нам мать,*
когда и мачеха, бесчеловечно злая,
не станет пасынка так беспощадно гнать,
Как ты детей своих казнишь, не уставая».

Жизнь его и его поколения сложилась тяжко и печально.

«*Мечты великие безжалостно губя,*
Ты, как преступников, позором нас клеймила
Ты злобой души нам, как ядом напоила,
Какая ты нам мать, за что любить тебя?».

По глубокому убеждению Короленко, Якубович говорил это «*из глубины каторги не только от себя, но и от сотен таких же страдальцев».*
Писатель заключает этот отрывок словами**:** «*...вообще много в каждой стране людей, которые могли бы бросить своей родине такие же горькие упреки за свою нерадостную жизнь, за царящую неправду, от которой они страдают».*
Несмотря на все невзгоды, поэт все-таки признает родину матерью. Он говорит:

«*За что, не знаю, я…*
Но каждое дыханье,
Мой каждый помысел,
Все силы бытия,
*Любовь моя и жизнь тебе**,** о мать моя!».*
(Курсив Короленко – С.Ш.).

И далее Короленко обобщает**:** *«И не один Якубович, но и многие его сверстники и товарищи говорили его устами, что для того, чтобы увидеть себя и родину свободными и свободной, они готовы были бы принять*

Приложение 5.Некоторые труды Ф.Кона в фонде ХГНБК

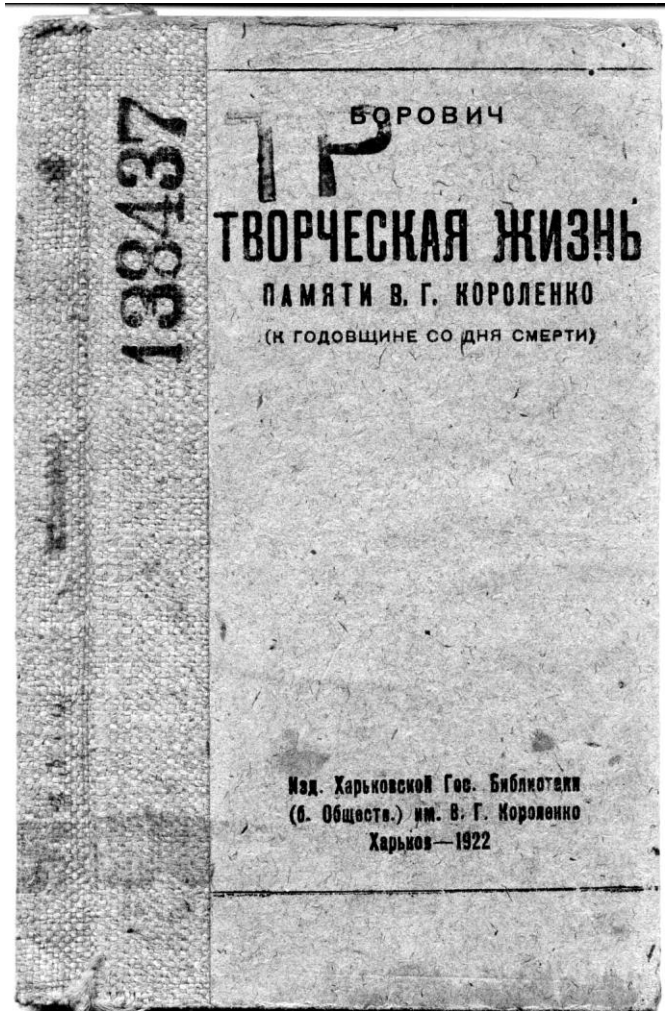
В Харькове с 1917 по 1929 год было издано немало трудов Ф. Кона. Назовем некоторые из них:

- Русская революция в свете западно-европейской революции (1730 – 1789) во Франции. – Х,. 1917**.**
- Соловей: Из сказок современной действительности. – Х., 1918.
- Воспоминания. – Х., 1920.
- История революционного движения в России. – Х., 1929. – Т. 1.

***

Каждый год в коллекцию ОРИР поступают новые материалы и публикации писателя и о писателе. Вот и историко-краеведческие этюды еще далеки от завершения. Они призывают на путь новых поисков, сулящих новые находки…. Поиск неисчерпаем…

Иллюстрации к главе 1



под явным влиянием Лермонтовского «Мцыри». Оно долгое время ходило в списках и было хорошо известно читающей России, особенно в революционных кругах.

В поэзии Якубовича вообще большое место занимала тема «*странной любви*» к «мачехе-родине».

Его стихотворение «К родине», написанное им еще в годы ссылки в 1890 году, очень нравилось В. Г. Короленко, причем намного больше, чем знаменитое лермонтовское стихотворение «Родина».

Короленко видел в этом стихотворении гораздо более глубокое проявление патриотического чувства к Отечеству.

В письмах писателя к разным лицам неоднократно по разным поводам упоминается имя поэта, к которому он относился по дружески очень тепло и, можно сказать, даже благоговейно.

***

В ОРИР сохранилась книга В. Г. Короленко «Война, Отечество и человечество» с подзаголовком «Письма о вопросах нашего времени». В конце текста указана дата создания – август 1917 года. А напечатана она была в серии «культурно – просветительная библиотека» товарищества «Книгоиздательство писателей в Москве».

В главе под названием «Любовь к родине» Короленко упоминает о П.Якубовиче. Он сообщает современному читателю, что «*значительную часть жизни П. Ф. Якубович провел на каторге».*

Короленко пишет**:** «*Совсем юношей попал он на каторгу за то, что рано полюбил свободу в стране рабства. И он горько упрекает родину, которая гнала своих детей – «на край земли.*

– В снега бесплодных стран, – Убивала в цвете сил».

При этом писатель приводит ряд полюбившихся поэтических строк**.**

Приложение 1. К истории двух поэтических посвящений в адрес Короленко

1

Поэтическое посвящение Петра Филипповича Якубовича – это еще один выразительный голос в хоре голосов современников о писателе.

Их связывали многолетние дружеские отношения, о которых следовало бы рассказать особо, но в данном приложении о них упоминается лишь в связи с историей публикации стихотворения Якубовича, посвященного Короленко. Поэт был на семь лет младше Короленко и в свою очередь относился к нему как к старшему товарищу ив творчестве, и жизни.

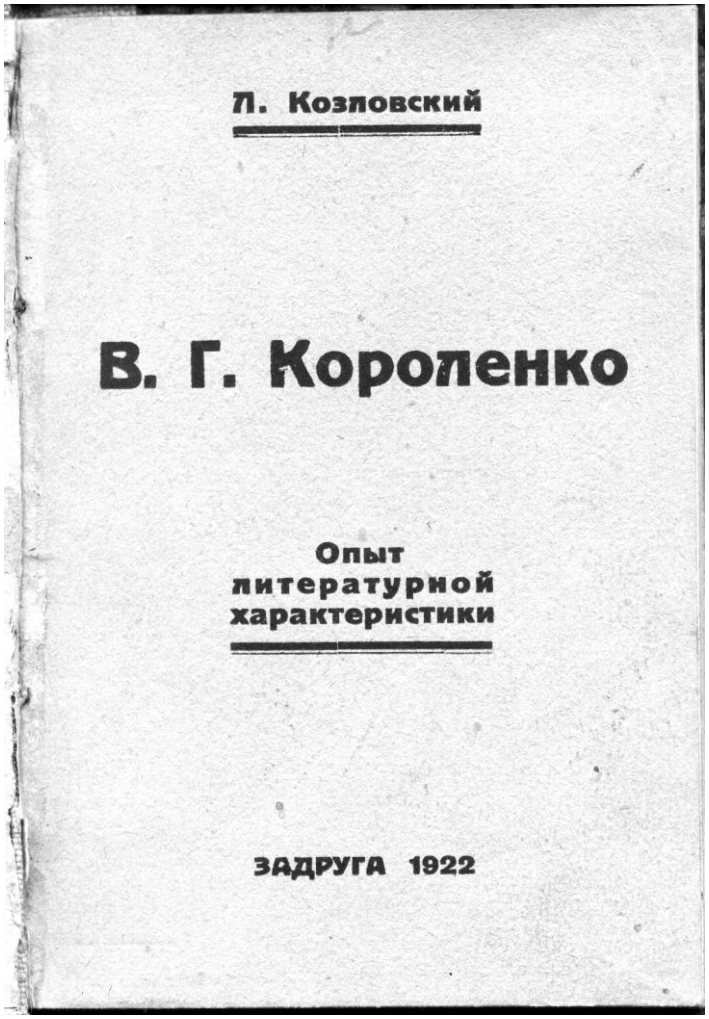
***

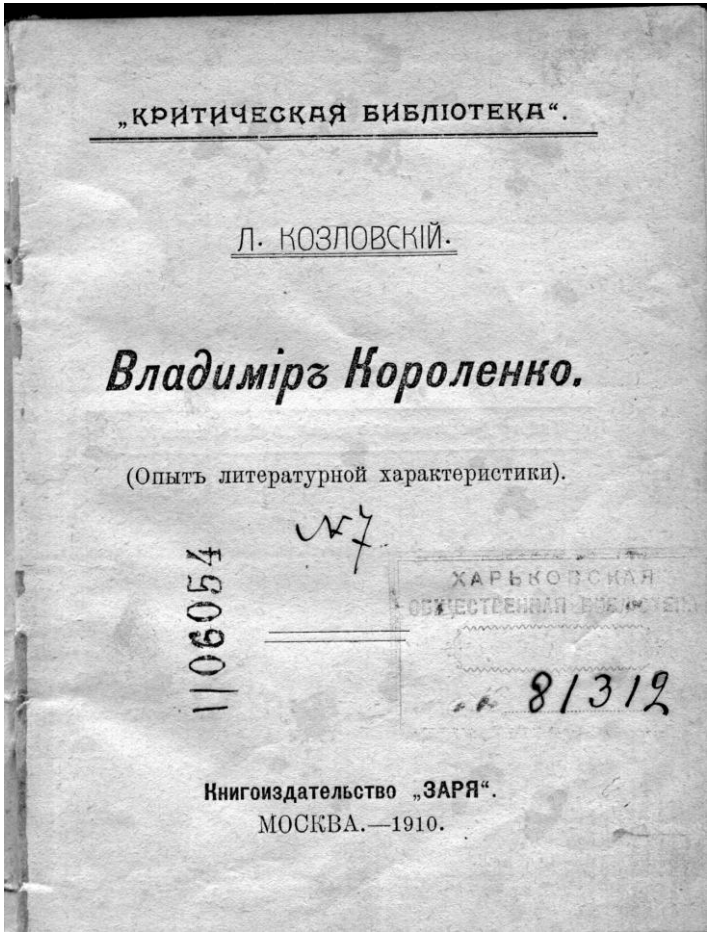
Заметим, что эта публикация состоялась еще при жизни писателя. Оба не только лично знали друг друга, но и неоднократно принимали участие в сборниках коллективного автора, как правило, направленные на благотворительные цели, например, «Нижегородский сборник», вышедший в Петербурге в 1905 году.

На титульном листе сохранившегося экземпляра указано, что это издание осуществило товарищество «Знание» и что *«весь доход с издания поступает в распоряжение общества взаимопомощи учащихся нижегородской губернии на устройство общежития для учительских детей».*

В этом сборнике Петр Филлиппович Якубович напечатал стихотворение «Смерть орла», а Короленко опубликовал очередную путевую зарисовку под названием «Божий городок».

В своем стихотворении поэт в своеобразной аллегорической форме создает образ героя – борца с трагической судьбой. Это стихотворение было написано





прекрасной сущности человека он открыл не интуитивным путем, не придумал, не облек в образы свою внутреннюю идею, – он долго и тщательно изучал людей народа в действительности, и лишь затем открыл в них истинную сущность.
Художественная правда вошла в произведения Короленко из реального большого мира…» (1940).

22

Е. А. Евтушенко:

- «*Этот человек был символом гражданственности.*
- *Он откликался на каждую боль на свете, во многих случаях защищал престиж и достоинство русского народа, и не только русского.*
- *Горячо выступал, например, против еврейских погромов, вообще против антисемитизма, как, кстати, ни один человек в России того времени.*
- *Это был человек, который ничего не делал для того, чтобы прославиться самому или, что называется «показаться» другим людям.*
- *У него была обнаженная совесть, невероятная чувствительность к человеческой боли.*
- *Я очень люблю его произведения*»**.**

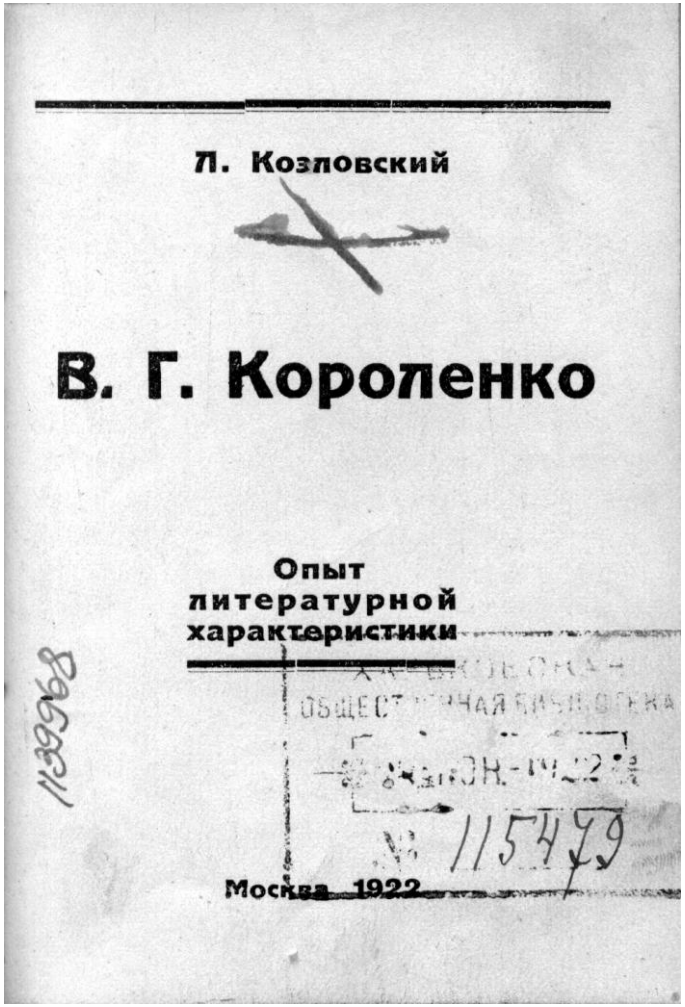
своих дней Короленко прошел «трудным путем героя», – как сказал о нем Горький.

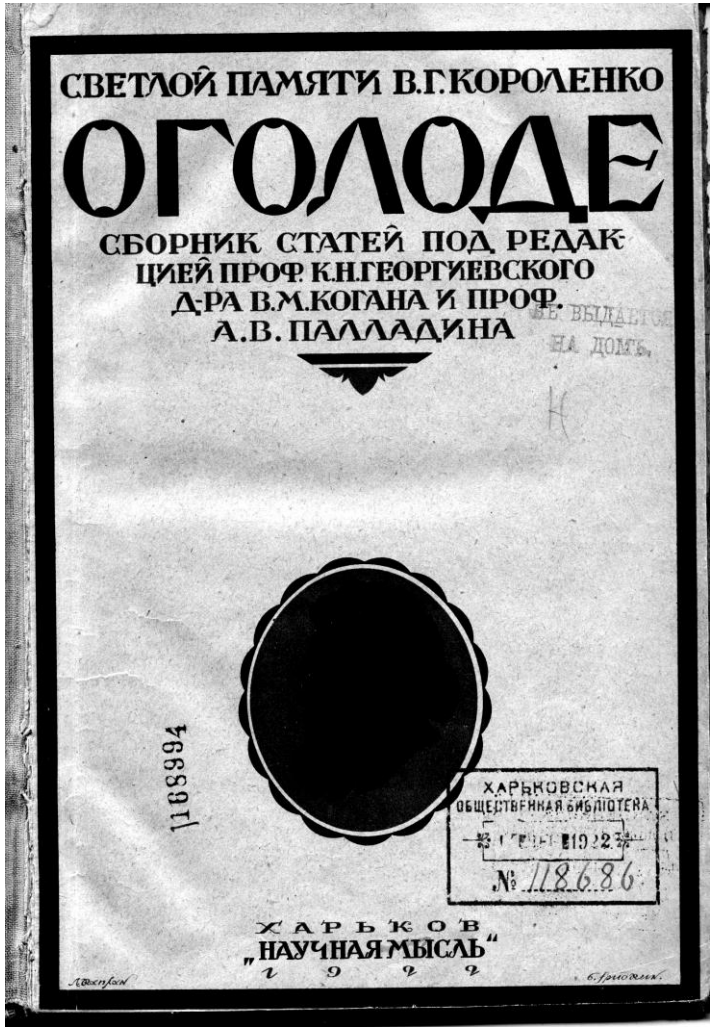
- *Славу Короленко составляют десятка полтора прекрасных рассказов, повестей, несколько публицистических книг; им написана масса газетных и журнальных статей. Но еще больше осталось после него незавершенного, начатого, оставленного на середине, необработанного».*

21

Андрей Платонов:

- «*... Писатель всю жизнь говорил правду в глаза и делал правду на глазах. Писатель всю жизнь «стирал ошибки» своего общества и своего времени – не мнимые ошибки ребенка, не каракули, а ошибки, от которых содрогались, мучились и погибали люди его времени.*
- *...интересы народа Короленко понимал как реалист, потому что в результате всего своего жизненного опыта он являлся одним из лучших знатоков народа – народа не воображаемого, не мистического, не святого, не мнимого, а того, который действительно живет, работает, думает и мечтает на русской земле.*
- *... в чем же сила и значение Короленко? В том, что через все произведения Короленко – большие и малые, через его очерки, записные книжки, письма и через его огромную, блестящую общественную деятельность проходит вера в человека, вера в бессмертие, непобедимое и побеждающее благородство его натуры и разума. И хотя это благородство исторически временно подавлено в нем – оно, однако, прочней костей человека, прочней даже его жизни. Самое важное и постоянно ценное в творчестве Короленко – то, что свое убеждение в*





оптимизме, ибо человек по природе добр, и только дурные условия жизни, созданные деспотизмом и грубым эгоистическим капитализмом, сделали его таким, какой он есть, – бедным, беспомощным, нелепым, жалким и вызывающим раздражение созданьем».

20

В. П. Катаев:

- *«Открыть значение личности на почве значения масс» – такое эстетическое требование выдвинул Короленко в эпоху, когда началось пробуждение масс.*
- *О себе Короленко мог бы сказать словами одного из своих героев: «Его любовь была любовь к свободе, а его ненависть – вражда к угнетению... язык его был подобен мечу, поражавшему лживые измышления... По мере того, как ненавистный гнет усиливался, он отдавал свое сердце народу, – сердце, горевшее любовью».*
- *Не только литературными произведениями – всей своей деятельностью Короленко подтверждал эту характеристику. Ни малейшего противоречия не было между тем, чему учил и к чему призывал он своих читателей, и тем, как жил и действовал сам. И в творчестве, и в жизни Короленко, по словам Горького, представал «редким человеком по красоте и стойкости духа», «идеальным образцом писателя».*
- *Нельзя понять Короленко – писателя, не зная хотя бы в общих чертах личность этого замечательного человека, события его жизни, в которой писательский труд занял место не сразу и никогда не осознавался исключительным, единственным и главным. С ранней молодости до конца*

всего истина. Иначе, какая же это история? Да и вообще, истина в печати – дело самое важное. Лучше даже злоупотребление свободой, чем ее отсутствие…»

18

Бархин. К..:

- «*Короленко – гармоническая натура. Таких наша словесность, наша журналистика почти не знала.*
- *Короленко не испытывал мук раздвоения. Единство мира – основной постулат философии Короленко. Космос для него – это расширенный и углубленный человек. Личность и природа представляют у Короленко высшее моральное единство.*
- *Террор Короленко рассматривал как горький плод долгого и тяжкого бесправия. У него была широкая проповедь культуры!*
- *Он исповедывал религию человечности. И на этом основывается его моральное жизнепонимание! Это натура даже религиозная не в смысле признания той или другой религиозной догмы.*
- *У Короленко – картины внутреннего единства жизни большого сердца*!».

19

Мирский Д.:

«Но неповторимость Короленко – в соединении поэтичности с тонким юмором и неумирающей верой в человеческую душу. Сочувствие к людям и вера в человеческую доброту характерна для русского народника; мир Короленко – это мир, основанный на

Глава 2

Малоизвестная страница творческой биографии В. Г. Короленко

В книге «История моего современника» (изд. 1920 года) в главе «В студенческие годы» Короленко вспоминал о том, как пробовал свои силы в переводческой деятельности. Он писал: «*Приходилось думать о заработке. Я продолжал рисовать атласы, брал еще чертежи, рисовал географические карты для печати.*
Вместе со старшим братом переводил для Окрейца романы по 7 руб. с печатного листа и вообще занимался подобной черной работой».
Однако никакого комментария и разъяснений к этим строчкам не было.

Чем примечателен этот отрывок? Во-первых, В. Г. констатирует факт своей переводческой деятельности, причем задолго до того, как был написан его первый рассказ.
Во-вторых, указана, и это немаловажно, фамилия его работодателя.
В-третьих, он занимался переводом вместе со старшим братом…
Этот факт в истории его становления как творческой личности представляется интересным и, к тому же, является почти неизученным.

***

В наиболее полном современном издании «Истории моего современника», которое вышло в Москве в 1965 году, в примечаниях дается следующее уточнение: *«С. С. Окрейц издавал ежемесячный журнал «Библиотека дешевая и общедоступная», печатавший*

переводные романы. Фамилии переводчиков при этом не указывались…»

В 1872 – 1873 годы братья занимались переводами, о чем свидетельствует строка в этом издании, но отсутствующая в других изданиях: «*…вместе со старшим братом переводил для Окрейца романы в 1872–1873».*

***

В примечаниях к этому изданию имеется интересная подробность: «В архиве Государственной публичной библиотеки сохранилось прошение Юлиана от 15. 9. 1872 года (обратим внимание на дату!), содержащее просьбу разрешить «чтение книг из отделения романов и повестей», необходимых ему для трудов *«на поприще русской переводной литературы»…»* (Архив ГПБ. 1872., д. 61., л. 50. Сообщено И. К. Кирпичевой).

Значит свою деятельность как переводчика Юлиан Короленко, а вместе с ним и его брат Владимир, считал общезначимой и необходимой «на поприще русской переводной литературы».

В 1871 году в Петербурге С. С. Окрейц стал издателем широко известного ежемесячного журнала «*Библиотека дешевая и общедоступная. Библиографии* и *беллетристики»,* но с 1874 года издателем этого журнала стал некий Меркульев, а в 1875 году на 9-м номере журнал и вовсе прекратил свое существование.
Однако временные рамки, когда С. Окрейц был редактором этого издания, не совсем согласуются со временем, когда братья Короленко вплотную занялись переводами.

Если обратиться к «Биографической канве жизни и деятельности В. Г. Короленко», составленной по данным архива Короленко, официальным документам, записным книжкам и дневникам и напечатанной в первом посмертном издании собрания

Короленко.

- *Не старость и не лета, а горячее сердце и чуткая к чужому горю душа надломили его организм.*
- *Наша душа решительно отказывается примириться с тем, что от В. Г. ничего не осталось в жизни из того, что реально жило в нем…»*

17

Протопопов С.:

- *«Короленко в 1921 году подводил итоги и, конечно, не раз пересматривал и больной вопрос о своей общественной деятельности. Не было ли ошибкой так часто отвлекаться от чистой беллетристики в область общественных дел?.. опять и опять он приходил к выводу, что раскаиваться ему не следует, что поступал он правильно.*
- *Он тратил силы на крупнейшие дела… всероссийского или общечеловеческого масштаба.*
- *Он инстинктивно чувствовал, что ему даны способности общественного деятеля не менее важные, чем его литературные таланты.*
- *Короленко можно назвать истинно беспартийным с широким политическим взглядом гражданином.*
- *Он был особенно чувствителен к разлуке… привязывался к людям сильно, любил горячо, искренно и неизменно.*
- *Короленко был человек чрезвычайной отзывчивости… Он понимал и ценил красоту. Он порядочно рисовал. Чутко описывал красоты природы, чувствовал море и величественные картины гор, ценил он и человеческую внешность.*
- *4. 07. 1921 года он писал: «В истории важнее*

«Человек создан для счастья, как птица для полета».

14

Богданович Т. А.:

- *Постоянное неутомимое искание ответа на основные вопросы бытия и вечное служение тому «неведомому Богу», которого он еще не умеет назвать, но который воздвигнут незыблемый – алтарь в его душе.*
- *… его можно назвать Сократом нашего времени, не желающими отказываться ни от чего, что дал ему разум и опыт поколений, но горячо верующему «неведомому Богу», который может своим высшим светом озарить все завоевания разума и спасти гибнущее человечество*».

15

Дерман А.:

- «*Короленко всю сознательную жизнь делал в сущности одно только дело: кидался с самозабвением туда, где падал придавленный жизнью человек – кто бы он ни был, какому бы Богу он не молился, какая бы кровь ни текла в его жилах…*
- *У Короленко было сознание личной ответственности за общий порядок жизни…»*

16

Имшенецкий. Я.:

- «*Жажда водворения в жизни правды и человечности определили жизненный путь В. Г.*

сочинений (1929. Т. 5), то выясняется следующее:

Осенью 1872 года вся семья Короленко переехала в Кронштадт. С конца 1873 года братья занялись корректорской работой (о переводах в этом источнике вообще не упоминается – С. Ш.). С апреля 1876 года В. Г. Короленко живет в Кронштадте под надзором полиции.

Затем последовал переезд из Кронштадта и краткий период их проживания в Петербурге с осени 1877 по март 1879 года, когда оба брата были арестованы.

Как мы увидим дальше, один из их совместных переводов датирован 1878 годом. При этом их работа даже издана отдельной книгой (см. самостоятельный сюжет о переводе Ж. Мишле).

К сожалению, фамилии переводчиков в журнале не указывались. Установлен только печатный орган, в котором эти переводы печатались: журнал «*Библиотека дешевая и общедоступная*».

В примечаниях об Окрейце сообщается очень кратко: «*Окрейц Ст. Ст. (р. 1834) издатель журналов*».

С. Окрейц принадлежал к другому поколению и был значительно старше братьев Короленко.

Значит заниматься переводческой деятельностью братьям непосредственно «помогал» Станислав Станиславович Окрейц. Сам он одно время активно занимался литературной и издательской деятельностью.

Что же представлял собой первый «работодатель» Короленко? Оказывается, в свое время он был личностью достаточно одиозной, и характеристика, которой удостоили его современники, весьма нелицеприятна.

В справочных изданиях по истории периодики последней четверти XIX века Станислав Станиславович Окрейц представлен как «*публицист, критик и писатель, как автор романов».* Но больше всего он был

известен как издатель.

Известны следующие его художественные произведения:

- Во мраке» (СПб. 1881 – 1883),
- Преступник» (СПб. 1888),
- В Сибири. Уголовный роман» (1889) и др.».

***

В печати С. С. Окрейц часто выступал под псевдонимом С. Орлицкий. Примечательно, что в «Словаре псевдонимов» под редакцией Масанова приведены и некоторые другие его псевдонимы, но при этом почему-то не указаны даты его жизни. Помимо данных о его разнообразных псевдонимах, Ю. Масанов приводит названия и тех периодических изданий, в которых печатался С. Окрейц (см. отд. приложение).

Его критические обзоры о романах Писемского и Крестовского, которые он публиковал на страницах разных журналов, таких как «*Дело»,* где был напечатан его обзор «*Журналистика 1869 года».* И подпись: Окр-ц (Окрейц С.).

В этом же журнале была напечатана его статья «Новые романы старых романистов», в которой речь шла о новом романе И. Гончарова.

В рецензии, посвященной роману Крестовского, С. С. Окрейц отметил низкий культурный уровень той читающей публики, среди которой пользовались успехом «Петербургские трущобы».

В 1899 году в Петербурге вышла «Автобиографическая хроника» Окрейца С. С. «Далекие годы» (СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1899. – 251 с). Такой жанр был определен самим автором.

Перед заглавием указан автор С. С. Орлицкий, но в скобках приведена и его настоящая фамилия Не понятно при этом, зачем нужен был псевдоним? В фондах ХОБ сохранился один из экземпляров этого издания**.**

долг и поведение.

- *... его жизненный подвиг длился почти пол – столетия неустанно от первых шагов сознательного вмешательства в общественные дела до последних ударов пульса в Полтаве. Так жить « для великого дела любви», быть может, труднее, чем умереть за это дело.*
- *... он не чуждался скромной роли «брата милосердия»… Но по всему складу характера позиция воина была ему родственнее.*
- *... за каждый свой шаг он отвечал в полной мере и всесторонне.*
- *У него была властная потребность сказать свое слово будущему. Чем крупнее писатель, тем настоятельнее эта потребность.*
- *В противоречии между путями революционной стихии и требованиями моральной личности, мучительно и для меня, и для него таилось слишком много.*
- *В революции есть свой ближний и дальний. Ближний связан с отрицанием прошлого. Дальний – в жажде будущего. К ближним В. Г. отнесся как брат милосердия по отношению к людям и как судья по отношению к их поступкам. Дальнему отдал любовь, заветные думы, интимные планы.*

13

А. Гизетти вспоминал следующие слова Короленко, которые стали для него памятны навсегда: «…Трудом или подвигом, незаметной работой или героической борьбой. Утверждать начало деятельной любви – связи с людьми. Есть эта связь – и не страшна смерть и не пугает, а влечет загадочная Вечность и никакие страдания не заставят забыть светлую мысль.

12

Петрищев А.:

- «*К писательскому служению он относился строго, пожалуй, даже сурово. Именно, как служению, к подвигу, а не как к занятию или обыкновенной работе.*
… в суждениях о своих литературных трудах он был слишком скромен.
- *… так называемое «умение устраивать свои дела» было ему органически чуждо.*
… он стоически довольствовался малым.
- *… По пути сурового самоограничения и шла вся публицистическая деятельность Короленко... У него была огромная вера в человеческую стихию каждого.*
- *Доле непрестанного труда и стоического спокойствия перед ударами и невзгодами он остался верен до конца.*
- *… В призме его понятий и убеждений вопросы даже чисто внешнего порядка преломлялись так, что становились личными вопросами совести и чести.*
- *… вопросы личного достоинства решались в каждом отдельном случае большим умом. Уму малому такие дороги вообще не под силу. Большим умом решались задачи… и большой чуткостью.*
- *… Думая о нем, я привык вспоминать древний завет о широких и узких вратах жизни.*
- *В. Г. никогда не соблазнялся линиями наименьшего сопротивления. Я бы решился назвать блаженным бессмертием.*
- *… в существе В. Г. был непреклоннейшим из непреклонных. К словам основоположника новой социальной веры, Фурье: «человек рожден для счастья». Он прибавил сравнение:* ***«как птица для полета».*** *Для него это была не только истина, но и справедливость, – норма, определяющая моральный*

Книга начинается риторическим вопросом: «Кому автор посвятит свою книгу? Конечно, посвятит литератору, деятельность которого принесла выдающуюся пользу обществу. И кому же, как не литератору, подлежит дань уважения другого литератора, хотя бы и менее заметного, скромного по результатам трудов, но все же десятки лет батрачившего в храмине русской журналистики».

Казалось бы, далее последует имя того, кому эту книгу посвящает автор, но мысль его расплывается, и далеко не сразу он называет это имя, а имя-то было во многом одиозным, а сама личность достаточно противоречивая: речь идет об издателе «Нового времени» А. С. Суворине.

С. Орлицкий заканчивает свое вступление так: «*… Посвящение моей книги только дань уважения деятельности литератора, журналиста и издателя, принесшего, по моему крайнему убеждению, большую пользу обществу».*

Книга «Далекие годы» рассказывает о детстве, отрочестве и юности автора и не отличается особой оригинальностью ни своим сюжетом, ни композицией, ни другими художественными особенностями.

Представляют интерес всего несколько признаний С. Орлицкого, таких, например, как эти: «*Я родился во второй половине 30-х годов. Жизнь окружающая меня теперь, совсем не похожа на далекие годы! Это был особый мир, исчезнувший почти бесследно,… мне хотелось бы воскресить, хотя бы отчасти, особенности и характерные черты этого далекого, уже вымершего в забытых могилах погребенного мира*».

***

В фонде библиотеки сохранились и другие его сочинения, причем среди них и такие, о которых в справочном издании Масанова не сообщается.

Орлицкий С. С. (Окрейц):

- Далекие годы. Автобиографическая хроника. (СПб. 1899).
- Библиотека дешевая. Повести и романы. (М.1890).
- Во мраке. Роман. 2 изд. (СПб. 1883).
- Кто виноват. Роман в 2-х ч. (СПб. 1891).
- Старосветские помещики. Очерки западного края. (СПб. 1885).

***

В 1873 году дамский журнал, издававшийся в СПб под названием «*Ваза»* и посвященный модам, перешел к С. С. Окрейцу как издателю. Это периодическое иллюстрированное издание выходило с 1832 по 1884 год под разными уточняющими названиями. Оно представляет собой библиографическую редкость.

Установлено, что в 1870-х годах знаменитая «Марсельеза» была переведена на русский язык поэтом и литератором А. К. Шелером-Михайловым, а затем напечатана в одном из изданий С. С. Окрейца.

В 1881– 1890 годах С. С. Окрейц становится редактором еженедельного журнала политики, литературы и общественной жизни «*Свет и тени»*. Журнал издавался в Петербурге с 1880 года.

Петербургский иллюстрированный журнал *«Луч»* выходил в СПб с 1880 года. В качестве приложений к журналу издавались моды, рукоделья и романы *(12 книг в год!).* Выходил также в качестве приложения и особый еженедельный журнал «*Иллюстрированный мир.* Редактором их был С. С. Окрейц. С 1890 года журнал «переродился в газету».

Таким образом, вполне очевидно, что С. Окрейц более 25 лет занимался редакторской и издательской деятельностью.

таланта, как и результат того, что он рыцарь пера в лучшем смысле этого слова. Случится ли стихийное бедствие, осудят ли невинных людей, учинят ли погром, доведут ли до кошмара, до превращения в «бытовое явление смертной казни, Короленко уже «не может молчать», по выражению Толстого, ему не боязно говорить об «избитом сюжете».

И искренность гуманизма Короленко так глубока и несомненна, что захватывает читателя совершенно независимо от принадлежности к тому или другому политическому лагерю. Короленко не «партиец», он гуманист в прямом и непосредственном смысле слова».

10

Сакулин П. Н.:

«*Он обаятелен для нас в своей духовной целостности, в изумительной гармонии своего душевного строя...»*

11

Дм. Стонов:

«Из под густых бровей смотрят на меня ласково юные живые глаза.
В них горит особый огонь, способный расплавить какое угодно сердце.
И видят они насквозь, ласково пробираются к душе, ко всем заветным её тайникам.
*Надо было видеть Короленко, чтобы знать, почему так легко с ним, почему нельзя говорить с Владимиром Галактионовичем по ранее «заготовленному плану», по заученному»**.***
Короленко говорил: Я всегда был противником работы напоказ. Работать, так работать по настоящему…. Каждая встреча с ним – клад. Каждое его слово – луч».

8

Скабичевский А.:

- «*Он верен лучшим традициям 60-х годов и идет самостоятельным путем.*

Короленко – писатель, которого можно поставить во главе современной беллетристики по силе таланта, по богатству художественного материала, по широте сферы наблюдательности, наконец, по самому миросозерцанию, обнаруживающему человека, стоящего в уровне века по своему образованию».

…Образы его так ярки и сочны, юмор весел и задушевен.

- *…Короленко – человек, изъездивший Россию вдоль и поперек, и поэтому богат жизненным опытом и наблюдениями жизни.*
- *… У Короленко вы не встретите ни одного повторения, ничего, что хотя бы одной чертой напоминало читанное вами в предшествовавших произведениях того же автора.*
- *Каждое его произведение представляет свой особенный мир.*
- *Каждое выведенное им лицо представляет собой рельефно – очерченный характер.*
- *Художественная полнота, законченность и гармоничность, составляющая редкое в наше время и дорогое качество, являются неотъемлемою принадлежностью рассказов Короленко».*

9

С. А. Венгеров:

«*В общем, высокое положение, которое занимает в современной литературе Короленко, – в такой же степени выражение прекрасного, в одно и то же время и задушевного, и изящного художественного*

В 1903 – 1904 гг. редактором и издателем ежедневного петербургского общественно-литературного журнала «*Речь»,* недолго выходившего в СПб. также был С. С. Окрейц.

В 1905 году в журнале «Исторический вестник» были напечатаны две работы С. С. Окрейца, причем уже не под псевдонимом. Эти работы дают достаточно полное представление о его личности.

В очерке под названием «*Убежище имени Пушкина в Одессе*» рассказывается о его впечатлениях от посещения в течение двух недель благотворительной богадельни, где доживали свой век нищие старики-литераторы. Эту богадельню автор называет «убежищем для инвалидов литературы». Он сокрушенно пишет: «Бедное пушкинское убежище!.. участь литераторов в нем довольно печальная… скверно и холодно... и царит повальная нищета».

Он пишет о том, как перед благотворителем по фамилии Навроцкий, с которым он встретился на прощание, он стоял униженно – «*стоял я, старый писатель, не покладавший пера в течение 40 лет, сочинения которого замечали критики…»*

Так из этой публикации становятся известны некоторые биографические подробности о литераторе и издателе, жизненный путь которого на короткое время пересекся с судьбой В. Г. Короленко.

Во втором очерке, названном «*Семь дней в комендантском управлении»,* автор вспоминает время, когда он издавал и редактировал журнал «Луч». Он пишет: «*Обстоятельства мои тогда были тесные и скверные. Жаль было «Луча», мной основанного, моими трудами достигшего довольно широкой известности и вот-вот готового угаснуть…»*

По какому-то недоразумению неделю ему пришлось провести в тюремной камере, причем в той, в которой, по его словам, когда-то был заключен М. Ю.

Лермонтов.

Это было время, когда С. С. Окрейц, по его признанию, испытал «*болезненное желание вернуть прошлое».*

Он приходит к банальному, в сущности, выводу, что «*тюрьма есть жестокое наказание»,* и часто это хуже физической смерти.

В том же году С. Окрейц напечатал очерк под названием «Цадик Мендель из Любичи. Предсказание Цадика», в котором также мелькают некоторые интересные биографические сведения о нем самом. Он пишет о так называемом предсказании его дальнейшей судьбы: *«Вы скоро уедете далеко на север, перемените род занятий, сначала подвергнетесь большой опасности, но счастливо избегните несчастия. Не женитесь здесь, как предполагаете, а женитесь там, и будете жить счастливо и в согласии. У вас родится двое детей, добьетесь богатства и потеряете его, сделаетесь известным человеком…»*

И действительно, как вспоминает Окрейц: «*В 1863 году точно подвергся большой опасности… было приказано всех чиновников римско-католиков уволить. Я очутился в отставке и волей-неволей уехал на север…в Вильне познакомился с А. К. Киркором, основателем газеты «Новое время», переехал в Пб. и сделался русским литератором, потеряв положение в акцизном ведомстве, ... я был первым по времени секретарем редакции «Нового времени».*

Вскользь упоминает он и об издании журнала «Луч»: «*… было издание «Луч» и 20 000 подписчиков. Журнал «Луч» очень ловким маневром вырвал у меня г. Шендер-Вольф*».

И заканчивает признанием: «*… сохранил я голову, хотя мне идет уже восьмой десяток лет… предсказания Цадика Менделя исполнились*». На собственном опыте он смог убедиться в том, что предсказания раввина

5

Максим Горький:

- «*Среди русских культурных людей я не встречал человека с таким неутомимым стремлением к правде-справедливости…*
- *Он ведь для меня был и остается самым законченным человеком из сотен, мною встреченных, и он для меня идеальный образ русского писателя... Мне горестно знать, что я мало встречался с ним, меньше, чем мог бы. У меня к нему было чувство непоколебимого доверия.*
- *Я был дружен со многими литераторами, но ни один из них не мог мне внушить того чувства уважения, которое внушил Владимир Галактионович с первой моей встречи с ним. Он был моим учителем недолго, но он был им, и это моя гордость по сей день*».

6

Чехов А. П.:

«*Я готов поклясться, что Короленко очень хороший человек. Идти не только рядом, но даже за этим парнем – весело»…*

7

Горнфельд А. Г.:

- *О лучшем произведении Короленко, едва ли возможны споры…*
- *…лучшее его произведение – он сам, его жизнь, его существо. Лучшее – не потому, что моральное, привлекательное, поучительное, но потому, что самое художественное.*

общественное чувство ответственности проявилось у этого благодатного художника сильнее, чем даже его любовь к природе, свободной скитальнической жизни, к поэтическому творчеству. Захваченный волной близившейся революционной бури, он с конца 90-х годов все больше отходил от художественного творчества, выступал лишь сверкая клинком, как борец за свободу, как духовный вождь оппозиционного движения русской интеллигенции». (Слова выделены Р. Люксембург – С. Ш.).

2

Ромен Роллан:

«Имя Короленко внушает мне глубокое уважение. Меня всегда поражало, что все русские, с которыми мне приходилось иметь дело, к какой бы партии они не принадлежали, говорили о Вашем отце с одинаковой искренней любовью, относящейся не только к писателю, но и к нему, как человеку высокой морали, стоящему над партиями...»

3

А. Ф. Кони:

«Жизнь Ваша необходима не только для духовного воздействия на наше общество, но и для многих, кому хочется верить в нравственное возрождение родины…»

4

А. В. Амфитеатров:

«*Много есть писателей моднее и шумнее, но Короленко – зеркало совести русской, ибо нет на Руси другого писателя, которому общество так любовно и твердо верило бы, в котором полнее видело бы всё хорошее, что есть в переживаемом веке».*

Менахема-Мендла о его жизни неожиданным образом сбылись.

И хотя из этого рассказа стали известны отдельные моменты его биографии, тем не менее, многое остается неясным. Почему, например, Окрейц не упоминает о том времени, когда он был редактором переводных романов?

В 1911 году на страницах «Витебских губернских ведомостей» сообщалось о том, что *«их земляк и автор очень популярного в свое время романа «В омуте» С. Окрейц ныне покойник».* Так приблизительно стало известно время ухода его из жизни.

А в 1916 году в журнале «Исторический вестник» были напечатаны его воспоминания под названием «*Литературные встречи и знакомства»*. Они написаны откровенно и с беспощадной правдой по отношению к самому себе.

Вот лишь некоторые фрагменты, которые могут служить своеобразными штрихами к его автопортрету: *«В начале 1910-х годов мне пришлось интервьюировать для «Петербургской газеты»(!) Михайловского… это вовсе не улыбалось мне… от прежнего красавца Михайловского начала 80-х годов решительно ничего не осталось…. При нервности Михайловского мое интервью шло неуспешно… меня интересовала сама личность Михайловского – крупной литературной единицы, вожака молодежи, передового бойца некрасовских «Отечественных записок». В «Русском богатстве» он как-то умалился, потерял свой цвет… меня поразили в нем утомление, отсутствие живого интереса, какая-то апатия… где ты, былой вулканический полемист недавнего прошлого?».*

Эту газету издавал некий Худяков, который и дал задание С. Окрейцу. И далее следует краткий диалог:

Михайловский: – Разве берлога Худякова (редактора) имеет что-либо общего с литературой?

Окрейц: – У меня тогда был период уныния и я, сидя в Павловске, ничего не писал…»

«Приговор Михайловского относительно «Пб. Газеты» я считал резким, партийным», – резюмирует Окрейц. Он как бы вступает в полемику с Н. М. Михайловским: «*У нас нет бульварных газет, вероятно, за отсутствием бульваров, но маленькая пресса необходима, и в ее недрах формируются иной раз таланты, хотя бы взять Чехова, тоже начавшего в «Петербургской газете».*

Не следует забывать, что Н. М. Михайловский был многолетним другом и единомышленником Владимира Галактионовича Короленко.

И еще несколько эпизодов из жизни С. Окрейца: *«В девятисотом году я написал книгу «Далекие годы» и поместил в «Наблюдателе» Пятковского…. Работа мне самому показалась хорошей…. По совету Пятковского, я посвятил ее А. С. Суворину.*

– левые нападут на вас за ваше посвящение ему, но ничего… старик достойный… случалось мне не раз ходить в редакции и объясняться даже с крупными редакторами и ничего.

…Писать в «Новое время» мне не пришлось… сам Суворин был очень занимательный и приятный собеседник…. Он увлекался многими людьми, ценил их свыше меры и их таланты».

Нужно напомнить, передовая журналистика конца XIX века достаточно справедливо считала А.С. Суворина ретроградом и даже реакционером.

Не менее интересен фрагмент мемуаров С. Окрейца, где он пишет о редакторе журнала «Исторический вестник» – С. Н. Шубинском и собственных выступлениях против «еврейского засилия в текущей тогда экономической жизни России».

Он признавался: «*Мои выпады против еврейского засилия прошли в «Русском листке» положительно…*

- *Короленко стал во главе русской прогрессивной интеллигенции (борьба с голодом 1891 года). Этому он отдал всего себя. Организация народного питания в голодающих деревнях. Возникали на его пути тысячи противодействий! В его дневнике – ужасные картины Голгофы русской деревни – это вечный памятник царского строя!*
- *У Короленко «высокий нравственный авторитет».*
- *Его произведение «В холерный год» – памятник исторической и художественной ценности! Здесь нет показного пафоса, сентиментальности, а есть глубокое проникновение во все подробности человеческой муки... есть стремление «внести свет и смысл» в «кровавый хаос».*
- *Его «Бытовое явление» произвело впечатление потрясающего обвинения. Маленькая брошюра против смертной казни!*
- *В 90-е годы в России нашумело обвинение в ритуальном убийстве – мултанское дело! Короленко заступился за полудиких вотяков и отдался этому делу со свойственной ему энергией, Он напоминал Жореса в деле Дрейфуса, он мобилизовал прессу, общественное мнение и лично участвовал в судебной защите.*
- *В 1913 году – дело Бейлиса! Вновь обвинение в ритуальном убийстве. Этот процесс напоминал сражение между либералами и реакционерами. Короленко выступил тогда, когда нужна была общественная помощь и нравственный протест против всякой несправедливости. «Сказание о Флоре» – рассказ в евангельском стиле! «Свежим дыханием ветра повеяло от мужественных слов Короленко среди удушливого тумана бездействия и мистики».*
- *Короленко – чистый лирик, человек нежнейшей души. В художественном отношении он – антипод Горького! Дух русской литературы, высокое*

*представляет **единственное** в своем роде явление...*

- *Пробуждение в русском обществе высоко-гражданственного духа – заслуга русской литературы... «мучительный, но вместе с тем, и творческий дух общественной ответственности».*
- *В Короленко было **«устойчивое равновесие совести...»***
- *Постоянное тягостное чувство ответственности за общественные условия... и поиски выхода из лабиринта общественных отношений.*
- *Ни в какой другой стране не наблюдается такой поразительной краткости жизни самых выдающихся писателей, как в России... У русской литературы чуткая общественная совесть и проникновение в психологию различных характеров.*
- *Короленко – подлинно поэтическая натура... в нём – здоровое влечение к слабым и угнетенным. Он искал убежище в гуманности... у него была духовная выносливость и «солнечный темперамент»……его очерки преисполнены нежнейшей поэтической красоты...*

– в своей жизни он собрал богатую жатву впечатлений и психологических наблюдений...

- *В нем не было никакого учительства и апостольства (как у Толстого), а просто часть его любви к жизни и к людям, его естественной доброты... было отрицательное чувство и отношение к шовинизму и сочувствие к страданию другого человека... сочувствие становится спасением и прозрением.*
- *Короленко становится духовно – зрячим! Он преодолевает эгоизм собственного страдания!*
- *Короленко видел постоянные явления в старой России: хронический голод! – пьянство! дефицит в бюджете! – неграмотность!*

если редактор не выгонит этого писаку из редакции, то ни один его вексель у нас не пройдет… к довершению несчастья, в это же время я захворал дифтеритом. В это скорбное время мне помог Литературный фонд, выслав 100 руб. Выздоравливая, я на досуге написал «Уголок восстания» и отправил в «Исторический вестник».

И еще: *«Ради дороговизны квартир я поселился в Павловске… добрый, умный, ласковый человек был незабвенный С. Н. Шубинский…. В трудные времена я всегда получал аванс. Мир праху твоему, человек добрейший из добрых…»*

Не менее примечателен отрывок, в котором он рассказывает о своем посещении Л. Н. Толстого: *«… разговор начался с моей книги, которую он уже успел просмотреть и одобрить, перешел на театр, на пьесу Чехова «Дядя Ваня». – Пьеса плохая, – решил Толстой,… драмы нет, а если нет драмы, нет и пьесы.*

… много Толстой говорил о МХАТ,е, о «Воскресении»… мне приходилось молчать. Приехал Стасов…. Недели три спустя, я снова был у Толстого…. Его интересовали, как он говорил, религиозные вопросы… я увлекался своей собственной выделки теорией о происхождении религии… терпеливо Толстой выслушал мое чтение… – только идея будущего родит прогресс и идею религии… будущее: что будет за гранью этой жизни?

– Разрешением этого вопроса человеком и создается религия. Толстой: – Другие выводили религию из страха… Больше Толстого я не видел».

В заключительной главе Окрейц пишет: *«Остается сказать о моем издании журнала «Речь»… издатель, редактор, сотрудник, корректор – все это был я сам и никого больше…*

Самоуверенности был у меня много…. Вызывает меня вице - директор департамента МВД:

– ваша «Речь» – филиппика против части населения империи, призыв к бойкоту, а то и хуже. С 1 января мою «Речь» приостановили, и уехал я на даровитую квартиру в Одессу, в Пушкинский приют… евреи под страхом смерти выкурили меня из Одессы…. О том, с кем я встречался после 1906–1907 годов, писать еще рановато…»

Как видим, его позиция в отношении евреев вполне определенна. И естественно она шла вразрез со взглядами В. Г. Короленко, который в знаменитом деле Бейлиса вступился за еврейский народ. Взгляды Окрейца по этому вопросу были чужды и совершенно неприемлемы для Короленко.

***

В современном многотомном справочном издании «История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. Аннотированный указатель книг и публикаций в журналах. (М. 1986) С. Окрейц (р.1834) (дата смерти почему-то не указана!) представлен как «журналист и писатель» и указаны следующие его работы с краткой их аннотацией**:**

- Из скитаний по белу свету. – Исторический вестник. 1910. Т. 121. № 7. С.82–93.

Начало 1900-х годов. Поездка в тверскую губ. Быт, нравы, занятия населения. Местное духовенство.

- Убежище им. Пушкина. – Исторический вестник. 1905. Т. 99. № 2. С. 563–578.

Сентябрь 1904. В. В. Навроцкий – издатель Одесского листка. Условия жизни. Наборщики, граверы, разносчики газет.

- Листки из записной книжки. – Исторический вестник. 1911. Т. 124. № 5. С. 429–446**.**

Изданы автором журнала «Луч». Столкновение с цензурой. Коронация. Ходынская катастрофа.

- Аудиенция у П. А. Столыпина и катастрофа 12

Глава 5

Голоса современников о Короленко

Из этого многоголосья складывается не только мозаичный портрет писателя, но виден и масштаб его личности, видна ушедшая эпоха.

Для современников В. Г. Короленко был привлекателен, прежде всего нравственным «здоровьем» и «порядком» своей души.

«*Он обаятелен для нас в своей духовной целостности, в изумительной гармонии своего душевного строя...»*, – написал сразу после смерти писателя литератор П. Н. Сакулин.

Мемуарист связывает понятие целостности с гармонией**:**

«*Художник, публицист, общественный деятель – всюду творил он жизнь, как воплощение красоты и правды. Короленко ни разу не изменил самому себе. Натура синтетическая, он не знал разлада ни в своем внутреннем «я», ни в творчестве, ни в общественной деятельности. Все стороны его бытия были прочно слажены и скреплены единым духом здорового, трезвого идеализма...»*

***

Д. Н. Овсянико-Куликовский писал о «*редком по высоте и чистоте практическом идеализме» Короленко* (из слов его приветствия в 1903 году).

1

Роза Люксембург:

- *«История литературы сделалась для Короленко отечеством, родиной и родной национальностью, так же как он сам составляет украшение ее –*

августа. – Исторический вестник. 1913. Т. 131. № 3. С. 864–871.

1906. Прием посетителей. Недостатки охраны. Осмотр места после неудавшегося покушения на Столыпина.

Так становится очевидным, что С. Окрейц активно печатался в «Историческом вестнике» с 1905 по 1913 год (1905, 1910, 1911, 1913).

Составители справочного издания пунктуально расписали содержание журнала «*Исторический вестник*» – одного из ведущих дореволюционных журналов, являвшегося несомненным лидером консервативного направления в исторической периодике на протяжении почти сорока лет. Однако в этом издании почему-то не упоминаются ни «Цадик Мендель из Любавич», ни его мемуары «Литературные встречи и знакомства». Между тем эти воспоминания представляют несомненный интерес.

Коротко о личности С. С. Окрейца

В истории русской журналистики Окрейц занимает, увы, одно из самых незавидных мест. Он снискал сомнительную славу «присяжного юдофоба» и человека, «в течение многих лет то под собственной фамилией, то под псевдонимом Орлицкого выливавшего в специально создаваемых им органах печати помои на еврейский народ». Даже деликатный Антон Павлович Чехов, называет С. Окрейца «Юдофобом Юдофобовичем», а в шуточной литературной «Табели о рангах» ставит его на последнее место как «*не имеющего чина*».

У С. Окрейца для пишущей братии еврейского происхождения не находится ни единого доброго слова. Вместе с тем следует отметить, что из-под его пера

иногда выходили и правдивые строки. Так, в автобиографической хронике «Далекие годы» он описывает самодурство польских помещиков, выселявших евреев: «*Выселение производилось очень просто: господские люди под предводительством экономa шли к еврейскому дому, выводили из него осужденную на изгнание семью... Затем несчастных евреек, детей и стариков со всем скарбом вытаскивали на большую дорогу и оставляли в поле, а дом запирали на замок».*

Однако такие откровения в творчестве С. Окрейца единичны.

В книге «Нижегородский сборник памяти В. Г.Короленко».(1923.) приведено несколько писем писателя к общественному деятелю Нижнего Новгорода А. А. Дробышевскому**.**

Так в письме от 8. 11. 1896 года, уже проживая в СПб., Короленко вскользь упомянул имя Окрейца: *«…«Луч» совсем не виден, Окрейц из него вышел, и редактором еще, впрочем, не утвержден Чуйко. Далин вошел главным сотрудником… сегодня Вольфа опять вызвали в Гл. управление – интересно, чем это кончится…»*

Со времени первых опытов Короленко прошло почти двадцать лет. Он весьма сдержан и не дает никакой оценки Окрейцу ни как издателю, ни как литератору.

А в примечаниях к этой фразе приведено краткое и весьма определенное уточнение, какое сделали составители «Нижегородского сборника»: *«Окрейц – журналист-антисемит».*

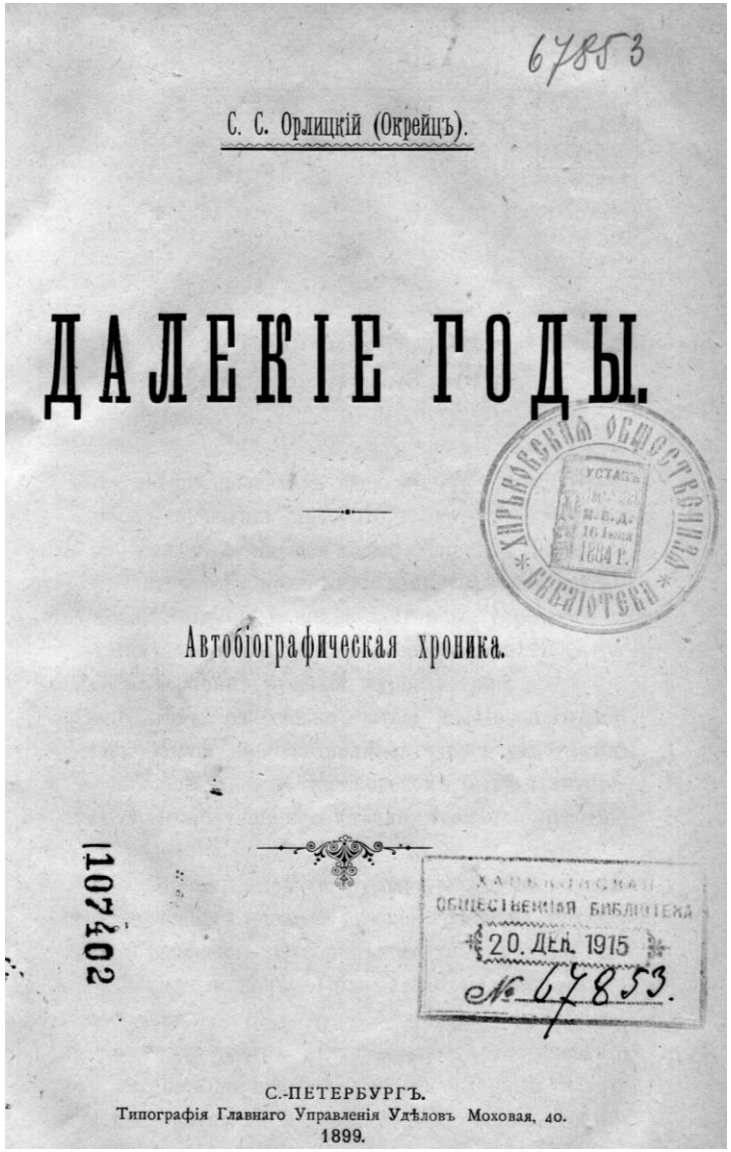
Незавидная характеристика**!**

Судьба С. Окрейца пересеклась с судьбой Владимира Галактионовича Короленко всего один раз…

Н.Д. Шаховская

Некрасовъ, К. Ф.,
гласный Ярославскаго губ. зем.
Племянникъ знаменитаго поэта.

Иллюстрации к главе 2



Глава 3

Огоньки одной судьбы

В коллекции целого ряда изданий о В. Г. Короленко, которые хранятся в фондах отдела редких изданий и рукописей харьковской научной библиотеки им. В. Г. Короленко, есть небольшого размера книжка, на титульном листе которой значится: «Иеромонах Михаил, доцент СПб. Духовной Академии. КОРОЛЕНКО».

Признаюсь, она не сразу привлекла мое внимание.

Внимательное изучение этого раритета позволило выявить ряд интересных деталей.

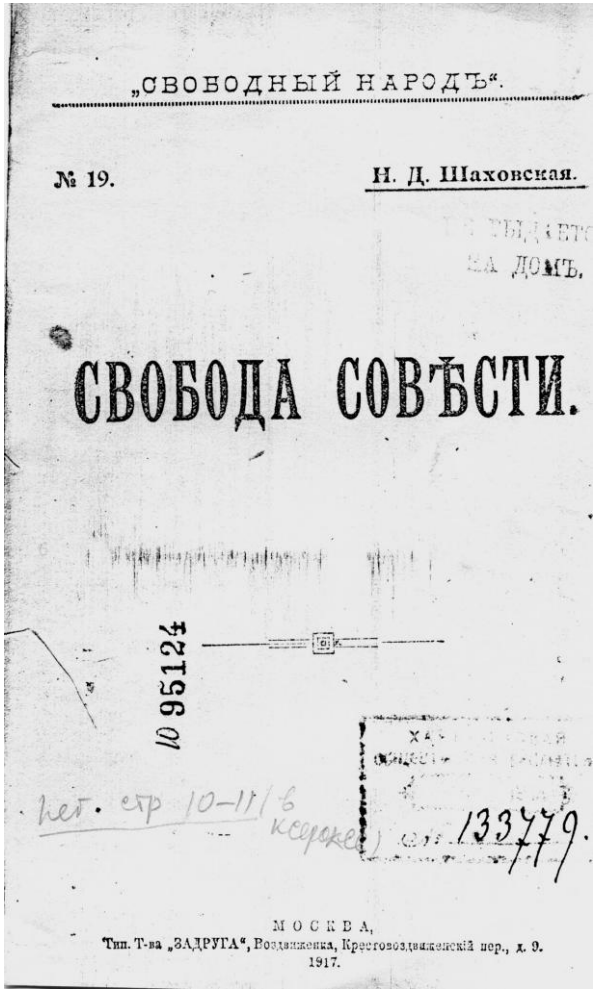
Остановимся на подробной характеристике этой брошюры, *напечатанной при жизни писателя и больше никогда не переиздававшейся.* Более того, в библиографии, посвященной Короленко*, она нигде не упоминается*, что делает находку еще более загадочной и важной.

Книга о Короленко была напечатана в 1904 году в частной петербургской типо-литографии М. П. Фроловой, которая располагалась на Галерной улице.

Объем книжки очень мал – всего 14 страниц! Издание осуществило «Общество распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной церкви», которое находилось в Петербурге. И потому вполне естественно возникают вопросы: Что еще было выпущено этим Обществом? Была ли это серия изданий, или имело место единичное выступление автора в рамках деятельности Общества? Быть может, автор издавал еще что-либо под эгидой этого Общества?

Указание стоимости книжки – всего-то пять копеек – свидетельствует о том, что книжка была предназначена для простого народа.

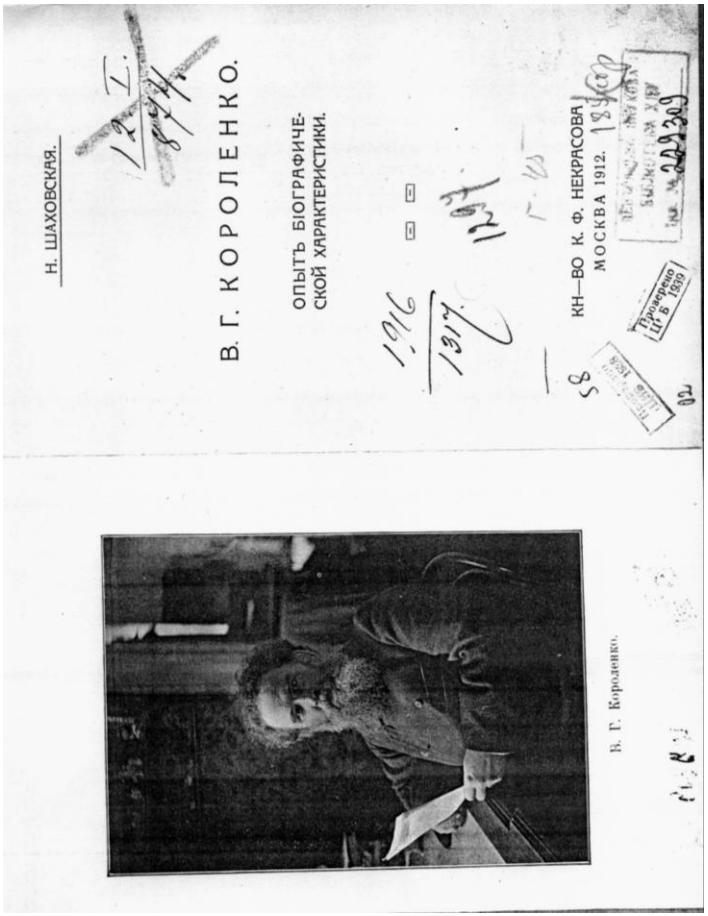
Возникшие вопросы направили дальнейший поиск по


„СВОБОДНЫЙ НАРОДЪ".

№ 19. Н. Д. Шаховская.

СВОБОДА СОВѢСТИ.

МОСКВА,
Тип. Т-ва „ЗАДРУГА", Воздвиженка, Крестовоздвиженский пер., д. 9.
1917.



определенному руслу.

***

Книжка была издана *при жизни писателя,* да еще в 1904 году, и это обстоятельство делает ее в полном смысле слова библиографическим раритетом.

Указание на титульном листе только имени и социальной принадлежности автора мало что раскрывало, но поскольку не было фамилии, то этот труд вполне можно *отнести к разряду анонимных изданий*, какие создавались исключительно духовными лицами.

Кем же был иеромонах Михаил в миру? То обстоятельство, что он представлен как доцент Петербургской Духовной Академии, послужило, образно говоря, тонкой «ниточкой», за которую следовало потянуть, чтобы попытаться узнать его фамилию. Автор представлялся явной загадкой, которую в дальнейшем следовало разгадать.

Нельзя не обратить внимания и на сам текст, который раскрывает автора достаточно определенно. Все его мысли изложены доступным, выразительным языком. Автор явно обладал литературным даром.

В качестве эпиграфа автор брошюры взял слова писателя: «… А все-таки огни…», с указанием для читателя – «стихотворение в прозе Короленко».

Несмотря на небольшое количество страниц, композиция брошюры отличается большой четкостью. Первый раздел состоит из 9-ти страниц. Начало звучит так: «*Свою последнюю третью книжку рассказов Короленко начинает маленьким стихотворением в прозе «Огоньки». Автор вспоминает, как однажды темным осенним вечером пришлось ему подплывать по угрюмой сибирской реке к гостеприимным огонькам ночлега»… но все-таки впереди огни!»… В последних словах заключается программа всей литературной*

деятельности Короленко… они определяют и его взгляды на человека, и его отношение к будущему, и мотивы его произведений».

Значит, непосредственным поводом для иеромонаха послужил выход в 1903 году третьего прижизненного сборника «Очерков и рассказов» Короленко.

Уже в первых фразах дана общая характеристика и оценка работы Короленко-публициста, причем сделано это с точки зрения проповедующего священника.

Он убежден, что *«… искатель Короленко не может остановиться в пути,… потому что он не может потерять веры»*.

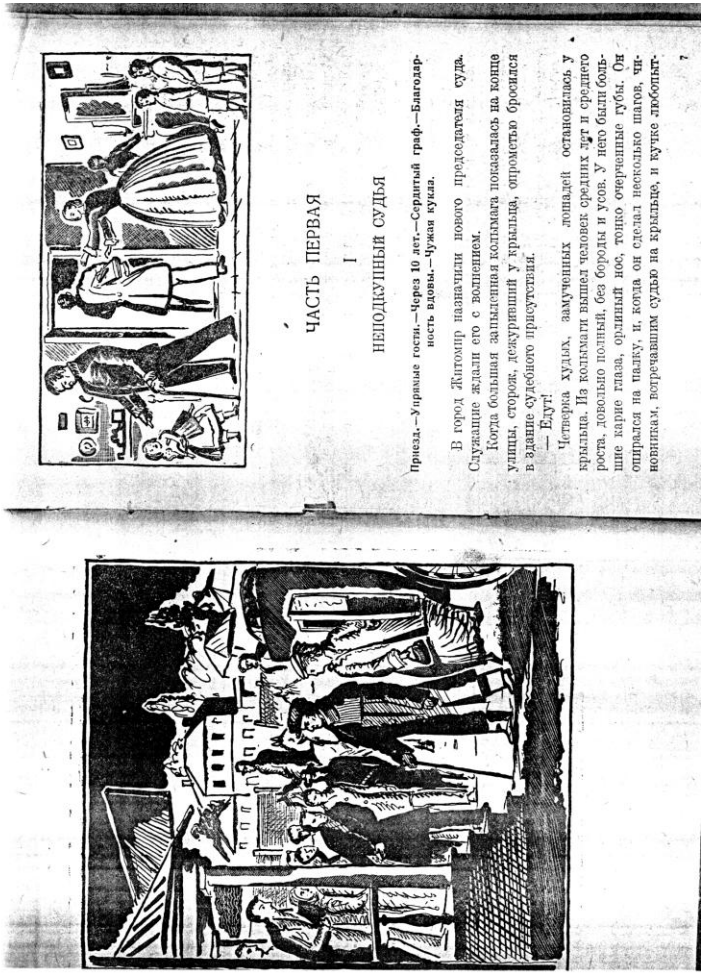
Таков зачин брошюры. По сути это был живой, и, быть может, едва ли не первый отклик читателя на третью книгу очерков писателя.

В своих выводах автор несколько категоричен, но в то же время весьма убедителен.

Читаем дальше: «*Короленко, глядя вперед к огням, все время с лаской в голосе внушает, что как ни темно, все-таки Бога нельзя уничтожить»*.

Именно эта мысль особенно воодушевляет иеромонаха Михаила в его размышлениях. Автор умело вплетает в свой текст основные мысли Короленко, используя для этого разные очерки писателя: «Огоньки», «Государевы ямщики» и очерк под названием «За иконой».

В последнем из названных очерков иеромонах Михаил особо останавливается на впечатлении писателя от иконы и выделяет его слова: *«Я, – пишет Короленко, – смотрел на эту картину не без волнения. Такая волна человеческого горя, такая волна человеческого упования и надежды!… И такая огромная масса однородного душевного движения, подхватывающего, уносящего, смывающего каждое отдельное страдание, каждое личное горе, как каплю, утопающую в океане! Не здесь ли, думалось мне, не в этом ли потоке однородных*



ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

НЕПОДКУПНЫЙ СУДЬЯ

Приезд.—Утренние гости.—Через 10 лет.—Сердитый граф.—Благодарность вдовы.—Чужая кукла.

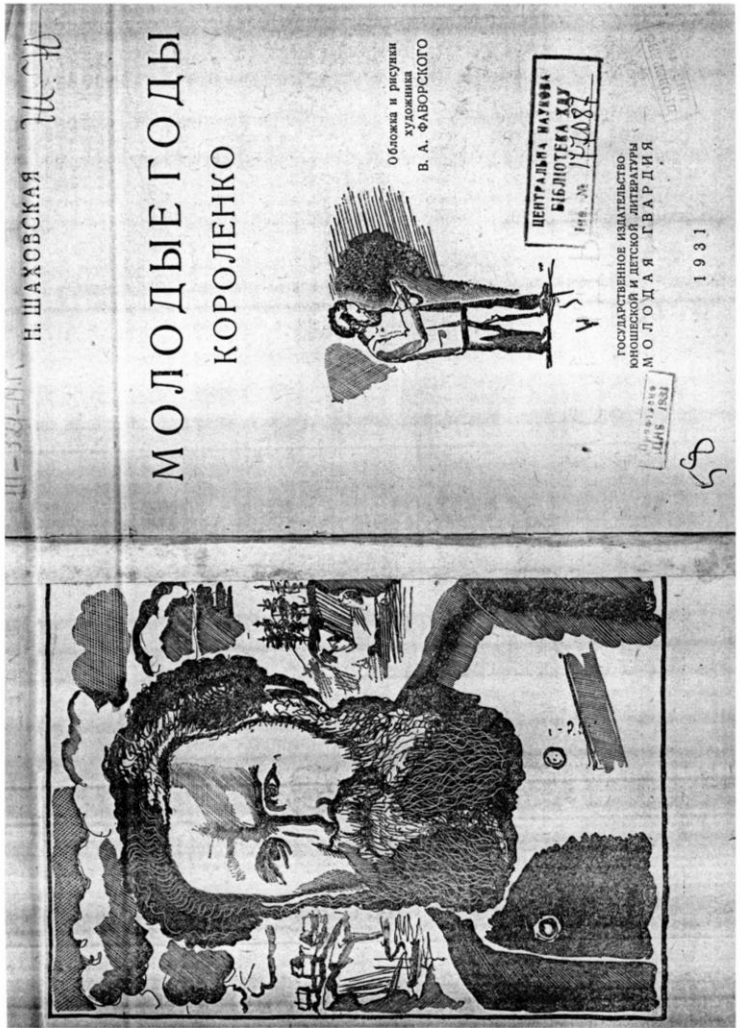
В город Житомир назначили нового председателя суда. Служащие ждали его с волнением.

Когда больная запыленная коляска показалась на конце улицы, сторож, дежуривший у крыльца, опрометью бросился в здание судебного присутствия.

— Едут!

Четверка худых, замученных лошадей остановилась у крыльца. Из коляски вышел человек средних лет и среднего роста, довольно полный, без бороды и усов. У него были большие карие глаза, орлиный нос, тонко очерченные губы. Он опирался на палку, и, когда он сделал несколько шагов, чиновникам, встречавшим судью на крыльце, и кучке любопыт-

Иллюстрации к главе 4



человеческих упований, одной веры и одинаковых надежд – источник этой исцеляющей силы?».

Очевидно, подобные мысли Короленко были особенно созвучны иеромонаху Михаилу и приближали его к читателю, а также к осмыслению и восприятию текста. Затем он приводит цитату уже из очерка Короленко «Легенда о Игоре». Читаем: «*Плотнее друг к другу, люди, в объединении найдете Бога! Единение исцеляет и открывает пути: отодвигает таинственные двери правды и открывает Отца. Люди должны быть братьями, а мир Божий хорошо!*».

После этих строк иеромонах Михаил приходит к таким размышлениям: «*Вот ответ Короленко ищущим. Как мы видим, ответ близкий к выводам нашим в статье об одиночестве. Победа, успех в поисках правды, в общности «веры», в общности исканий. Но богат ли, ценен ли этот вывод? Ясно, что ценность его не очень велика, вывод здесь слишком старый и избитый. Если бы этот вывод был итогом всего учительства Короленко, то о нем не было бы смысла говорить. Нет, Короленко серьезнее и глубже*».

Последняя фраза позволяет предположить глубину суждений иеромонаха Михаила в постижении своеобразия публицистики Короленко.

Нельзя не обратить внимания на то, что он ссылается на какую-то свою статью об одиночестве. Он приходит к состоянию удивительного созвучия с мыслями писателя.

Второй раздел включает в себя всего 5 страниц, и снова в начале идет перечисление вопросов, которые будут рассмотрены: «Первая ступень к Богу», «Убивец» и его критики, «Прозрение», «Торжество правды».

Остановим свое внимание на ключевых вопросах. Читаем: «… «*Объединимся» – этот совет человечеству дают справа и слева. С кем объединиться? Голос Короленко не столько обращен к людям, сколько к человеку»*. (Знак о. Михаила – С.Ш.).

И это важное заключение направляет читателя на новое осмысление текста самого писателя. Далее иеромонах Михаил продолжает: «*Короленко, скорее проповедник индивидуального очищения, личной подготовки каждого в отдельности. Нужно понять дисгармонию жизни, нестройность ее течения – вот первая ступень к Богу».*
И чтобы подтвердить это утверждение, которое звучит почти, как постулат, приводится мысль Короленко из очерка «Нестрашное». Писатель был убежден, что «*… Главное в человеке – совесть. Она спряталась. Ее нужно вызвать из потемок, отворить ей выход наружу, сделать господином жизни. От светлой души – свет*».
Подобно мудрому поводырю иеромонах Михаил ведет читателя по страницам очерков Короленко, акцентируя внимание на самых ключевых понятиях и мыслях писателя.
После цитаты из очерка «Убивец» он приводит основную мысль Короленко из «Слепого музыканта»: *«Он прозрел и сумел напомнить счастливым о несчастных*». И еще: «*… музыкант побеждал души толпы глубиной и ужасом, понятным в его страданиях. Короленко надеется, что такое прозрение возможно. В нем живет надежда на христианское будущее, и он с верой молится об этом будущем. Правда победит, уверяет он*».

Последняя фраза этой предельно краткой прижизненной публикации о Короленко звучит по-особенному символично и многозначно: «*Не может пропасть семя, посеянное прозревшими и отдавшими себя за других…. Исчезнет насилие, народы сойдутся на праздник братства и никогда уже не потечет кровь человека от руки человека. И ангел скорби, живущий на земле, радостно взмахнув своими крылами, поднимется к небу и на земле будет радость и мир».*

В своей лаконичной работе иеромонах Михаил

большой талант всегда немного пророк, – он видит дальше, чем хватает глаз».

Шаховская убеждена, что «*Чехов волшебной силой таланта увлекает мысль от потускневших надежд и обедневших внешних форм общежития к скрытым корням жизни, в самое сердце человеческого существования и ставит нас прямо перед лицом его трагических противоречий».* По ее глубокому разумению, Чехов «*выполняет громадную общественную задачу, слишком большую для того, чтобы найти себе место в рамках направлений и партий».*
Она риторически вопрошает: *«Откуда черпает художник свою уверенность, и в чем он находит право на такую царскую щедрость?*
… он не философ, не метафизик, не пророк, и говорит он только о том, что ему удается увидеть ясно в доступном его художественному зрению реальном мире. Выводы – не его дело…»

И завершает свой очерк она такими словами: «*Он добросовестно и настойчиво свидетельствует о том, что в жизни совершается, как непреложный закон, явное, видимое чудо; утверждает, что для целого ничтожны законы материального мира, и слабость может быть сильнее силы; он идет за пределы действительности, требуя другого, большего оправдания для человеческого существования, чем само существование, и несовместима с ним мысль об опустошении жизни, потому что кажется, что звучат в нем непрерывно слова древней Соломоновой мудрости: «Больше всего хранимого храни сердце свое, потому что из него источник жизни».*

«В студенчестве 70-х годов, как рассказывает в своих воспоминаниях В. А. Гольцев, существовало тайное общество, ставившее своей целью «*пересоздание мира в самом ближайшем будущем».*

И далее: *«Люди, которых молодость воспитывала в атмосфере таких мечтаний, примыкали ли они к народническому движению и призывали «смотреть на мужика», уходили ли в борьбу только политическую, участвовали ли в разработке социалистических воззрений или призывали к культурной работе, – имели один общий признак: сохранив на себе отпечаток той бодрой жизненной энергии, они и в новых условиях в основу своего жизненного дела клали надежды на человеческую силу, рисовали идеалы человеческого счастья, исповедывали веру в человеческую жизнь».* Таких людей Шаховская наблюдала воочию на примере друзей своего отца.

Примечательно ее сравнение с поколением, к которому принадлежал писатель. Она пишет: «*Чехов принадлежал к другому – младшему – поколению и к тому слою его, которому не передалась такая энергия, рос вдали от общественных течений, складывался как писатель в то время, когда и эти надежды, и эта вера неожиданно быстро потускнели и потеряли свое обаяние, тем обнаруживая призрачность своего блеска и непрочность своего могущества».*

Шаховской нельзя отказать в способности и аналитически мыслить, и умении четко формулировать свои мысли. Она словно собеседует, когда заключает: *«Чехов был прав в оценке общественного настроения, хотя он еще не мог знать всей глубины разочарования, всего значения интеллигентского банкротства, не мог предвидеть, что дети будут умирать от- того, что скучно жить, предчувствовать того отвращения к жизни, того унижения, обеднения, опустошения ее, какое привелось увидеть тем, кто его пережил. Но*

упоминает о семи очерках писателя, особо выделяя их, и тем самым, останавливаясь на самых важных, по его мнению, особенностях творчества Короленко.

Особенно интересна необычная подробность: на обороте титульного листа указывается, что печать разрешена 16 марта 1904 года духовным цензором, протоиереем Философом Орнатским. Почему же этому произведению потребовалось разрешение цензора духовного звания? Скорей всего потому, что автор книги о Короленко сам был лицом духовного звания. Особое внимание привлекло имя цензора. Почему особое? Да потому, что протоиерей Философ Орнатский был в числе первых жертв советского режима: его расстреляли еще в 1918 году. Эта деталь вызвала смутные ассоциации, связанные с моими прежними работами о новомучениках, пострадавших за веру.

Неожиданное отступление

Протоиерей Философ Орнатский (1860 – 1918) происходил из семьи потомственных священнослужителей. Один из его братьев был женат на племяннице св. прав. Иоанна Кронштадтского. И сам он, окончив Новгородскую духовную семинарию, а затем и Санкт-Петербургскую Духовную академию, посвятил себя священству. В последние годы своего служения он был настоятелем Казанского кафедрального собора в Санкт-Петербурге. Почти 20 лет о. Философ был духовным сыном батюшки Иоанна Кронштадтского. Интересно, что праведный Иоанн именно ему доверил быть посредником в своей переписке со свт. Феофаном Затворником.

Многообразна была и его общественная деятельность: с 1893 и до 1917 года о. Философ избирался гласным Санкт-Петербургской городской думы, одновременно с этим был избран председателем

Комитета по строительству храмов....
В течение 26 лет он возглавлял Петербургское Общество распространения религиозно-нравственного просвещения. Участвовал отец Философ Орнатский в устройстве в городе ночлежных домов, сиротских приютов, богаделен; его стараниями в Петербурге и окрестностях было возведено 12 храмов. Одно время он являлся редактором, а затем и цензором некоторых петербургских духовных журналов, таких, например, как «Санкт-Петербургский Духовный Вестник», «Отдых христианина», «Православно-Русское слово». Выдающийся проповедник, во время революции 1905 года призывал рабочих Нарвского района – места особой активности революционных пропагандистов – к верности Императору. Он был известен и как духовный писатель и общественный деятель.

Но вот грянула революция 1917 года, и сразу же последовали гонения на Церковь.
В январе 1918 при отпевании в Александро-Невской Лавре погибшего от рук большевиков протоиерея Петра Скипетрова отец Философ произнёс проповедь с резкой критикой советской власти. Он организовал также защиту святынь Александро-Невской Лавры, устроив к ней крестные ходы со всех храмов столицы.

В августе 1918 года его арестовали. Вместе с ним были арестованы сыновья Николай (1886 – 1918, военный врач) и Борис (1887 – 1918, штабс-капитан артиллерии). Также, по некоторым данным, был арестован ещё один его сын, Владимир. Прихожане требовали освободить священника; власти в ответ перевезли его с сыновьями из Петрограда в Кронштадт.
Установлено, что в 1918 году о. Философ вместе со своими сыновьями Николаем и Борисом принял мученическую кончину: был расстрелян большевиками на льду Финского залива.
По свидетельству очевидца этой казни, в дороге он

общественным человеком, живо и тонко чувствовал окружающую атмосферу, и потому на его творчестве, вместе с тяготением к национальному, русскому, лежит ясная печать современности».

Шаховская, высказывая эти суждения, словно пытается убедить невидимого собеседника. Она пишет: «*Открещиваясь от лагерей и партий, сам Чехов как нельзя лучше сознавал свою связь с переживаемым временем. В нем было живо сознание некоторого «общего дела» и он охотно ставил себя в ряд теперь уже почти забытых писателей…»*
И заключает: «*Теперь, на расстоянии, уже не трудно видеть звенья той цепи, которой имя Чехова сплетается с историей русской жизни и мысли*».

Интересен ее взгляд на недавнее время – 80-е годы прошлого столетия. Она писала: «*80-е годы заклеймены в истории общественности именем реакции, – не только правительственной, – характеризуются как черная полоса упадка сил и безнадежного разочарования в больших задачах, как туманное, бесплодное, проклятое время*».
И далее следует вывод: «*Но в жизни страны, как в жизни индивидуальной, ничто не пропадает даром. Наследство такой эпохи также неизбежно должно войти в сознание и дать свои плоды, как напряженная деятельность других периодов. Наследство 80-х никак нельзя назвать исчерпанным до конца, и это еще яснее для нас оттого, что годы, переживаемые сейчас, будущие историки назовут, вероятно, углублением и обострением тех линий, которые впервые обозначились в русской жизни в то «проклятое время»…»*

***

О поколении, к которому принадлежал ее отец, она пишет, ссылаясь на воспоминания литератора В. А. Гольцева.

противоположна.

- *Смысл жизни для него больше жизни, поэтому жизненная слабость оказывается силой, а поражение в борьбе за существование может быть победой.*
- *Все люди слабы, но это не мешает их нравственному торжеству. И в каком-то последнем итоге род человеческий не проклят, а благословен».*

***

Третий раздел начинается следующей мыслью автора: «*Соединяя человечность самую широкую с глубокой струей национальной мысли и творчества, как это и неизбежно для большого писателя, Чехов охотно говорит о своем внимании к психологии русского человека».*

«Когда я писал свою пьесу (Иванов), то имел в виду только то, что нужно, т. е. одни только типичные русские черты. Немцы никогда не возбуждаются, и потому Германия не знает ни разочарованных, ни лишних, ни томленых» (Письма Чехова. Т. 2. 267).

Н. Д. Шаховская пишет далее:

- «*В самом деле, – жизненная слабость и непригодность к настойчивому делу, ненужность, неиспользованность для внешнего мира прекрасного и нравственно – ценного, разрыв между мечтой о жизни и самой жизнью, – все это у Чехова продолжает ряд любимых образов литературы русской. Начинается этот ряд с Пушкина, а его оправдание и смысл лежат гораздо дальше, – в свойствах национального характера и в особенностях исторической судьбы русского народа».*

Особенно примечательна следующая ее мысль: «*Враждебный общественности, поскольку ею прикрывается отсутствие личных душевных качеств, – честности, бескорыстия, доброжелательства, главное искренности, – по существу Чехов был необычайно*

читал вслух отходную над приговорёнными к смерти. По одним данным, расстрел произошёл в Кронштадте, по другим – неподалёку от Финского залива. Тела расстрелянных, по-видимому, были сброшены в залив.

В августе 2000 года протоиерей Философ Орнатский и его сыновья Николай и Борис причислены к лику святых Юбилейным Архиерейским собором Русской православной церкви.

В Петербурге существовала церковно-просветительская организация, основанная еще в 1881 году в ответ на убийство народовольцами императора Александра II, как писалось в уставе, с целью «*утверждения и распространения во всех слоях русского народа истинных понятий о православной вере и благочестии посредством духовных бесед, чтений и издания* литературы». Во главе совета из числа священников стоял протоиерей Философ Орнатский. Совет активно занимался проблемами миссионерской работы, для чего проводились беседы, как среди духовенства епархии в храмах, так и в публичных залах.

К 1917 году число членов Общества превышало более тысячи человек. При зале Общества находились книжный склад и библиотека – читальня. Общество издавало журнал «Православно-русское слово» и религиозную литературу для народа. В 1918 году Общество было закрыто, а его имущество конфисковано.

***

Но вновь вернемся к характеристике книжки о Короленко. Обратим внимание еще на ряд подробностей, какие раскрываются в данном издании. В конце книжки дано объявление, в котором сообщалось о других сочинениях этого автора: «В книжных магазинах «Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе православной Церкви» (СПб.

Стремянная 20. Товарищество Сытина) продаются книги доцента СПБ ДА иеромонаха Михаила (*для ищущей Бога интеллигенции).* Публичные лекции, беседы и письма. (!) Список достаточно внушительный:

- Отцам и детям. Вопросы воспитания.
- Маленькая церковь. По стопам Христа в сельском приходе.
- Письма о войне.
- Две подвижницы XVI и XX века. Ульяна Осоргина. Под знаменем креста. Сестра Варвара.
- К живой воде – Чехов, Короленко, Горький об одиночестве.
- Книга книг. Как ее читать.
- Четыре беседы о нищете духовной.
- В поисках лика Христова.
- Лишние, брошенные, несчастные дети. Публичная лекция. -180 с.
- Церковь и евангельские лилии.
- Правда ли, что «догма» убила лилию Евангелия?
- Толстой и «новые христиане» в борьбе против обряда и догмата.
- Мысли о Боге. Изд. 2-е.
- Где жизнь? Жизненно или мертво церковное христианство? Публичная лекция.
- Жизнь или смерть в толстовском понимании христианства?
- О любви к людям в учении Толстого. Публичная лекция 19 июля 1903 года.
- Новые и старые пути. Жива ли церковь? Публичная лекция.
- Новый путь. Христианство Д. Мережковского.
- Жизнь как опьянение. Горький и его проповедь живого идеала.
- Евангелие как путь жизни.

высшей нравственной ценности, если люди бессильны, а судьба смеется над ними и ничего не знает о справедливости, – тогда одно из двух – или вся жизнь– только нелепая и бессмысленная суматоха, или судьба человеческая не исчерпывается жизнью, а непостижимый для нас смысл ее неизмеримо шире и больше реального существования. В том, который из двух ответов предпочитал Чехов, я думаю, нельзя сомневаться. Если бы невозможность этого сомнения и не вытекала из всего его склада, то слишком часто словами своих героев он говорит о «высших целях бытия», слишком настойчиво твердит, что жизнь прекрасна, наконец, уже от своего лица, слишком резко нападает на теорию «жизнь для жизни», которая кажется ему в «1000 раз более похожей на могилу, чем его мрачные мысли».

И далее:

- «*… все это плохо вяжется с довольно распространенным образом Чехова как пессимиста, «певца безвременья», изобразителя серых будней, жалких неудачников и «лишних людей».*
- *«не ноет только тот, кто равнодушен», – писал сам Чехов, а от отчаяния он очень далек. Но он как будто всю свою писательскую жизнь сражается с любовью к жизни «самой по себе» и с тем зоологическим оптимизмом, который проповедует в «Дуэли» позитивист – Ф. Корен. Изображая обыкновенных людей, постоянно взывая «будем обыкновенными людьми», смыслом своего творчества он далеко раздвигает рамки действительности. Постоянно и на все лады рисуя человеческую слабость, он еще в ранней молодости писал: «Не следует унижать людей, это главное» и никогда не отступил от этого правила.*
- *Логика нравственного мира для Чехова не совпадает с законами материального бытия, а им*

противника заставляет преклониться перед этой победой.

- *… Всякая удача, всякий успех как будто отталкивают Чехова, и свое отвращение к насилию он обращает в ненависть к силе.*
- *…в своем гонении на силу Чехов совсем не останавливается только на внешнем влиянии и признании. Отказывая своим героям в удаче, успехе и счастьи, он не дает им, взамен сознания разумной неизбежности и нравственного смысла страданий.*

Говоря о рассказе Чехова «О любви», Шаховская отмечает:

- … «*И когда в минуту прощания эта долго скрываемая любовь прорывается наружу, то вместе с жгучей болью, она приносит сознание бессмысленности, ненужности, обманчивости всего, что им мешало любить.*
- *… Именно* ***ненужное,*** *пропадающее даром, не умеющее найти место в жизни – прекрасно, оно может быть единственное, что можно и хочется любить».* (Курсив Шаховской – С.Ш.).

Шаховская не боится высказать собственное мнение, когда пишет: «*Мне представляется, что вот этому трагическому противоречию посвящено все самое лучшее в творчестве Чехова. Потому так неумолимо – безжалостна и странно нелепа человеческая судьба в произведениях Чехова, даже в его маленьких, взятых наудачу рассказах».*

В своей статье она касается очень многих сочинений писателя, так, например, она пишет о рассказах «Святой ночью» и «Попрыгунья», «Дама с собачкой» и «Дом с мезонином», «В овраге» и «Дуэль», о пьесах Иванов» и «Три сестры»:

- «*… Но, если ценно только то, что хрупко и непрочно, если прекрасное не нужно для жизни, а нужное, разумное, сильное и жизнеспособное не имеет*

- В праведную землю.
- Молитва. Исповедь.
- Огни великого четверга.
- Истина воскресения. К светлому дню.
- Прощеное воскресение.
- Весна и пост. Хлеба и зрелищ.
- О счастье и мещанстве.
- Прощая брату твоему.
- Дети. Христос и дети. Елка.

Удивительное разнообразие тем и вопросов, связанных с духовными исканиями людей.

Поражает столь разноплановая, энергичная деятельность иеромонаха Михаила – лекции и публичные выступления, беседы и даже письма…

Названия его работ указывают, как на масштаб этого духовного публициста, так и на широту затронутых им проблем. Уточнение: *«для ищущей Бога интеллигенции»* указывает на общую направленность всего, что делал иеромонах Михаил.

Как духовное лицо, он стремился к активному диалогу с представителями российской интеллигенции. Заметим, это качество не могло не выделять его из общей массы духовных служителей того времени.

В конце брошюры помещено еще одно объявление интересного содержания: «Открыта подписка на 1904 год на ежемесячный иллюстрированный религиозно-назидательный журнал «Отдых христианина». *Журнал выходит при постоянном и ближайшем участии иеромонаха Михаила.*

В этом журнале он поместил следующие статьи:

1. Святое любопытство.
2. Нищета духовная.

3. Возвращение.
4. Не загораживай небо.
5. Смысл страданий.
6. Преображенная жизнь.
7. Помнить о смерти – значит жить.
8. В глубокой воде.
9. Богатство и бедность.
10. В путь
11. Облако свидетелей.
12. Слепорожденные.
13. Добровольные глухонемые.
14. Смысл поста.
15. На пути в Египет.

Кроме того, сообщается, что уже подготовлена к печати большая повесть из жизни сельского священника под названием «*Обновленная церковь».*

Эти страницы с объявлениями раскрывают творческий потенциал автора, который как духовный писатель и публицист писал на самые разные темы. Очевидно, его лекции и публичные выступления становились основой для последующих его публикаций.

***

В фонде ХГНБК сохранилось всего четыре сочинения иеромонаха Михаила, напечатанные в разные годы, и при том в разных городах, но все же в сравнительно небольшой временной период (с 1902 по 1910 годы).

1

Иеромонах Михаил. Обиженные дети. Из публичных лекций. – Казань. 1902. (тип. - литогр. Императорского университета). – 74 с. Приложение к журналу «Деятель». Дозволено цензурой 17 февраля 1902. Цензор Прот. Ал. Зеленецкий.

умеет служить и обвиняет «в падении в народе религиозного чувства». Но это оттого, что он голоден, забит, задавлен нуждой, оттого, что дома у него молодая красивая попадья, на которую ему больно смотреть, и кругом он видит бедность и унижение».

Далее Шаховская подробно останавливается на аналитическом прочтении рассказа Чехова «Мужики». Она пишет:

- *«крестьянская жизнь, изображаемая в «Мужиках», полная безысходной нужды, темноты и жестокости, суеверия вместо веры, пьянства вместо веселия, – ужасно. «Жить с ними было страшно, но все же они – люди, они страдают и плачут, как люди, и в их жизни нет ничего такого, чему нельзя было бы найти оправдание».*
- *…чем дальше, тем больше он отделяет нравственную ценность человеческого существования от судьбы человеческой, внешне определяемых мерил, достигнутых результатов.*
- *Чем дальше развивается творческая сила Чехова, тем определенней его отношение к своим героям. Дело его совсем не только в оправдании, и не всё этого оправдания заслуживает. Выбор тем и содержание рассказов диктуется симпатиями автора, в отсутствии которых его обвиняли и которые, если окинуть взглядом его творчество наиболее зрелого периода, настолько ясны, что автора легче было бы обвинять в пристрастии.*
- *… Найти и понять путь чеховской любви помогают часто письма.*
- *… умерший Иванов не раз воскресает в его следующих произведениях. Ведь это его же, под другим именем, он заставляет в «Дуэли» вступить в моральный поединок с трезвой, положительной и жестокой силой…. Чехов именно слабости дает торжествовать победу в нравственной борьбе, а*

- *Несколько лет проходит, и Чехов учится серьезно относиться к своему таланту. В его рассказах уже не отдельные курьезы, а незаметная жестокость будничной жизни. Не неожиданный каприз случая, а неизбежное противоречие человеческой судьбы. Самое противоречие, жизненное несоответствие из внешнего положения переносится на изображение характеров; путь этого углубления перестает быть комическим, – превращается в трагедию.*

Смех не кажется веселым, сменяется тонким юмором, заслоняется серьезной мыслью, художественным изображением лиц.

- *… Революционера в «Рассказе неизвестного человека» Чехов показывает нам не тогда, когда он был «страстным, неутомимым борцом», а когда уже погасил молодость и здоровье, когда он «болен, слаб, нравственно угнетен», не верит в свое дело и должен сознаться в своем банкротстве при первой встрече с живым, искренним и близким ему человеком, при встрече с вопросом: «что делать?.*

… все это не исключения, и выбор героев подчиняется устойчивым настроениям автора».

Затем Н. Д. Шаховская упоминает пьесу «Иванов» и рассказ «Тайный советник». Она говорит:

- «*…все люди грешны. Все люди слабы, беспомощны, беззащитны перед жизнью, но в их изображении нет ни гнева, ни осуждения, как не было насмешки в смехе молодого А. Чехонте.*

И, точно для того, чтобы нельзя было ошибиться, автор настойчиво твердит о том, что нет вины, нет преступления; для всего жестокого, несправедливого, темного и страшного, что есть в человеческой жизни, он умел найти объяснение.

- *Священник в маленьком раннем рассказе «Кошмар» – жалок, робок, лишен чувства собственного достоинства. В гостях прячет в карман крендельки. Не*

Почему это издание было напечатано в Казани? Правомерно предположить, что до своего приезда в Петербург автор проживал в Казани, где и читал лекции в императорском казанском университете.

Сохранившийся экземпляр имеет две отличительные особенности:

1. Штамп о поступлении в фонд библиотеки. Это июнь 1902 года. Таким образом, едва книга вышла в печати, как тотчас была отправлена в Харьков.
2. Запись черными чернилами: «*От автора».*

Трудно определенно сказать, кто именно сделал эту запись: сам ли автор или кто-то из членов Правления, кто принял этот дар из Казани. Хочется верить, что запись все же была сделана самим иеромонахом Михаилом. В любом случае книга представляет собой библиографическую редкость.

Книгу эту предваряют два эпиграфа:

- *«Спасти ребенка – великое патриотическое дело. Это значит оказать государству двойную услугу: избавить его от врага и дать друга».* Жюль Симон.
- «*Есть дело более важное, чем ваша политика, ваша дипломатия – это брошенный ребенок*». Виктор Гюго.

Эти эпиграфы, по замыслу автора, должны создать определенную читательскую настроенность.

Первый раздел начинается авторским признанием: «*Мои лекции не будут очерками общественной статистики или социологии. Я не буду занимать ваше внимание цифрами и выдержками из законов и уставов. Моя цель – дать ряд картинок из жизни «обиженных детей», и в заключение сказать: «помогите». Я не просто хочу показать вам, где и как живут эти дети, и если мне удастся заставить пожалеть их – моя цель будет достигнута».*

Авторский текст раскрывает человека с добрым сердцем и весьма чувствительного к проблеме

бездомных детей. Он пишет: «*Позволю себе один, думаю, честный прием: нарисую словами Гюго маленькую светлую картинку счастливой семьи, чтобы рядом со светлым ярче выступали тени… дело в том, что между моими клиентами есть много таких, которые «нигде не живут».*

Вторая глава «Дети мастерских» рассказывает о рабском детском труде. В этой главе встречается прямое обращение к читателю: *«А знаете, что детские слезы сильны перед Господом, если вы их не уймете, они сожгут землю».*

И еще: *«… моя лекция направлена к большой публике. Она посвящается всем любящим детей…»*

В третьей главе повествуется о чудовищно жестоком содержании детей в цирке. В конце ее следует авторское признание: «*под влиянием самоотверженной любви впервые родилась у меня мысль о возможности общества, которое взяло бы под защиту свою детей – жертв преступлений! Итак, нужна любовь, одна любовь... общества защиты детей необходимы».*

Четвертая глава называется: «Враги детской души», где рассказывается о детях, искалеченных не физически, а душевно….

И снова звучит страстный голос автора и его прямое обращение: «*…не подумайте, что я ворую нижеследующие картины из последних глав Дантовского «Ада». Нет, я рисую подлинный, настоящий ад, где мучаются дети алкоголиков… а теперь перейдем к другому виду больных духом детей – к детям – преступникам….*

В конце книги он убежденно пишет: «*Детей преступников до́лжно воспитывать именно радостью их новой жизни – вот основной принцип воспитания маленьких врагов общества* **…***Мы можем примкнуть к уже существующему ведомству учреждений императрицы Марии, и помогая ее задачам, искать у*

художественной мысли – право истории.

- *Письма Чехова, составляющие несколько томов, – прекрасное приобретение русской литературы и богатая сокровищница для всех, кому дорог талант писателя. Но насколько значительны для литературы созданные им образы, настолько же они важны для его общей характеристики. Вопрос об отношении Чехова со своими героями кажется мне неизмеримо более важным, чем вопрос о его отношениях с Сувориным, а свидетельства его творчества более подлинными и достоверными, чем прямо высказанные мысли.*
- *Но было бы неблагодарностью не воспользоваться этим биографическим материалом, как драгоценным дополнением***,** *проверкой и пояснением творчества, – помощью незаменимой в деле критики и тем более важной, что далеко не всё написанное Чеховым одинаково важно для него самого. Будучи уже известным писателем, он говорил – «по совести», что «еще не начал свою литературную деятельность», свои наиболее дорогие образы берег долго и хранил их бережно, чтобы не истратить их на сплошную и случайную работу*» (См. Письма. Т. 2. 198–199).

Завершался первый раздел признанием: *«Долгом благодарности любимому писателю было бы выделить в его произведениях то, что для него было дорого, и угадать в пёстрой веренице лица его настоящих героев».*

***

Во втором разделе Шаховская продолжала:

- «*Чехов начал свою литературную деятельность мелкими юмористическими рассказами, которым сам не придавал значения и в которых не было серьезной мысли.*

дня смерти Чехова, не уменьшилось, а кажется, все увеличивается обаяние его таланта и растет благодарная память о нем.

В личных воспоминаниях восстанавливаются отдельные черты душевного облика, в изданных недавно записных книжках раскрываются небольшие секреты писательской работы, письма и даже незначительные записочки тщательно собраны в издании М. П. Чеховой, которое было встречено с единодушными приветствиями. Но эта слава странно не совпадает с критической оценкой, растет в ширину, не идя вглубь, больше похожа на популярность, чем на признание, почти всем обязана публике и почти ничем критике.

Талант Чехова чарует и покоряет, но вероятно, еще не разгадан, слава его велика, но как-будто нуждается в некотором оправдании. Об этом говорят и внешние признаки: полной биографии Чехова не написано, не установилось его место в истории литературы, а в общей характеристике его, когда она выходит за пределы признания громадного художественного таланта, – много разногласий и много пробелов».

***

В первом разделе она писала:

- «*При жизни Чехов уживался с людьми противоположных направлений и упорно открещивался от всякого проповедничества. Он хотел «прямо заявлять, что на этом свете ничего не разберешь», и на своем писательском знамении написал слова: «никто не знает настоящей правды». Это было его право. Но крупная личность, большой писатель должен занимать свое совершенно определенное место в своем времени. Он должен соприкасаться с основными вопросами жизни, хотя бы не отвечая на них, и участвовать в разрешении трагических загадок, даже если он признает их неразрешимыми. Подводить итоги*

него помощи».

Вряд ли это яркое публицистическое сочинение могло оставить читателя равнодушным.

2

Иеромонах Михаил. В праведную землю. – СПб. 1903. Прямо на титульном листе указано содержание книги: что способствует проявлению читательской заинтересованности в ее содержании:

1. В праведную землю.
2. Огни великого четверга.
3. Молитва.
4. Исповедь.
5. Истина воскресения.
6. На ту же тему. К Светлому дню.
7. О живой жизни и вечных истинах.
8. Мясопуст.
9. Второе воскресение (Прощенное).
10. О живой жизни и вечных истинах.
11. Хлеба и зрелищ!

Круг затронутых вопросов, как видим, достаточно широк и целенаправлен.

На обороте титульного листа указано: «Печать разрешается. СПб.12 апреля 1903». И подпись: «Протоиерей Философ Орнатский». Заметим, что это уже вторая книга, которую в печать разрешил этот духовный цензор – мученик за веру и подвижник XX века!

Книга была издана в Петербурге в 1903 году. И это обстоятельство позволяет предположить, что автор именно в этом году переехал из Казани в Петербург. Так, по отдельным его изданиям можно наметить краткую хронологическую канву его жизни и творческих усилий, воплощенных в книгах.

Книга поступила в ХОБ еще в июне 1903 года. На сохранившемся экземпляре имеется штамп: «*вилучено*», что означает изъятие ее из фонда библиотеки. Обычно таким штампом помечалась литература духовного содержания. Тем не менее, она сохранилась.

Вместо предисловия – несколько слов «от автора», который сразу же поясняет: «*Здесь скомбинировано несколько отдельных статей. Этим объясняется малая связь между главами».* Такое объяснение располагает читателя к началу или может быть к продолжению непринужденного диалога с автором.

Первая глава посвящена размышлениям над новым произведением М. Горького – пьесой «На дне». Читаем: «Жил один человек, который в праведную землю верил. Должна быть, – говорил он, – праведная земля. Жил этот человек в бедности и только эта надежда на праведную землю поддерживала его….

Искатель «праведной жизни» у Горького может быть назван «символом» нашего века. Не он один, а все мы тоскуем по земле праведной и живем надеждой на эту землю. Должна быть праведная земля, а иначе жить нечем и жить не стоит.

… если бы Лука, который рассказывает о праведной земле, знал бы Новый Завет, то он там бы нашел такие строки: «Великая благодать была на всех, и имели все одну душу и одно сердце и все у них было общее, и не было между ними нуждающегося».

… Навсегда остался на земле уголок, который можно назвать землей праведной, – этот уголок – «церковь».

Как заметил я, немногие знают, что такое зовется Церковью, какой основной принцип лежит в основе понятия Церковь… в христианском православном понимании церковь есть «организация единосущная человеческого». Союз – это собрание единиц, сумма единиц, а церковь есть не сумма, а произведение.

Летом 2007 года состоялось мое личное знакомство с Елизаветой Михайловной, и она обещала этот вопрос прояснить. Вскоре от нее пришло письмо, в котором она сообщила, что эта статья была напечатана в 1914 году в журнале «Русская мысль».

***

Примечательно, что статья была написана уже после выхода в свет книги о Короленко, а сама публикация приурочена к 10-ой годовщине со дня смерти Чехова.

И вот июльский номер этого журнала наконец-то лежит у меня на письменном столе.

Мысли Натальи Дмитриевны о писателя глубоки и возникли после прочтения появившихся в печати писем Чехова. Именно вышедшие издания о нем и послужили реальным импульсом для написания этой статьи, а вернее, для размышлений. Письма Чехова раскрывали его как человека предельно чистого, честного и искреннего в своих произведениях.

Что же было важным для Натальи Дмитриевна? Каковы были ключевые мысли о глубоко почитаемом и любимом писателе?

Статья Н. Д. Шаховской есть своеобразное свидетельство и о ней самой, ее духовном возрастании, ее формировании как литератора. Статья о Чехове стал еще одной значительной вехой на ее творческом пути.

Замечательно, что этот текст был обнаружен в год, когда исполнилось 65 лет со дня смерти Шаховской. Эта находка звучит как своеобразная форма поминания…

***

Прислушаемся к ее голосу через столько десятилетий. В статье четкая композиция – три раздела. А начинается она так: *«За 10 лет, которые прошли со*

невежество, слепое подражание, неумение разумно и умеренно пользоваться доступными благами… (Курсив Шаховской – С.Ш.).

Она писала: *«… самая важная и самая трудная работа – в воспитании общественного чувства и развитии «кооперативного» духа. Желание сделать ясной эту правду для всех заставило нас поместить письмо, вызвавшее такой горячий отклик».*

Однако редактором «Колоса» Г. В. Вернадский был недолго, и уже с третьего номера его сменил некий Н. Б. Розенфельд. Затем редактором стал М. М. Карпович, а издательницей А. М. Герценштейн. Остаются неизвестными мотивы, по которым произошла эта смена руководства. а в 1914 году журнал под этим названием и вовсе перестал выходить, уступив место другому изданию под названием «Новый колос», причем в подписном объявлении сообщалось, что состав редакции и основное направление останутся прежними.

Просмотр подшивки журнала «Новый колос» за 1914 год меня разочаровал. Хотя в числе сотрудников и была названа Н. Д. Шаховская, тем не менее, ни одной ее публикации на страницах этого печатного органа не появилось. И конечно на это были какие-то скрытые и нам неведомые причины. Поменялись издатели и редактора, и это не могло не отразиться на всем журнале. Он стал менее иллюстрированным, менее общеобразовательным и более политизированным.

Приложение 2. Наталья Дмитриевна Шаховская о Чехове.

В своей публикации Елизавета Михайловна Шаховская-Шик упоминала о том, что была у Натальи Дмитриевны написана статья о Чехове, но где была напечатана и когда – оставалось неясным.

…Человечество единосущно. Каждый человек – это только одно лицо, ипостась великого единства – единосущного человечества.

… отдельная душа – это один тон в аккорде. Отсюда основной закон человеческой жизни – любовь.

… девизом нормального строя людских отношений Творец поставил догмат, что… все одно, как живые органы великого тела. Но этим законом не долго жили люди. Грех разъединил всех… Прежнее тяготение к ближнему осталось, только затаилось в глубине души.

Люди стали жить по новому закону – вражды – которая по существу есть только «ложь чрезмерного инстинкта самосохранения, уродливость сердца.

…Христос создал церковь, которая есть тело Его».

Как видим, непосредственным поводом для иеромонаха Михаила послужила пьеса Горького, но далее зазвучал страстный голос миссионера и проповедника. Мысли его часто звучат афористично. Обращают на себя внимание следующие фразы:

- «*Несколько месяцев назад я говорил о начавшемся движении к Богу, к вере… я вижу, что мы на границе чего-то огромного, нового …есть какое-то стихийное пробуждение идеи церкви в самой глубине ее сущности в последних основах ее.*

*… психология нашего времени пытается отметить громадное значение закона влияния душ одна на другую. Нет сомнения, что область духа с каждым днем больше и больше расширяется***.**

- *Мы так сказать приближаемся к духовному периоду. Бывают в истории подобные периоды, когда, подчиняясь неведомым законам, душа всплывает на поверхность человечества и проявляет свое непосредственное свое бытие и могущество. Это бытие и могущество открываются 1000 неожиданными и разнообразными способами*».

Эти признания иеромонаха Михаила звучат

эмоционально и убедительно.

- «*В законе единения, слияния души – таинственной беседы душ, разбросанных по миру – и стоит построенная Господом Христом на крови его – церковь.*

*Церковь – есть «произведение» душ, наклонившихся любовно друг к другу***.**

- *… и души, входящие в союз, любовно через пространство и время, беседуют одна с другой и вскрывают последние тайны счастья и правды***.**

Далее каким-то «противовесом», который отрезвляет авторские размышления, служат суждения Василия Розанова*: «… позвольте мне спуститься на землю и стать на обыкновенные, а не мечтательные ноги… задавая вопросы о Церкви, нахожу догматы, нахожу службы и обряды, но не нахожу того царства Божия, которое видится нам и вам во сне».*

Иеромонах Михаил заключает: «*Эти вопросы – скорбные и больные – понятны и нам, и не раз уже задавали их».* И еще убежденно: «*…Церковь жива и дает жизнь».*

Он считает, что, прежде всего необходима евангелизация людей, и потому призывает:

- *«…пусть около священника собираются, чтобы читать послание ап. Петра или Якова. М. б. дух, скрытый в этих посланиях проснется и снова захочется христианам жить по воле и советам этих апостолов и снова станут христиане заботиться о том, чтобы назидать и созидать друг друга в церкви Божией.*
- *… такие кружки, одушевленные великими, давно забытыми идеалами, явились бы центрами общественного преобразования.*

Сети этих живых, насыщенных духовной силою христианских клеточек созидались бы постепенно в новую крепкую жизненную ткань».

Он мечтал о «Союзе духовной взаимопомощи…»

народный театр и ее основатель Ф. Г. Волков». Публикация была приурочена к 150-летию со дня смерти известного мастера сцены.

Статья имела четкую композицию и состояла из 3-х разделов. В первом рассматривалась история зарождения театра как явления культуры в России. Во втором – автор приводила основные вехи биографии Ф. Волкова.

Финал статьи звучал так: *«игра умерла вместе с ним. И у нас даже нет о ней подробных известий. Но театр русский остался. Лучшие русские актеры остались верны примеру первой труппы – правдивости и близости к жизни. Осталось, и это может быть, самое важное, отношение к театру не как к развлечению и праздной забаве, а как к большому и серьезному делу, как к средству воспитания и развития».*

***

В 12-ом номере журнала была помещена краткая заметка Шаховской о значении кооперации. И, наконец, в 16-ом номере Шаховская выступила с проблемной статьей, которая называлась «Женское движение и женщина в русской деревне». Статья состоит из 4-х разделов.

Таким образом, вместо одной публикации выявилось шесть новых работ Шаховской, о которых ранее ничего не было известно, равно как и об этом периодическом издании.

Пестрая тематика этих публикаций выявляет разнообразие интересов Натальи Дмитриевны, пробовавшей свои силы в разных жанрах публицистической деятельности.

Интересна реплика Натальи Шаховской по поводу развития кооперации в России. Она писала: «*Виноваты исконные враги народа – непонимание общественной пользы и стремление к личной* ***выгоде****, общее*

питалась только сознанием своих собственных, живых, настоящих грехов.

- *Некрасов вместе с русской литературой сделался уже достоянием всего русского народа, без различия сословий и условий жизни».*

В своих выводах она решительна и даже категорична, но ее нисколько не смущают возможные обвинения в некотором субъективизме ее характеристик поэта. От публикации к публикации шло раскрытие и внутреннее духовное возрастание Шаховской. Круг ее интересов расширялся, и творческая жизнь становилась все напряженней.

Таким образом, стало известно, что она писала не только о Короленко, но и о Некрасове, Чехове, а еще раньше – о Чехове для журнала «Русская мысль».

***

Во втором номере опубликована достаточно обширная статья Г. В. Вернадского под названием «Смутное время и начало дома Романовых», которая снабжена интересными иллюстрациями. Молодой историк постарался вынести на страницы популярного издания фрагмент своей научной работы, сделав его доступным для массового читателя.

Непосредственно после этой публикации, как бы в продолжение этой темы, в четвертом номере журнала появляется статья Натальи Шаховской «Московское государство после смуты».

Статья состоит из 4-х разделов и тоже иллюстрирована.

Тема публикации вполне понятна – ведь это было время, когда Н. Д. Шаховская, оканчивая Высшие женские курсы в Москве, специализировалась как историк.

***

В восьмом номере журнала Шаховская опубликовала работу, которая называлась «Русский

Чрезвычайно личностно звучит его признание:

- «*Если бы я не был уверен, что у каждого и всегда еще сохраняется порыв кверху, то и не решился бы проповедовать о путях восстановления души. Никогда не бывает, чтобы человек затушил бы в себе жажду правды и голода духовного.*

… даже в те моменты, когда человек далеко уходит от неба, он тоскует по правде и не может отделаться от своей тоски… выскажу только несколько мыслей о ближайших путях каждой отдельной души в землю праведную. Прежде всего, такой путь в молитве».

В следующей главе иеромонах Михаил рассматривает вопросы молитвенного опыта. Он пишет:

- *«… в зарождении веры действуют 2 силы, из которых одна в нас, другая – в Боге. С одной стороны – наше желание, наша мольба, с другой – ответ на это желание Бога. И чем искреннее и горячее выражается желание, т. е. молитва, чем прямее, непосредственнее она обращена к Тому, Кого ищут, Кого желают познать, тем скорее зажигается огонь веры в сердце ищущего. Это путь веры единственный, другого нет…»*

И заключает: «*Только любовь (деятельное подражание Христу) снимает повязку с наших глаз. Познание дается молитвой, понимаемой и как просьба к Богу о помощи, и как углубленное погружение души в мысль о Боге, Духе и т. д.*».

В третьей главе автор касается вопросов исповеди. Он цитирует по памяти, как он сам признается, некоторые цитаты о детской душе и раскаянии из «Исповеди» Льва Толстого.

В четвертой главе в подтверждение мысли, что многие в молитве ощущают Христа, он цитирует Вл. Соловьева и Метерлинка. Особенно проникновенно звучит цитируемая им мысль философа и духовного писателя К. Леонтьева: «*Вечером около распятия горит лампада и кровавым светом освещает путь. И откуда*

бы я ни возвращался в темный час, я вижу свет в этом фонаре и знаю, что там такое около этого красного огонька…. Это Христос зовет на Голгофу…. Воскресший зовет чрез терновый венец к звездам, через Голгофу в праведную землю».

Автор, описывая торжество Воскресения Христова, приводит слова: «*Нигде, – говорил Гоголь, – не празднуется так Светлое Христово Воскресение, как у нас – в России, с такой сердечностью и любовью».*

В следующей главе он касается вопросов о «христианском счастии», которые были затронуты в одном из номеров духовного журнала «Церковный вестник» (1903. № 2).

Иеромонах Михаил доверительно признается**:** *«Я мог бы сказать, как Гоголь: «да, жизнь наша подвиг и служба, праздновать мы будем там»… нет, думаю я, труд и есть возможная здесь мера праздника. Труд – истинный, данный для общего блага – есть осуществленная любовь».*

В главе «Второе воскресение» автор затрагивает важный для истинного христианина вопрос о милосердии и даре прощения. Он пишет: «*Прощеное воскресение так же нужно христианину, как любовь…. В нем сущность христианства. Языческий мир не знал добродетели прощения.*

…Пришел Христос и с новой заповедью любви принес новую заповедь прощения. Эта заповедь оказалась такой громадной для сознания не просветленного человека, что даже апостол Петр не сразу понял и принял ее.

Прощению нет предела! Прощайте всякую обиду! Прощающая любовь – вот та сила, которая вносит на землю мир и убивает зло…. Жалея, прощайте, чтобы победить прощающей любовью зло и грех.

Только прощение, кроткое сожаление о человеке, идущем против закона Христова, только прощающая

… Почему он остался печальным поэтом, стихи которого больше похожи на рыданья, чем на песни?

- *У Некрасова как всякого поэта, была своя особая трагедия, о которой он не мог забыть и которую донес с собой до самой могилы.*
- *… никогда не было поэта, который бы так каялся в своем грехе и так низко оценивал свое жизненное дело. Никогда не было общественного деятеля, который бы так мало верил в себя и так мучительно сознавал свое бессилие… любя родину, он мучился сознанием своей вины перед ней…. В личной жизни, прежде всего приходится искать объяснение его покаяния…*

В заключительных разделах Шаховская от конкретных фактов биографии переходит к обобщениям:

- *«… больную совесть оставило крепостное право в наследство лучшим из дворян. Им казалось, что они несут на себе всю тяжесть вины за вековое рабство, которое помогло возвыситься дворянскому сословию…*
- *Ни одна страна Западной Европы не знала этой болезни. Русская интеллигенция в течение десятилетий воспитывала в ней своих лучших детей.*
- *… прав ли был Некрасов, когда оценивал так низко свое значение для России?*
- *… то, что нам кажется самым значительным в людях времени и круга Некрасова – их особенно чуткая, больная совесть – как раз это было меньше всего понятно здоровому и спокойному народному чувству.*
- *… русский крестьянин никогда не стремился к геройству и требование кровных жертв было ему чуждо. Он не ставил себе целей кого-нибудь спасать и не верил людям, которые от себя и от других требовали идти на все для спасения народа.*
- *Народная совесть была гораздо здоровее. Она*

стихов поэта, причем их выбор, равно как и весь текст, раскрывает читательские пристрастия автора статьи.

Статья начинается так: «*35 лет тому назад, 27 декабря 1877 года скончался Н. А. Некрасов. В 1846 году появилось его стихотворение «В дороге», которое обратило на него общее внимание, и с этого времени признан был Некрасов как поэт народной и в особенности крестьянской жизни, народного и больше всего крестьянского горя*».

Далее Шаховская цитирует поэтические строки Некрасова:

«Как мало знал свободных вдохновений.
О, родина! Печальный твой поэт!».

Наталья Дмитриевна заключает: «*Жаловался он еще через десяток лет. Некрасов действительно был печальным поэтом».* Далее она приводит основные биографические сведения о поэте: «*… сын отставного офицера, разгульного и жестокого помещика, он в детстве испытал всю тяжесть дикого и грубого произвола. Он рано узнал унижение и бессильную злобу… радостного звука не вырвалось из-под пера Некрасова, и до самой смерти не оставляли его горькие думы.*

… он рос в тяжелое для России время упадка и бессилия, унижения и рабства народного… он писал с такой же болью о детях, о ссыльных, обо всех несчастных русской земли».

Во втором разделе этой обширной статьи Шаховская отмечает:

- *«Некрасов любил народ по-настоящему, а настоящая любовь не только сострадание, она также – вера**.** И он верил в народ глубоко…. Терпение русского крестьянина, его незлобивость и добродушие казались Некрасову залогом громадной внутренней силы.*

снисходительность может тронуть огрубевшее сердце, растопить ледяную кору, покрывающую его и воззвать от зла.

Обличение, не согретое прощением, может озлобить грешника, а холодное презрение вызвать отчаяние.

… смирение любовное – это страшная сила, из всех сильнейшая…

Собственно простить – это значит признать в человеке человеческое достоинство, поверить, что в нем еще есть возможность возврата к настоящей жизни. А такая вера в человека рождает новые силы и в падшем, и часто действительно возвращает его к его человеческому достоинству.

…кто хочет убавить зло жизни, тот должен верить, что нет совершенно злых людей, должен прощать им зло, считая это зло именно несчастием, без чувства брезгливости, протягивать им руку просто как к споткнувшемуся на скользком льду человеку».

Автор с горечью вопрошает**:** *«Однако приняли ли христиане эту заповедь милосердия?* А затем приходит к неутешительному выводу: *«человечество все еще осталось языческим»***.**

Книга иеромонаха Михаила выявляет у автора яркий талант незаурядного православного проповедника и миссионера. Ее текст во многом не потерял своего значения и в наши дни. Вот почему я так много цитирую, стараясь привлечь к осмыслению затрагиваемых вопросов читателей – моих современников.

3

Следующая книга представляет собой сборник статей иеромонаха Михаила. На титульном листе указано всё, кроме года издания: «Вопросы веры и жизни». Сб-к статей доцента СПб. Духовной Академии иеромонаха Михаила. – СПб. Изд. П. П. Сойкина. – 236

с.
Книга более объемна, по сравнению с другими сохранившимися раритетами.
На обороте титульного листа указано: «От СПб. Духовного Цензурного комитета печать дозволяется. СПб. 25 июня 1904. Цензор иеромонах Александр». По косвенным признакам можно определить, что книга вышла в конце 1904 года, и уже в январе1905 года поступила в фонд библиотеки. На сохранившемся экземпляре так же, как и на других, стоит штамп «вилучено».
Этот сборник составлен из ряда статей о психологии и таинствах Церкви, и рассматривает каждое Таинство очень подробно, с большим числом примеров и ссылками на ряд произведений современных авторов, но более всего, автор полемизирует с Л. Н. Толстым. Отдельные мысли автора сборника звучат достаточно интересно, и потому я составила краткий их перечень, а вернее конспект, убежденная в том, что ознакомление с его мыслями будет полезно многим (особенно неофитам).

4

Следующая книга, которая сохранилась в фонде ХГНБК, значительно отличается от предыдущих. Если до сих пор сочинения иеромонаха Михаила были изданы в Казани и Петербурге, то эта книга напечатана в Москве и, по-видимому, свидетельствует о новом этапе в жизни ее автора.
На титульном листе читаем: «Епископ Михаил. Апология старообрядчества. – М. 1910. – 61 с. Книга вошла в серию библиотеки «Старообрядческая мысль» и представляет собой сборник отдельных статей на эту тему. Штамп на книге свидетельствует о поступлении ее в библиотеку 10 декабря 1910 года. И, как и следовало ожидать, стоит штамп об ее изъятии.

Приложение 1. По страницам одного журнала

Елизавета Михайловна Шаховская – Шик при нашем знакомстве подарила мне копию списка статей и переводов Натальи Дмитриевны Шаховской, которые некогда появлялись в периодической печати. В этом списке указана была и такая: *Шаховская. Московское государство после смуты. Журнал «Колос», 1913 г., № 4. С. 84–88.*

***

Мне удалось разыскать подшивку этого журнала за 1913 год. Это был общедоступный иллюстрированный двухнедельный журнал, причем редактором был не кто-нибудь, а Георгий Владимирович Вернадский. Не удивительно, что в состав редакционной комиссии он включил дочь Дмитрия Ивановича Шаховского, которую знал с детства.

В первом номере во вступительном слове редакции сообщалось, что журнал «дает сообщения из жизни России и заграницы, обзоры общественной, литературной и научной жизни, причем главное внимание журнал будет уделять интересам сельской интеллигенции, вопросам сельского хозяйства и кооперации». Журнал ставил своей целью «*придти на помощь тем живым общественным силам, которые проявляются в деревне».*

***

Уже в первом номере журнала меня ожидала находка: неизвестная работа Натальи Дмитриевны, не указанная в списке ее публикаций.
В этом номере к 35-ой годовщине со дня смерти поэта Н. А. Некрасова была помещена ее обширная статья под названием «Больная совесть». В ней приведено немало

и незаурядного человека мой отдельный рассказ.

Дочь пишет о том, как семья мужественно переносила бытовые и моральные тяготы во время немецкой оккупации в октябре – декабре 1941 года.

В это время семья Н. Д. Шаховской выросла до 12 человек, так как вокруг нее, кроме собственных детей, собрались родные и не родные старушки, бежавшие от московских бомбежек и бесприютности. Кроме бомбежек, голода и холода было нечто и пострашнее: Наталью Дмитриевну вместе с детьми – полукровками вызвали в немецкую комендатуру с приказанием явиться 24 декабря 1941 года.

Детям 17-ти, 15-ти, 13-ти и 11-ти лет грозила отправка в гетто. Справки о том, что ее муж и дети – православные, не принимались во внимание: для фашистов имела значение принадлежность к еврейской национальности по крови...

И только случай спас детей Натальи Дмитриевны от трагической судьбы. 24 – 26 декабря комендатура не работала – Рождество! В ночь на 27-е начался обстрел города подошедшими нашими войсками, комендатура спешно выехала, а 1 января 1942 года в город вошли наши части. И такие чудеса сопровождали Н. Д. Шаховскую всю ее жизнь.

Елизавета Михайловна Шаховская – Шик завершает свои воспоминания печально: «Однако она уже не устояла против своего давнего врага – туберкулеза и умерла в Московском Туберкулезном институте 20 июля 1942 года».

Прошло столько десятилетий, и вот Память возвращает нам былые судьбы и события. Она взывает к душам уже новых людей иных поколений. Она стучится в сознание людей XXI века.

К 1910 году бывший иеромонах Михаил стал уже епископом. Но почему он посвятил свой труд старообрядчеству? Во вступлении он объясняет это так: «*… настоящие статьи касаются только тех сторон вопроса, которые в чем-нибудь допускают новое освещение или старое с новой, хотя в чем-нибудь, аргументацией».*

В этой книге он выступает, прежде всего, как историк церкви и богослов. С полемическим пафосом он пишет: «Я утверждаю, что отделиться от церкви Никона во имя самосохранения должны были все христиане, которые дорожат своей душой и ее спасением».

В сохранившемся экземпляре на разных страницах на полях имеется много карандашных помет и знаков «NB». Интересны пометы в главе под названием «Нужны ли обряды?».

Так, подчеркнута следующая мысль автора: «Обряд в свое время создан великой мыслью, огромной духовной энергией, подъемом любовного настроения. Но всякая энергия всегда сохраняется по закону, так сказать, «сохранения духовной энергии». Как теплота, духовная сила обряда сохраняется в нем в скрытом состоянии».

Примечательно, что в данном тексте епископ Михаил вспоминает один из полюбившихся ему рассказов Короленко: «*…есть хороший рассказ Короленко «Мороз». Это фантазия. Автору кажется, что иногда от мороза слова замерзают, но вот пригреет солнце, думается ему, – и оттают слова, и войдут в души святой силой. В обряде застыли «слова» – святая сила. Дни человека, которого еще не пригрело солнце благодати, они мертвы, безжизненны, но и для него они могут проснуться, «ожить». В обряд нужно вглядеться, войти вглубь, чтобы его сила ожила для сердца».*

Неоднократное поминание имени Короленко далеко не случайно. В его сочинениях епископ Михаил

искал и находил созвучие с некоторыми собственными мыслями и суждениями.

Оставалось немногое – узнать его биографию и судьбу. Так зародилась страница биографическая…

Судьба «мятежного и бедного пророка»

Иеромонах Михаил (1874–1916) был личностью яркой и необычной, а его судьба во многом примечательна. Путь его духовных исканий был неординарным и мучительным.

После его смерти Зинаида Гиппиус записала в своем дневнике: *«…великого уважения достойна память мятежного и бедного пророка. Его жертвенность была той данностью, которой так мало в мире…»*

Почему же она назвала его пророком, и не было ли это преувеличением?

На протяжении всей своей жизни он пытался доказать одну простую, но в то же время сложнейшую вещь: евангельские времена – не древность, не миф, они возможны и сейчас.

По свидетельству многих авторитетных ученых, епископ Михаил вошел в историю современной Церкви как яркий представитель так называемой теории «теологии освобождения» в России. Но в то же время личность епископа Михаила до сих пор воспринимается историками неоднозначно. Каковы же основные вехи этой необычной судьбы?

Иеромонах, а позже епископ Михаил (в миру Павел Васильевич Семенов) родился в 1874 году в Симбирске в семье еврея-кантониста. (По другим источникам, он родился на год раньше – С.Ш.). Он рано стал студентом духовной семинарии. Его духовная карьера начиналась тривиально: под покровительством митрополита, знаменитого Антония Храповицкого,

рождения она писала мужу в тюрьму:

«*Дай Тебе Бог терпения. А я сквозь тоску о Тебе часто чувствую себя счастливой безмерно, – счастливой Тобой, и знаю, что впереди радость свидания и верю, что она не отнимется от нас, и молюсь, – только бы нам самим ее не отравить*».

Удивительной оказалась судьба у Натальи Дмитриевны Шаховской! Казалось бы, узнав эти биографические сведения о ней, можно было поставить точку.

Однако мне хотелось узнать о ней как можно больше, и потому поиск сведений продолжился.

Испытания в семье Шаховских шли одно за другим. О новой катастрофе в их семье узнаем из письма к И. Гревсу от16. VII. 1937 года. Дмитрий Иванович писал: «*У нас все по-прежнему, в том числе и отсутствие каких-либо определенных сведений о М. В. Анюта вчера уехала к Наташе на лето. Наташа часто наезжает оттуда, чтобы что-нибудь узнать, но пока все тщетно*». М. В. – это отец Михаил Шик, который в то время ждал приговора, и вскоре был расстрелян. Анюта – старшая дочь Шаховского Анна Дмитриевна, которая после смерти сестры усыновила всех ее детей.

Спустя год семья все еще находилась, по словам Д. И. Шаховского, *«в полной неизвестности о Мих. Вл-че»*.

Вместе с детьми Н. Д. Шаховской довелось пережить не один арест мужа. Последний и роковой произошел в 1937 году. Затем последовала долгая и мучительная неизвестность о его судьбе.

В ночь на 27 июля 1938 года арестовали Д. И. Шаховского, которому было к тому времени 77 лет. Впереди была Голгофа сталинских застенков.

О жизни, судьбе и мучительной гибели этого прекрасного

«*Посмотрите, что Господь делает... Возьмите хотя бы отца Сергия Сидорова. Приехал он в Сергиев – молодой, красивый, горячий проповедник, ну что же – ведь это погибель, явная погибель. Но Господь берет его в Свои руки, осыпает его бедствиями, перемалывает его в муку…» – И Сергей Павлович показал руками, как «перемалывает*».

«*Я смотрела на него с удивлением, – продолжает Наталья Дмитриевна. Бедствия семьи Сидоровых вызывали во мне сердечный отклик. Я горькими слезами оплакивала смерть их первенца, а мрачно-отчаянный взгляд отца Сергия, которого я случайно видела в тюрьме во время свидания с мужем, неотступно стоял у меня перед глазами. От понимания духовного смысла этих бедствий я была очень далека».*

Пройдет время и ей будет дано понимание духовного смысла испытаний, особенно когда она останется вдовой с малыми детьми и практически без средств к существованию.

Накрепко она запомнила его слова, которые он неоднократно повторял: *«Кто внутренне усвоит жизнь и творения предыдущих поколений, тот найдет современных им преемников».*

***

Но обратимся вновь к свидетельству дочери Натальи Дмитриевны: «Пока отец сидел в тюрьме, успела родиться я – третий ребенок о. Михаила. Впервые он увидел меня двухлетней, вернувшись из ссылки….

Оказавшись с тремя детьми практически без средств к существованию, мама со мной, полугодовалой, ездила из Сергиева в Москву на работу, оставляла меня у бабушки и бежала в Исторический музей, где водила экскурсии, а затем с продуктами и пеленками в рюкзаке и со мной на руках возвращалась в Сергиев.

Но уныние не было ей свойственно: после моего

который сразу заприметил талантливого семинариста. Когда митрополит Антоний был переведен в Казанскую духовную академию, то вместе с ним в Казань уехал и этот юный семинарист. Затем последовал монашеский постриг и окончание Духовной Академии. В 1899 году в академическом храме Павел Семенов был пострижен владыкой ректором в монашество с именем Михаил в честь Архангела – покровителя Казанской Духовной Академии, праздник который являлся актовым днем в Академии.

В следующем году он стал иеродиаконом, а вскоре и иеромонахом. Факт принятия монашества был для его духовных устремлений закономерным. В том же году он закончил Духовную Академию со степенью кандидата богословия и был оставлен для «приготовления к профессорскому званию».

Еще, будучи студентом, Павел Семенов заинтересовался проблемой взаимоотношения церкви и государства. Он начинает писать свою магистерскую диссертацию о взаимоотношениях императорской власти и православной церкви в ранневизантийской империи (IV–VI вв.). Он был командирован в Константинополь для работы с источниками в патриаршей библиотеке. В Казани он провел всего пять лет (1895–1900 гг.), но в плане творчества они оказались весьма напряженными и плодотворными.

Дописывал научную работу он уже в Воронеже, куда был направлен преподавателем богословия в местную семинарию, но проработал там недолго.

В 1902 году он блестяще защищает свою работу «Законодательство византийских императоров по делам церковным до Юстиниана включительно», и благодаря связям с некоторыми иерархами, в том же году становится доцентом Духовной академии в Санкт-Петербурге. Его карьера в СПб. Духовной Академии была стремительной и поначалу очень удачливой.

Сначала читает лекции в качестве приват-доцента, а спустя короткое время становится профессором церковного права.

Небольшой отрезок его жизни в С.-Петербурге (с 1902 по 1906 год) был связан с большой внешней эффектностью его деятельности, что проявлялось в новых и непривычных тогда формах общения с верующими, а также общения и с русской интеллигенцией.

Это были четыре года его невероятно яркой и бурной общественной деятельности и популярности. Он часто выступал на различных собраниях, где его встречали «восторженными возгласами и оглушительными аплодисментами». Тогда же он был возведен в сан архимандрита.

Обладая недюжинным ораторским талантом, способностью убеждать своих слушателей, он непрерывно выступал в публичных лекциях, беседах, диспутах в разных храмах столицы и в лекционных помещениях Сампсониевского собора, а также в зале «Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви». Он поражал своих современников невероятной энергией и активностью.

Известно, что Михаил Семенов стал одним из соратников протоиерея Философа Орнатского и деятельным членом «Общества распространения духовно-нравственного просвещения в духе православной церкви». Вот почему именно Философ Орнатский выступил в качестве духовного цензора отдельных брошюр Михаила Семенова.

Наряду с философом А. В. Карташевым Михаил Семенов являлся также соредактором такого печатного органа, как журнал «Век». Работая в нем, он сблизился с организаторами «Христианского братства борьбы» В. П. Свенцицким и В. Ф. Эрном.

Боровске. В последние годы жизни она работала над воспоминаниями, окончить которые не успела.

Ее муж Сергей Мансуров, пережив два ареста – в 1920 и 1924 годах, заметно подорвал и без того слабое здоровье. В 1926 году он был возведен в сан священника.

2 марта 1929 года отец Сергий Мансуров умер от туберкулеза и истощения. Друзья, близкие его семьи, не могли скрыть своей печали и скорби. Это был человек удивительной отзывчивости и доброты. С. П. Мансуров деятельно участвовал в скорбях и нуждах друзей, посещал их в больнице, помогал хоронить, ухаживал за своей больной матерью.

Став священником, он недолго имел небольшой приход в селе Дуброво, Наро-Фоминского района Подмосковья. В далекое от Москвы Дуброво приезжали друзья Мансурова, известные деятели культуры «серебряного века».

Отец Сергий Мансуров был автором «Очерков по истории Церкви». Его незавершенная рукопись далеко не сразу нашла своего благодарного читателя.

Очерки увидали свет на страницах «Богословских трудов» (№ 6 – 7) лишь в… 1971 году.

***

Позже Н. Д. Шаховская напишет о нем воспоминания «Мои встречи с С. П. Мансуровым», которые появились в печати лишь в 1979 году, но для российского читателя все равно остались недосягаемыми, т. к. были опубликованы в христианском сборнике «Надежда» во Франкфурте на Майне.

В своих заметках Н. Д. Шаховская-Шик приводит поразившее ее тогда суждение отца Сергия Мансурова по поводу ареста и бедах священника Сергия Сидорова, близкого друга семьи Шаховских.

кадетов и либеральных преобразований в жизни страны.

***

Преданная дружба связывала Шаховских и с семьей Мансуровых.

В духовном становлении Натальи Дмитриевны большую роль сыграло знакомство и дружеские отношения с видным русским ученым, работавшим в 1920 г. в комиссии по охране Троице-Сергиевой Лавры вместе с о. Павлом Флоренским, – Сергеем Павловичем Мансуровым. (1890–1929). Он был сыном Павла Борисовича Мансурова, выдающегося русского общественного и церковного деятеля. Мансуровы принадлежали к старинному дворянскому роду, представители которого были записаны в родословные книги Калужской, Курской и Московской губерний. Некоторые его члены с конца 18 и до середины19 века были сенаторами, дипломатами и посланниками.

Павел Борисович Мансуров (1860–1932) был дипломатом и писателем, одним из учредителей «Кружка ищущих христианского просвещения» М. А. Новоселова и членом Поместного Собора 1917–1918 годов. Короткое время он был секретарем общины Троице-Сергиевой Лавры. В 1920-е годы Мансуров – старший неоднократно подвергался арестам. Ему довелось не надолго пережить своего сына….

Как и отец, Сергей Павлович принимал самое участие в «Кружке ищущих христианского просвещения», который возглавлял известный церковный деятель М. А. Новоселов.

В 1914 году Мансуров – младший женился на Марии Федоровне Самариной. Она была из широко известного рода славянофилов Самариных. В силу ряда исторических обстоятельств их брак оказался недолгим.

Мария Федоровна Мансурова, пройдя лагеря и ссылку, выжила и скончалась в конце 70-х годов в

Участие в собраниях «Религиозно-Философского общества» быстро сделало Михаила Семенова относительно известным в интеллектуальных кругах Петербурга. Он старался участвовать почти во всех заседаниях Петербургского религиозно-философского общества. Вот, откуда знала его Зинаида Гиппиус.

Религиозно-философские собрания 1901–1903 гг. сыграли важную роль в его жизни. Иеромонах Михаил представил в Общество для обсуждения доклад, который назвал полемично: «О браке: Психология таинств». Доклад вызвал не только живой отклик, но и яростную полемику.

С 1903 года Михаил Семёнов стал активно выступать на страницах периодической печати как духовный публицист. Еще в Воронеже он пишет одну из первых литературных работ под названием «Обиженные дети», в которой затрагивает ряд важных социальных проблем. Это сочинение сразу сделало его известным в литературных кругах.

Краткие биографические сведения о нем были напечатаны еще при его жизни в «Новом энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона». Читаем: «*Михаил (в миру Павел Семенович Семенов. Род. в 1874) – духовный писатель, архимандрит, профессор церковного права в СПБ ДА. Воспитанник в Казанской ДА*».

Обратим внимание на год появления этих сведений – 1903, т. е. он был еще только в начале своего творческого пути. Не менее интересно то, что он уже тогда был представлен как «духовный писатель», хотя в печати появились только ранние его сочинения.

В 1906 году он опубликовал «Программу русских христианских социалистов». Сутью этого течения являлись свобода творчества, духовное обновление, совершенство, стремление к восстановлению на земле идеалов первохристианских общин. Вообще, в

соответствии с их принципами, вся жизнь христианина должна быть перманентной Голгофой. К тому времени его взгляды стали достаточно радикальными. Но радикализм его взглядов имел не столько политический, сколько духовный характер

В том же году Михаил ненадолго примкнул к партии народных социалистов и вскоре, в силу этих причин, был отстранен от должности профессора Духовной академии. В том же году он был удален из профессуры и сослан в Задонский монастырь, откуда вернулся самовольно, за что был осужден и сослан в Валаамский монастырь.

По некоторым биографическим данным, этот год был последним годом его церковно-общественной деятельности.

В 1905 – 1907 гг., в годы первой русской революции, взгляды архимандрита Михаила значительно радикализировались. Именно в это время выходят в свет его знаменитые брошюры:

- «Почему нам не верят».
- Сборник «Свобода и Христианство».
- «Христианская свобода».
- «Христос в век машин».

Их основной пафос публицист направил на обличение несправедливой социальной действительности с христианской точки зрения. В этот революционный период поведение о. Михаила часто для официальной православной церкви было провокационным и вызывающим.

В 1907 году уже бывший архимандрит Михаил выпустил брошюру под полемическим названием «Как я стал народным социалистом».

Апологией социализма и откровением священника – члена партии эсеров стала эта брошюра, вышедшая в

спрашиваешь о Наташе. Ее дела очень плохи. Мих. Влад-ч попадает в Турт-Кул. Это местечко против Хивы, 400 верст от железной дороги, с отвратительными средствами сообщения. (...) Она не унывает и работает вовсю».

Да, жизнестойкости и мужества Наталье Дмитриевне было не занимать…. Интересно краткое примечание к этому письму: «*Дочь Д. И. Шаховского Наталья Дмитриевна (1890–1942), детская писательница. Она была замужем за Михаилом Владимировичем Шиком (1886–1938), гимназическим товарищем Г. Вернадского».*

Характерно, что Наталья Дмитриевна представлена как «*детская писательница*».

Интересна и другая деталь: ее муж был гимназическим товарищем сына академика Вернадского. Быть может, именно это обстоятельство некогда и поспособствовало знакомству будущих супругов.

***

Дружба двух семей – Вернадских и Шаховских длилась долгие годы и была необыкновенно крепкой. В 10-е годы XX столетия в Москве существовал «Кружок прогрессивной молодежи», который занимался распространением книг среди крестьян и пропагандой общественно-экономической организации в деревне. В нем активно участвовали Георгий Вернадский и Наталья Шаховская. Эти факты говорят о дружбе и единомыслии уже второго поколения. Дружили В. И. Вернадский и Д. И. Шаховской, дружили и их дети.

В течение ряда лет сын ученого – Георгий Владимирович Вернадский – вел чрезвычайно активную политическую работу в кадетской партии, членами которой были его отец и князь Дмитрий Иванович Шаховской. Их объединяла идея организации партии

И еще ряд важных подробностей, которые позволяют предположить широкий творческий диапазон в ее литературной работе. Позже ее сын Дмитрий Михайлович Шаховской вспоминал: «В 20–30-ые годы она писала популярные книги для юношества по истории научных изобретений и о выдающихся путешественниках. Эти книги мы в детстве очень любили. Особенно я запомнил «Последнее путешествие капитана Скотта» – о героизме и высоком чувстве долга». Так стала известна еще одна книга, написанная Н. Д. Шаховской.

Этот отрывок органично вливается в ткань биографической статьи о Н. Д. Шаховской, на которую я ссылалась прежде. Дочь пишет: «*В конце 20-х гг. Н. Д. Шаховская сотрудничала с издательством «Посредник», переводила и писала для детей и юношества популярные книжки о путешественниках, изобретателях, ученых. Последняя ее книга, написанная вместе с М. В. Шиком – о Фарадее – была издана трижды: в 1937 г. («Загадка магнита»), в 1947 г. («Майкл Фарадей») и в 1968 г. («Повелитель молний»…*»

Эти сведения дают новый материал для продолжения поиска ее книг, и в первую очередь, книг, написанных в соавторстве с мужем. История создания супругами книги о Майкле Фарадее стала самостоятельным сюжетом для новеллы.

Значительными и неожиданными дополнениями стали отрывки из писем отца писательницы, опубликованные уже в наши дни.

В 1992 году в журнале Звезда (№5–6) в публикации «Люди и судьбы» с подзаголовком «Д. И. Шаховской, С. Ф. Ольденбург, В. И. Вернадский, И. М. Гревс по их переписке 1920–1930-х годов» были напечатаны поразительные документы.

Так, 12 июля 1926 года Дмитрий Иванович Шаховской сообщал о домашних делах следующее: «*Ты*

Швейцарии и запрещенная к распространению в России. Вскоре после 1907 года началось его отвержение в обществе.

Историк церкви А. Эткинд, писал: «Он испытывал резкое неприятие, и даже ненависть к мирному обывателю, который тешил себя иллюзией христианства.

Архимандрит Михаил (Семенов) выступил с целой программой действий для российских христиан-социалистов…»

Сочувствующий в этот период революции С. Н. Булгаков об этом, на его взгляд «скандальном событии», так написал своему другу А. С. Глинке: «*Читали ли Вы истерический выпад Михаила в «Товарище» об его принадлежности к народно-социалистической партии? Окончательно растрепался монашенок, да, вероятно, недолго и удержится на нем монашеский клобук. Но что же будут делать с ним власти? Во всяком случае, положение любопытное».*

Неудивительно, что многие консервативно настроенные его современники были склонны строго порицать Михаила за его идеи и выступления.

Решение Священного Синода последовало незамедлительно. Он был отстранен от преподавательской деятельности и сослан на покаяние в Задонский монастырь.

Это было время, когда в учебном комитете Синода активно обсуждался вопрос о введении в духовных академиях специального предмета «обличение идей социализма».

Как приговор существующей социальной действительности прозвучали статьи Михаила Семенова «Из креста – огонь» и «Христианство не мораль».

Современный историк Церкви митрополит Мануил Лемешевский объяснял свалившиеся на М. Семенова беды непосредственными происками Синода.

Он пишет: «*Зоркое око обер-прокурора Победоносцева и группы высшего реакционного духовенства внимательно следили за популярным иеромонахом, и судьба его была решена Синодом. Этот «страдалец» пал жертвой завистников и ретроградов…»*

Поиск широких возможностей социально-ответственной церковной деятельности, не связанной бюрократическими путами, не боящейся новых форм, позже привел его в старообрядческую Церковь. Он порывает с официальной церковью и присоединяется к старообрядчеству. О причине такого шага писал так: «*Я уважаю и люблю старообрядчество за то, что оно кровью купило себе свободу от рабства государству, от порабощения свободы церковной воле папы, Никона или заступившей его папской иерархии. Я уверен был по его духу (и сейчас уверен), что в нем, обагренном реками крови, пролитой за свободу мысли и убеждения, возможнее, чем где-нибудь, свободное раскрытие правды Божией на земле и небе*».

Михаил перешел в старообрядчество, надеясь обрести там духовную свободу, но свободы он так и не нашел.

Его заблуждения были обусловлены, прежде всего, нравственным максимализмом его мировоззрения. В некоторых справочных источниках говорится, что за все это он в 1911 году оказался даже в казематах печально известной Петропавловской крепости, но ненадолго.

Среди некоторых иерархов – старообрядцев у него не нашлось единомышленников. Богослужебным уставом не овладел, а потому в 1910 году был запрещен в священнослужении и пробыл под ним до конца своей жизни (1916 г).

В старообрядческий период своей жизни он продолжал, как и раньше, печататься в различных публицистических сборниках.

Обращение Н. Д. Шаховской к историческим очеркам было естественным. Ведь она в 1913 году закончила исторический факультет Московских Высших женских курсов.

Как видим, она не была случайным человеком в литературе, постоянно работала над собой, совершенствуя свои творческие возможности.

Читаем дальше: «После революции она сменила литературную работу на общественную – заведовала культурно-просветительским отделом Дмитровского Союза Кооперативов; затем, поселившись в Сергиевом Посаде, преподавала в местном педагогическом техникуме». Очевидно, условия жизни вынуждали ее браться за любую работу.

Интересна мысль дочери Е. М. Шаховской о матери: «*За это время она прошла путь от детской веры в Бога, через потерю ее, к новому, уже взрослому осмыслению своей веры, которую пронесла через всю остальную жизнь».*

Дочь Натальи Дмитриевны не случайно акцентирует внимание на духовных исканиях матери. Заметим, такой же подход был и у самой Н. Д. Шаховской, когда она взялась за биографию Короленко.

В этой биографической справке встречаются такие чисто житейские подробности, которые незримо приближают к нам личность Натальи Дмитриевны.

В 1918 году она вышла замуж за Михаила Владимировича Шика, который в 1927 году в ссылке принял священнический сан. В первые годы супружества она оставалась бездетной, и очень тяжело переживала из-за этого. Врачи ничего ей не обещали. Появление в 1922 году первенца Сергея она восприняла как великое чудо, но при этом была поставлена перед трудным выбором: при каждых следующих родах она рисковала собственной жизнью. Несмотря на это, в последующие годы у нее родилось еще четверо детей.

судьбой. Он погиб в сталинских лагерях. Тема жертв ГУЛАГА уже давно не отпускает меня.

Много упоминаний о ней и ее отце находится в «Дневниках» В. И Вернадского. Однако в примечаниях сообщается кратко: *«Шаховская Наталья Дмитриевна (1890–1942) – литератор. Дочь Д. И. Шаховского, в 1918 вышла замуж за священника М. В. Шика, с 1931 жила в Малоярославце без права проживания в Москве*».

Почему ей запретили жить в Москве? Ответ однозначен: потому что она, прежде всего, была «вредной социальной принадлежности», кроме того, она была женой священника.

Но что же конкретно дало найденное примечание? Во-первых, подтвердились точные даты жизни Натальи Дмитриевны, а во-вторых, стали известны краткие обстоятельства жизни Н. Д. Шаховской при советской власти.

Подробная биография Натальи Дмитриевны Шаховской появилась только в 1997 году. Ее написала дочь, предваряя публикацию матери: «Рассказы о детях» в журнале «Альфа и Омега».

Н. Д. Шаховская родилась в 1890 году в с. Михайловском (по имени деда) близ Ярославля, училась в Ярославской женской гимназии; в 1913 году закончила исторический факультет Московских Высших женских курсов.

Сразу обратил на себя внимание на следующий фрагмент: «В *период с 1912 по 1917 гг. она работала в издательстве К. Ф. Некрасова, где опубликовано несколько ее работ – исторические очерки, биография В. Г. Короленко, положительно оцененная им самим; статья памяти А. П. Чехова и др.».*

Этот фрагмент дал возможность направить книговедческий поиск по новому направлению – поиску исторических очерков и статьи о Чехове, написанных Натальей Шаховской.

В последние годы жизни он много бродяжничал, был бездомен и нищенствовал. В своих публикациях он продолжал подписываться: «епископ Михаил». Духовные его силы иссякали, и он стал болеть. Ему было горько сознавать, что в обеих церквах живет и очень силен один и тот же дух косности и напластованной лжи. Обе они оказались решительно неспособны услышать голос людей, подобных епископу Михаилу.

Несмотря на резкую порой критику в публичных лекциях и статьях воззрений, писаний и заблуждений Льва Толстого, именно Михаил Семенов в присутствии православных духовных лиц отслужил поминальную молитву по Льву Толстому.

На одном из вечеров Петербургского религиозно-философского общества, посвященном памяти ушедшего писателя, по свидетельству одного из участников, «*длинную и несколько утомившую многих импровизацию – молитву произнес старообрядческий епископ Михаил».*

О последнем периоде жизни Семенова Лемешевский также сообщает немало новых и важных подробностей: «*Жил он литературным трудом у сестры в Симбирске (ныне Ульяновск). Страдал нервным расстройством, и сестра повезла его лечить 15 октября 1916 года в Москву.*

В ночь на 17 октября провел в чайной по Домниковской улице.

В ночь на 18 октября его обокрали, и в лохмотьях он зашел в дом извозчика по 1-й Мещанской улице № 138, где его приняли за жулика и избили (сломали четыре ребра и ключицу).

Его положили в больницу Старо-Екатерининскую как неизвестного, а 26 октября родные разыскали его и перевезли на Рогожское кладбище, где в два часа дня 26 октября он и скончался (после таинства Елеосвящения).

Торжественно, по архиерейскому чину, был похоронен на архиерейских местах на Рогожском кладбище, где могила и крест сохранились до настоящего времени».

Михаил Семенов скончался от побоев в старообрядческой лечебнице 23 октября 1916 года и был похоронен на Рогожском кладбище в Москве.

Особенно проникновенно и личностно звучит финал очерка, где митрополит Лемешевский пишет: «*Читатели этой биографии, быть может, обвинят меня в излишних подробностях описания его деятельности в столице и удивятся тому, что я поместил епископа Михаила в каталог православных архиереев. В оправдание свое могу сказать только одно, что ничего того, что сейчас мною написано, нигде не осталось отраженным.*

Быть может, в последующие годы найдутся дневники, мемуары, воспоминания современных ему церковных людей, которые, быть может, отражали его церковную деятельность в столице в те годы, но все это «может быть», а в данный момент, чтобы и это не предалось забвению, мы позволили себе коснуться его обшей характеристики, не погрешая против правды его биографии и не возвеличивая этого выдающегося церковно-общественного деятеля эпохи первой русской революции 1905 года.

Я пишу сейчас все это как воспоминание о нем. Именно в те годы моего студенчества в университете имя его было близко мне, как его почитателю, и невольно я знал от окружающих многое из его церковно-общественной жизни, отрывки воспоминаний которых отразились в данной ему характеристике по-возможности беспристрастной, правдивой…. Когда не стало его, то молодежь столицы не напрасно говорила с негодованием, что его съели.

Не стало человека, который на свои выступления собирал битком набитые помещения и храмы, не стало

дневник Р. Скотта, но и статьи участников его экспедиции, до сих пор не переведенные на русский язык. Эти материалы рассказывают, как была подготовлена экспедиция Р. Скотта, снаряженная лучше, чем какая-либо другая экспедиция к полюсу до мировой войны, и в то же время вскрывают те ошибки, которые были при этом сделаны.

- *… Приложенные к книге карты дают представление об обширном материке, на котором находится Южный полюс – Антарктиде – в том виде, в каком эта земля стала известна во времена Р. Скотта…. Экспедиция капитана Скотта не была единичным предприятием небольшой группы ученых, действовавших на свой риск и страх. Она была лишь звеном в цепи исследований, которые были прерваны мировой войной, но затем возобновились при помощи новых завоеваний техники*».

Последняя фраза предисловия звучит так: *«Книга Н. Д. Шаховской, иллюстрированная фотографиями, снятыми во время путешествия Скотта, является попыткой рассказать об этом путешествии на основе подлинных источников в возможно более доступной форме*».

Оказывается, со временем Н. Д. Шаховская успешно работала в жанре научно-популярных биографических описаний, как профессиональная детская писательница.

Страница биографическая

Вполне закономерным был интерес к личности самой Натальи Дмитриевны Шаховской. Как сложилась ее судьба после выхода книг о Короленко?

Прежде всего, мне удалось найти сведения о ней при работе над книгой о Вернадском и Дмитрии Шаховском. Князь Дмитрий Иванович Шаховской был яркой личностью и вызывает особое почтение перед его

всякое чужое истинное убеждение. Ведь церковная власть потому не давала свободы веры, что она не доверяла человеку….

- *Уважать чужую веру можно только тогда, когда мы верим, что человеку свойственно стремиться к правде и добру.*
- *Законы только – стража, охраняющая от покушений на свободу совести.*
- *Стоит же она и держится на двух непоколебимых устоях: первый – сознание долга слушать голос внутреннего убеждения и ему следовать, а второй – доверие к человеческой душе.*

Заключительная фраза звучит, подобно афоризму: *«Свобода совести невозможна, если нет веры в человека. Она не нужна никому, если голос совести молчит»*.

Во всех названных работах Шаховская выступает, прежде всего, как историк, а потом уж как литератор.

4

В 1934 году в Москве в книгоиздательстве «Посредник» вышла новая книга Н. Д. Шаховской под названием «Последнее путешествие капитана Скотта».

С книгоиздательством «Посредник» еще в начале XX века был творчески связан ее отец – Дмитрий Иванович Шаховской.

Очень красочно была исполнена обложка книги. Это гравюра на дереве художника П. Н. Рябова. Следует заметить, что художник Рябов был учеником Фаворского.

Тираж книги – 8000 экз. В ней почти 200 страниц. Основной текст предваряет предисловие «От издательства». Читаем:

- *Составительница книги использовала не только*

близкого им человека, встречи и проводы которого с любовью сопровождались восторженными возгласами и оглушительными аплодисментами, не стало человека глубокой принципиальности и порядочности, смело обличавшего современные ему болезни духовного одичания, черствости, умаления любви и человечности, искателя правды Божией, и смело и твердо зажигавшего огни в потухающей совести русской интеллигенции…. Он молча ушел от нас навсегда. И это было самое тяжелое и непоправимое для всех знавших его…» Далее следует форменный гимн этой личности: «Михаил Семенов был «*человек глубокой принципиальности, смело обличавший современные ему болезни духовного одичания, черствости... смело и твердо зажигавший огонь в потухающей совести русской интеллигенции».*

В декабре 1916 года Петербургское Религиозно-философское общество последнее собрание посвятило памяти епископа Михаила.

***

Историки религии называют епископа Михаила Семенова чрезвычайно «*плодовитым автором*» и, бесспорно, талантливым духовным публицистом и духовным писателем.

Им было написано великое множество статей, книг, брошюр. Среди них есть и проникновенные, значительные и по темам, и по исполнению, и по страсти, пафосу, и даже надрыву. В истории отечественной духовной и социальной мысли он оставил свой неповторимый и заметный след. Но все же его талант социального и религиозного публициста, к сожалению, так и не успел раскрыться до конца. Современный ученый, кандидат филологических наук В. Боченков, на страницах «Учительской газеты» отмечал, что всё, написанное епископом Михаилом

Семеновым – «статьи, книги, пьесы, повести, проповеди – подсчитать непросто: и количество большое, и проблемы с определением авторства».

О том, что он не был лишен таланта художественного писателя, свидетельствуют его пьесы, романы и повести. Так, еще в 1905 году Михаил Семенов под псевдонимом «Дьяк Жигоня» написал пьесу «Уставший царь», где подчеркнул развращенную, чувственную сторону характера Ивана Грозного.

Уникальность этих произведений в том, что помимо высокохудожественного слога и захватывающего сюжета, в них содержатся весьма интересные экскурсы в область церковной археологии, каноники и церковной истории и византиноведения. Не лишены они и налета мистицизма, что роднит их с историко-мистическими романами известного символиста Д. С. Мережковского.

Как духовный писатель Михаил Семенов при жизни напечатал несколько церковно-исторических повестей: «Горящий огнем» и др. из истории русского старообрядчества. Повесть «Горящий огнем» – о судьбе и сожжении известного протопопа Аввакума, личность которого много лет волновала воображение автора.

Он напечатал ряд публицистических религиозных брошюр и статей в столичных газетах, драму об Иване Грозном.

Наиболее полно талант уникального исторического романиста проявился в «старообрядческий» период его жизни. С 1907 года епископ Михаил начал активно печататься в старообрядческих журналах, в органах «голгофских христиан», а также в журнале «Современное слово», в газетах «Речь» и «Биржевые ведомости».

В 10-е годы писал он и для периодического издания под названием «Новая земля», ставшего местом приложения основных духовных сил еп. Михаила. Кстати, самым важным открытием этого издания стала

результатом каких-то широких дискуссий, которые в то грозное время часто имели место в обществе и особенно среди интеллигенции.

Последний раздел – пятый в названии содержит риторический вопрос: «Кому нужна свобода совести?». Этот раздел гораздо меньше по объему, но представляется наиболее выношенным. Мысли, высказанные в нем, звучат достаточно актуально и в наши дни…. Особенно в этом разделе интересны следующие суждения автора:

- «*Было бы неправильно думать, что когда нет свободы совести, от этого страдают только те, кого преследуют или лишают прав за веру… было бы большой ошибкой считать, что большинство русского народа, исповедующее православную веру, не нуждаются в этой свободе».*
- *больше всего нужна свобода православной церкви.*
- *… не было еще случая в истории, чтобы от гонений вера потухала, а наоборот, она всегда от гонений разгоралась, потому что лучшие люди всегда стремились к жертве и к подвигу, когда нужно было вести борьбу, всегда созревали силы.*
- *Но служители православной церкви, заботливо охраняемые со всех сторон государственной властью, не призывались ни к подвигу, ни к жертве. Им не с кем было вести борьбу, потому что они одни имели право говорить. И дух церкви ослабел. Служители ее стали чиновниками.*
- *Изо всех своих прав, кажется, дороже всего люди заплатили за свободу совести.*
- *Если мы признаем свободу совести, мы должны видеть в ней не только право – высказывать веру, но и долг – проверять свое убеждение, укреплять его, выражать на деле, строить на нем жизнь.*
- *Ценить свободу совести – значит уважать*

автором весьма тепло. Попутно сообщаются сведения и из истории тогдашнего просвещения….

- *Отмечается также и благотворительная деятельность обители…»*

Заметим, что не так уж часто в периодической печати того времени рецензировались брошюры исторического содержания на подобные темы.

3

В ХГНБ им. В. Г. Короленко сохранилась брошюра, на титульном листе которой читаем: Н. Д. Шаховская. «Свобода совести».

Брошюра издана в Москве в 1917 году в специальной серии под названием «Свободный народ». Она была напечатана в типографии товарищества «Задруга» (Воздвиженка. Крестовоздвиженский пер., д. 9).

В ней всего 24 страницы. Однако само содержание весьма примечательно, и затрагивает ряд важнейших вопросов в истории духовных исканий человека. Ее начало звучит афористично и достаточно категорично: «*Совесть - наше внутреннее убеждение, понятие о хорошем и дурном. Оно всегда было и всегда будет свободно».* И далее: «*Об этом, как говорит один ученый, позаботился сам Господь Бог, т. к. он скрыл внутреннюю жизнь души под покровом тела*».

Мысли автора звучат достаточно четко. Она пишет: «*Когда говорят о свободе совести и требуют, чтобы она была обеспечена законом, речь идет не о том, чтобы каждый имел право верить и думать по-своему: этого права все равно никто и никакими способами отнять у человека не может».* Н. Шаховская убеждена, что *«каждый в глубине своей души верит так, как подсказывает ему его совесть и разум».* И заключает: *«Свобода совести есть свобода исполнять веления совести*». Очевидно, подобные рассуждения могли быть

поэзия яркого поэта Николая Клюева. Сборники программных статей епископа Михаила отразили его взгляды достаточно четко и ясно. Даже названия говорили уже сами за себя:

- «Из креста – огонь».
- «Христианство не мораль».

Эти работы были опубликованы как раз в «Новой Земле» в 1910 году.

В одной из статей он убежденно писал*: «Люди божественны. Они часть Великого Духа, одухотворяющего мир. Но во имя этой божественности на них лежит и великая тягота, необходимость принять великий крест. Они должны сделать то, что сделал на Голгофе Христос».*

Этих слов ему не могли простить ни церковные власти – иерархи, ни клир его современников. Не следует забывать, что он был не только магистром богословия, но и духовным писателем и церковным публицистом.

В 1911 – 1913 гг. на страницах журнала «Церковь» он публиковал свои художественные произведения. Это роман «Второй Рим» и церковно-историческая повесть «На заре христианства». Герои повестей епископа Михаила – это люди ищущие, «жаждущие правды», для которых, так же как и для героев Короленко, впереди тоже горят огни надежды.

К сожалению, имя епископа Михаила Семенова не включили в самый подробный на сегодня литературный биографический словарь «Русские писатели. (1800–1917 годы)», хотя по всем критериям статья о нем должна там присутствовать непременно.

Историками церкви установлено, что он являлся автором *первого учебника* Закона Божьего (1914 г.) для старообрядческих школ, издание которого было даже санкционировано Министерством народного просвещения. К теме преподавания Закона Божия он обращался неоднократно.

Епископ Михаил был разносторонне образованным и начитанным человеком. В его публицистических сочинениях много ссылок на сочинения Генриха Ибсена, Достоевского, Льва Толстого, Чехова и Короленко, Ивана Аксакова и Алексея Хомякова. Нередко он цитирует малоизвестных писателей-современников не меньше, чем Отцов Церкви…

Эхо слов о Короленко

Если вчитаться в доступную в наши дни публицистику Михаила Семенова, то можно убедиться в том, что имя Короленко присутствует в самых разных его работах и в самом разном контексте. Нравственный авторитет Короленко-писателя и человека для Семенова оставался на протяжении всей его творческой деятельности непререкаемым.

Так, издав текст своей публичной лекции о Короленко, в которой он касался очерков писателя, появившихся отдельным изданием в 1903 году, выпуская уже потом, в 1904 году, сборник «Вопросы веры и жизни», Михаил Семенов в главе «Церковь и тюремные больницы» ссылается на рассказ Короленко «Убивец». Он цитирует те строки, которые как бы служат подтверждением его собственных мыслей и суждений.

В полемической статье «Зачем нужны обряды?», написанной в 1914 году, когда Михаил Семенов уже был епископом, он вновь упоминает имя Короленко, ссылаясь на короткий рассказ писателя под названием «Мороз».

И если во многих статьях и выступлениях Михаил Семенов проявляет себя как яркий полемист с Толстым и Чеховым, то в случае с Короленко дело обстоит иначе. Михаил Семенов в самых разных произведениях писателя находит ноты единомыслия и созвучия с ним.

вообще для монастыря 14–17 веков, растворены в этой брошюре в индивидуальной картине быта и жизни «Сергиева дома» и проявлены в описании ярких исторических событий и деятельности отдельных лиц.

И еще: «*Брошюра эта, наряду с другими, готовящимися к печати, по мнению редакции, послужит началом популяризации в научно-общедоступном изложении различных вопросов из удельно-феодального и смежного с ним московского периода русской истории*».

Согласно регистрационному штампу, эта книга Шаховской поступила в библиотеку весной 1921 года. И судя по внешнему виду, не так уж часто читалась, поскольку сохранилась достаточно хорошо. Другие же выпуски этой серии, к сожалению, пока не обнаружены.

***

Зато была обнаружена рецензия. Так, в журнале «Исторический вестник» в 1916 году в одном из номеров отмечалось:

- «*Серия культурно-бытовых очерков по русской истории, издававшаяся под общей редакцией В. Я. Уланова, заслуживает большого внимания, как полезное чтение для учащейся молодежи при прохождении отечественной истории.*
- *В легкой общедоступной форме, иногда почти беллетристической, авторы этих очерков знакомят читателей с такими сторонами прошлой жизни и быта, которые до сих пор в учебниках отмечались лишь вскользь, но знание которых необходимо, чтобы правильно понять и осмысленно разобраться в ходе событий далекого минувшего.*
- *… Составленный на основании авторитетных источников очерк Н. Д. Шаховской знакомит с монастырским бытом прошлого, с его порядками, хозяйством, обитателями и нравами.*
- *Образ основателя обители Св. Сергия выписан*

планы. Вчерашние союзники сегодня превращались во врагов, дружеские связи не выдерживали испытаний, крепость и мощь страны имели опорой только личные качества князя – не внутреннюю устойчивость княжества.

- *… Русские князья того времени часто бывали храбрыми воинами и достигали иногда большой мудрости. Но они редко были рыцарями и еще реже – государственными деятелями. Даниил по качествам своим мог быть и тем, и другим. Но в его задачах было внутреннее противоречие, и планы его не могли осуществиться*».

Можно предположить, что автор этой брошюры имел достаточный запас исторических знаний.

2

В 1915 году в том же книжном издательстве К. Ф. Некрасова была напечатана другая книга Н. Д. Шаховской под названием «В монастырской вотчине 14–17 века» с подзаголовком: Св. Сергий и его хозяйство. Она вышла в серии «Русская история в культурно-бытовых очерках». Общую редакцию серии осуществлял историк В. Я. Уланов.

Выбор темы, рассматривающей деятельность Сергия Радонежского с непривычной стороны, свидетельствовал о неординарности подходов автора к историческому прошлому…

В предисловии «от редакции» дано краткое объяснение появления этой работы. Настоящая брошюра дает картины из быта монастыря – вотчинника, с его крупным натуральным хозяйством, питавшимся неугасимыми порывами русских людей «взыскивать града невидимого» при посредстве «тленных благ мира сего».

Особо подчеркивается, что все черты, характерные

Посмертие

Формы посмертия могут быть разными, но, прежде всего, это приобщение новых поколений к трудам того, кто давно уже ушел из этого мира.

Как духовный писатель Михаил Семенов приходит к новому читателю медленно и одним из последних в ряду своих современников – писателей и общественных деятелей. Немало этому способствуют усилия современных старообрядцев, сохраняющих наследие своего духовного прошлого.

В 1995 году в Москве был переиздан его почти забытый труд, который впервые был напечатан еще в 1903 году: Михаил (Семенов), иеромонах. Святой праведник Иоанн Кронштадтский. – М., 1995. – 398 с.

Количество страниц достаточно внушительно, что свидетельствует, прежде всего о работоспособности автора книги. Заметим, что первое издание вышло в печати еще при жизни самого праведного Иоанна Кронштадтского.

В 1998 году были переизданы его избранные статьи, которые ранее печатались на страницах редкого периодического издания под названием «Церковь».

Михаил (Семенов), еп. Избранные статьи: (Из журн. «Церковь» за 1908 – 1915 гг.). С.-Петербург. Издательство «Политехника». 1998. – 272 с.

Одновременно с этим, в том же 1998 году, в издательстве «Китеж» также вышел сборник избранных статей епископа Михаила Семенова.

В 1999 году в Москве книга вышла уже вторым изданием, настолько она оказалась востребованной: Михаил (Семенов П. В.). Святой праведный Иоанн Кронштадтский: Полная биография с иллюстрациями. Иеромонах Михаил. (– М., 1999., – 398 с.).

Сам факт двух переизданий с таким небольшим интервалом во времени уже говорит сам за себя.

В 2005 году в Барнауле издательством Фонда поддержки строительства храма Покрова Пресвятыя Богородицы Русской православной старообрядческой Церкви изданы две его повести: «Второй Рим» и «Великий разгром». Последняя повесть, вышла отдельной книгой впервые еще в 1912 году. Исторические повести епископа Михаила – попытка разобраться в прошлом ради современности, причем попытка довольно высокой художественной пробы.

Как церковный историк, он выбрал темами этих повестей эпоху византийского императора Михаила, когда начиналась деятельность братьев Кирилла и Мефодия, и события церковной трагедии XVII века, приведшие к расколу русской церкви. Но он оставался также и художником, не чуждавшимся и светской культуры. Описывая разные события, он использует подстрочные ссылки и поясняет, что именно легло в основу того или иного эпизода или описания. Художественная ткань сочинения служит для него лишь поводом высказать свое мнение об описываемых событиях.

В 2005 году в печатном органе Казанской Духовной семинарии «Семинарском вестнике (№ 5) была напечатана статья преподавателя семинарии А. Ю. Михайлова, посвященная Михаилу Семенову. В основу ее были положены новые и ранее не публиковавшиеся сведения. По убеждению автора этой статьи, «*нужно рассматривать жизнь и деятельность архимандрита Михаила, учитывая, что буквально все по-настоящему творческие люди в начале XX века находились под прессом государственно-церковной казенщины, выдаваемой за некое подобие духовности*». А. Н. Михайлов заключает: «*Все метания архимандрита Михаила – его членство в партии эсеров, уход в старообрядчество и симпатии «голгофским христианам» – это попытки обрести свободу мыслить,*

Так, Мария Вениаминовна Юдина 14 декабря 1931 года в письме из Алма-Аты к своей давней приятельнице Е. Скржинской признавалась: «*… я читаю вслух «Молодые годы Короленко»…*» Надо полагать, читала не одна она.

Оба раритетных издания о писателе, к сожалению, отсутствуют в библиотеке, носящей его имя. Зато в отделе редких изданий Центральной научной библиотеки харьковского университета им. В. Н. Каразина они бережно сохраняются.

Однако ряд других книг Н. Д. Шаховской в харьковской государственной научной библиотеке им. В. Г. Короленко сохранился. Последовательно рассматривая эти издания, можно хотя бы частично представить интересы и вообще внутренний мир их автора.

1

На титульном листе самой ранней по времени издания книге Н. Шаховской, напечатанной в 1914 году в Москве в книгоиздательстве К. Ф. Некрасова, и сохранившейся в фондах ХГНБ указано: «Князь Даниил Галицкий». Эта небольшая брошюра в 32 страницы была напечатана в специальной серии «Библиотека войны», причем уже под № 31–32, что свидетельствует о том, что такая серия была достаточно востребована.
Несмотря на сравнительно небольшой объем, брошюра имеет вполне четкую композицию. Язык указывает на то, что книга задумывалась для массового издания, доступного широкому кругу читателей.

Обратим внимание на итоговые мысли Н. Д. Шаховской:

- *«Без помощников внутри страны, кроме брата, без союзников вне ее, на которых можно было бы положиться, без соседей, от которых не надо было бы ожидать нападения – в таких условиях строил он свои*

изображение виденных им людей, с их меткими определениями и с серьезными выводами. Короленко уже не сомневался в себе, в своем призвании, в своем таланте. Но надо было чем-нибудь жить… и он поступил письмоводителем в железнодорожное управление. В Перми у него нашлось много друзей ссыльных. Жизнь начинала входить в колею».

- «*… я видел и испытал, – писал он, как произвол вторгается во все отправления жизни. Я видел столько неправды от существующего строя, что дать обещание в верности этому строю я не могу. Совесть запрещает мне произвести требуемые от меня обещания»… он жил, как и раньше, только каждый день ждал ареста. Но на душе у него было спокойно*».
- «*… Он нашел здесь большое и интересное общество. Здесь были многие участники большого процесса 193, мирные народники – пропагандисты, и народники – террористы, противники и сторонники цареубийства. Одни из них горели одушевлением, другие теряли веру и силы в неравной борьбе. Неисходное горе их было в том, что они боролись за народ одни – без народа…. Об этом роковом тупике тогдашнего периода революции думал Короленко, выезжая из Иркутска на почтовой тройке в холодный ноябрьский день*».
- «*… мысли, образы, воспоминания теснились в голове, просились на бумагу».*

Последняя фраза этой книги Шаховской звучит так: «*Да, он не мог не писать. Среди ссыльных скитаний, сам того не зная, он нашел себя. В нем созрел писатель*». Она прозвучала, как своеобразный призыв к читателю – обратиться непосредственно к слову самого Короленко.

***

Эта книга быстро разошлась по весям страны.

творить, самовыражаться, уподобляться Создателю». Он называет его «*гениальным Дон-Кихотом от духовенства».* И этот взгляд современного историка Церкви представляется весьма красноречивым и показательным.

Из хроники основных церковных событий стало известно, что 6 ноября 2006 года в московском старообрядческом Духовном училище прошел вечер памяти епископа Михаила Семенова.

И уж совсем неожиданно было натолкнуться в статье современного филолога Боченкова, рассматривающего наследие Семенова как духовного писателя, на следующие строки:

«*Епископ Михаил недолюбливал Чехова. Он писал, что от его творчества веет каким-то безнадежным отчаянием, что Чехов не знает, что, в конце концов, победит: серая паутина скуки и футляра или расширенная светлая жизнь. Он стучит своим молоточком, будит «мертвецов» и зовет их из могил, но при этом сам слегка недоумевает, зачем он это делает. Поэтому смысл его стука непонятен. Куда-то зовут, но куда? К правде? Но есть ли она? Чехов сам не знает. Совсем иное дело – творчество Короленко. Особенно ценил епископ Михаил маленький рассказ «Огни», который называл стихотворением в прозе».*

Слова Михаила Семенова из давнего текста о Короленко прозвучали вновь как своеобразное эхо былого.

Приложение 1. Голоса современников о Михаиле Семенове

Сегодня имя духовного писателя епископа Михаила Канадского практически мало, кому известно. А в начале XX века оно было на слуху не только у петербургской интеллигенции. О нем писали В. Розанов

и Д. Мережковский, такие разные фигуры в литературе, как Зинаида Гиппиус и Мариэтта Шагинян.

1

Митрополит Мануил Лемешевский так пишет о Михаиле Семенове: «*Он подкупал своих многочисленных слушателей мягким обращением, внимательностью к посылаемым ему на таких лекциях – диспутах запискам, запросам. Он задерживал допоздна слушателей увлекательными репликами и ответами на такого рода запросы и т. д. И по окончании его выступления никто не хотел расходиться из собрания, и многие слушатели оставались в ожидании новых и новых интересных отповедей этого молодого талантливого проповедника и докладчика, просветителя и миссионера – несокрушимого апологета своей православной веры. Во многом помогала ему необычайная память, находчивость и широкая эрудиция. В убедительных и всесторонних ответах он побеждал оппонентов».*

И еще: «*Епископ Михаил был человек выдающихся способностей и необыкновенной усидчивости и трудоспособности. Он отлично владел древними и новыми языками, и это давало ему возможность пользоваться первоисточниками в своих научных работах, он обладал крупным научно-литературным талантом. Эти качества дали ему возможность издать такое громадное, сравнительно в небольшой срок, количество научно-литературных трудов. Кроме того, он обладал неутомимым упорством в достижении намеченной цели. Не имея возможности продолжать свои научные изыскания в рукописном фонде Академии Наук (Отдел собрания рукописей Преосв. епископа Порфирия Успенского), он с присущей ему энергией продолжал изыскания в других богословских системах и вопросах, как преподаватель-доцент духовной академии».*

***

Владимир Андреевич Фаворский был многолетне и тесно связан с семьей Шаховских. Связи эти были как родственные, так и творческие. Следует отметить, что Вернадский учился в гимназии вместе с будущим мужем Натальи Дмитриевны – Михаилом Шиком. Именно для него он выполнил свой первый художественный книжный знак.

Пройдут годы, и дочь Фаворского – Мария выйдет замуж за младшего сына Натальи Дмитриевны Шаховской и Михаила Шика – художника и скульптора Дмитрия Михайловича.

Нет ничего удивительного в том, что, когда Н. Д. Шаховская задумала продолжить свою работу по изданию очерков о В. Г. Короленко в издательстве «Молодая гвардия», то художник сам вызвался помочь ей в художественном оформлении книги. И на самом деле книга «Молодые годы Короленко» только значительно от этого выиграла.

К 1931 году (времени издания второй книги Шаховской о Короленко – С.Ш.) Фаворский был уже широко известен как мастер книжной графики, и многие его работы считались подлинными шедеврами (например, иллюстрации к сочинениям Пушкина и к «Слову о полку Игореве»).

***

Вторая книга Шаховской о Короленко никоим образом не подменяла прежнюю, скорей, напротив, в ней как бы продолжался давно начатый разговор. Написана она в виде беседы, живым и образным языком.

Приведем всего несколько фрагментов. Они касаются времени, когда писатель понял свое основное назначение. Шаховская писала:

- «*Теперь Короленко точно нашел себя, свою особенную литературную форму. Это – правдивое*

- Война.
- На пороге юности.
- Последний год.
- Ч. 2.
- Голодная коммуна.
- Перелом.
- Путь пройден.
- Первый арест.
- Невольное путешествие.
- Дружная семья.
- Разгром.
- В ссылке.
- На распутии.
- «Мир сошелся клином».
- Сон Макара.

К моменту создания этой книги Н. Д. Шаховская, безусловно, была уже знакома со всеми частями «Истории моего современника», наиболее полно напечатанной к 1929 году (время сдачи рукописи Шаховской). К сожалению, ей, как и многим другим читателям, не было известно полное и бесцензурное издание этого сочинения Короленко, поскольку оно вышло лишь в 1965 году.

Обратим внимание на два важных момента: на сравнительно большой для того времени тираж, и на художественные иллюстрации, выполненные знаменитым художником – иллюстратором многих классических произведений, Владимиром Андреевичем Фаворским.

Не только обложка В. А. Фаворского, но и отдельные рисунки в виде графических заставок к каждой главе существенно украшают это издание и значительно усиливают эмоциональное воздействие текста на читателя.

2

А вот как его характеризует другой иерарх РПЦ – епископ Арсений (Стадницкий):

«*Отец Михаил – это настоящий Фауст до встречи с диаволом. В комнате нет свободного места от книг: и на полу, и на столе, и на стульях. Сам он, тощий-тощий, с растрепанными волосами, окаймляющими довольно изрядную лысину, крайне нервный, с порывистыми движениями, точно его кто ежесекундно дергает, как на ниточке Петрушку (…)] Удивительная работоспособность. Но навряд ли он долго проживет, а то, не дай Бог, не заболел бы душевно».*

3

З. Гиппиус неоднократно вспоминала о нем: *«Выписан был на помощь (из Казани?) архимандрит Михаил, славившийся своей речистостью и знакомством со «светской» философией. Но Михаил – о ужас! – после двух собраний явно перешел на сторону «интеллигенции», и, вместо помощника, архиереи обрели в нем нового вопрошателя, а, подчас, обвинителя»*.

К тексту этой записи мы еще вернемся, но уже в другой связи. Приведем отрывок из дневниковой записи З. Гиппиус о его кончине в 1916 году: «*Это был примечательный человек. Русский еврей. Православный архимандрит. Казанский духовный профессор. Старообрядческий епископ. Прогрессивный журналист, судимый и гонимый. Интеллигент, ссылаемый и скрывающийся за границей. Аскет, отдающий всякому всякую копейку. (…) Пророк «нового» христианства среди рабочих, бурный, жертвенный, как дитя беспомощный, хилый, маленький, нервно-возбужденный, беспорядочно-быстрый в движениях, рассеянный,*

заросший черной круглой бородой, совершенно лысый. Он был вовсе не стар: года 42. Говорил он скоро-скоро, руки у него дрожали и всё что-то перебирали….

В 1908-9 гг. он бывал у нас уже в кафтане старообрядческого епископа, уже после смелых и горячих обвинений православной Церкви. Его «я обвиняю» многим памятно.

Отсюда ведут начало его поразительные попытки создать новую церковь «голгофского христианства». С внешней стороны, это была демократизация идеи Церкви, причем весьма важно отрицание сектантства. (...) *Путаность и детская порывистость Михаила удерживали нас от близости к нему. Но великого уважения достойна память мятежного и бедного пророка. Его жертвенность была той ценностью, которой так мало в мире (а в христианских церквах?) И как завершенно он кончил жизнь! Воистину «пострадал», скитаясь, полубезумный, когда «народ», его же «демократия» – ломовые извозчики – избили его, переломили четыре ребра и бросили на улице; в переполненной больнице для бедных, в коридоре, лежал и умирал этот «неизвестный». Не только «демократия» постаралась над ним: его даже не осмотрели, в сорокаградусную жару веревками прикрутили за руки к койке, – точно распяли, действительно. Даже когда он назвался, когда старообрядцы пошли к старшему врачу, тот им отвечал: «Ну, до завтра, теперь вечер, я спать хочу». Сломанные ребра и ключица были открыты лишь перед смертью, после четырех – пятидневного «распятия» в «голгофской» больнице».*

***

А сейчас вернемся к дневниковой записи З. Гиппиус: «*Но великого уважения достойна память мятежного и бедного пророка. Его жертвенность была той данностью, которой так мало в мире (а в*

следует забывать, что работы Т. А. Богданович появились на 10 лет позже, чем книга Н. Д. Шаховской и это весьма существенная деталь. Назову работы Богданович, о которых идет речь:

- Богданович Т. А. Короленко. Биография. – Х. 1922.
- Богданович Т. А. Короленко в последние годы жизни. – Былое. 1922. № 19.

Обе эти публикации сохраняются в отделе редких изданий и рукописей харьковской научной библиотеки им. В. Г. Короленко.

***

Наталья Дмитриевна Шаховская издала еще одну книгу о Короленко, но уже после смерти писателя и в советское время.

Ее новая книга явилась качественно иной и была направлена, прежде всего, к молодому читателю новой России.

Приведем полное библиографическое описание этого издания: «Шаховская Н. Д. Молодые годы В. Г. Короленко. М., Молодая гвардия, 1931. Обложка работы В. А. Фаворского. – 168 с». Книга была напечатана тиражом более 10000 экземпляров... Она содержит две части и всего 19 глав. Если привести полное оглавление этой книги Шаховской, то становится очевидным, что в новой своей работе автор опиралась, прежде всего на главное произведение писателя – «Историю моего современника», в котором нашли отражение основные этапы жизни Короленко.

Вот это оглавление:

Ч. 1.:

- Неподкупный судья.
- Дети судьи.
- Кто я?
- Гимназия.
- Невыдержанный экзамен.

***

В 2001 году в Полтаве была напечатана книга многолетнего сотрудника музея им. В. Г. Короленко Л. К Гейштор «Вблизи Короленко», в которой есть примечательные строки и касаются они характеристики книги Н. Д. Шаховской. Читаем: «*Татьяна Александровна Богданович принадлежит к числу первых биографов В. Г. Короленко. Самую первую прижизненную биографию его написала Н. Шаховская. В ее книге имеются замечания Короленко, и он переписывался с автором по этому поводу».*

Не менее интересна творческая параллель, которую использует автор этой книги: «*Татьяна Александровна также имела возможность общаться с объектом своей биографической работы, кое что с ним уточняла, в частности, вопрос о религиозности, что отразилось в одном из писем Владимира Галактионовича к Богданович.*

По жанру работа Богданович сходна с работой Н. Шаховской – это тоже биографическая характеристика, когда формирование личности прослеживается на основных фактах жизни и деятельности. Исходным является утверждение масштаба незаурядной личности. Многогранность, а не разбросанность деятельности Короленко стала проявлением его многосторонней одаренности…. В форме сжатого и умного пересказа в книге даются автобиографические факты из «Истории моего современника», а затем излагаются факты последующей жизни».

И Наталья Дмитриевна Шаховска, и Татьяна Александровна Богданович ставили одну и ту же перед собой задачу – «проследить формирование личности, раскрывающейся в ярких и своеобразных явлениях».

По убеждению Л. К. Гейштор, оба автора оказались оригинальны и убедительны. Однако не

христианских церквях?)», – писала в дневнике Зинаида Гиппиус после смерти епископа Михаила. Нет, не даром назвала она его пророком своего времени.

Запись Гиппиус о смерти этого «мятежного и бедного пророка» полна к нему искреннего сочувствия. Обратим внимание на некоторые разночтения и появившиеся нюансы и подробности в разных ее публикациях.

4

В одной из многочисленных сносок в своей книге «Люди лунного его света» известный писатель Василий Розанов назвал Михаила «*единственным монахом, понявшим сущность брака».* «Между тем можно открыть и доказать, что пол и половое как родник семьи и родства есть религиозное, священное…», – писал Розанов.

По его убеждению, «иеромонах Михаил именно это и попытался доказать». Михаил утверждал, что «*идея христианского брака в церковно-религиозном его понимании в том именно состоит, что брак есть святыня вполне и до дна, без всякого остатка и без всякого исключения, так что в браке уже нет места ни для какой мерзости, ни для какой скверны».*

Иеромонах Михаил при этом предвидел возможные возражения. И как бы в ответ на них произнес свои знаменитые слова: «*Скажут, эта психология – утопия. Может быть, но так должно быть. Я верю, что в христианстве возможно это состояние: ты должен, значит, можешь*».

После его выступления на заседании Общества первым задал вопрос докладчику Мережковский. Иеромонах Михаил возразил, что Мережковский неверно представляет себе взгляд церкви на этот вопрос.

5

Вскоре их пути решительно разошлись, но интерес друг к другу сохранился. В феврале 1909 года Мережковский прочитал публичную лекцию на тему «О Михаиле Семенове, Гапоне и Григории Петрове».

Но это был уже совсем иной этап в духовном развитии личности Михаила Семенова, как и новый этап осмысления его духовного пути одним из его ярких современников и оппонентов. К сожалению, текст этой лекции пока найти не удалось. Но поиск продолжается…

6

О личности Михаила и его месте среди тогдашних исканий и метаний интеллигенции упоминал и писатель М. Пришвин: *«Михаил был человеком скорее интеллектуального, нежели практического склада»*, – вспоминал он. Пришвин рассказывал, как однажды посетил Михаила, скрывшегося в Финляндии, на Белоострове.

Михаил был уже старообрядцем и епископом. Он рассказал писателю, чем голгофское христианство отличается от баптизма, толстовства, учения духоборов и, наконец, от православного христианства.

Он страстно и убежденно говорил: «*Все эти исповедания держатся на Великой ошибке: что люди уже спасены, искупление мира уже произошло и сделал это Христос Своей жертвой.*

На самом деле «Христос требует, чтобы каждый был как Он».

И еще: «*Христово Христианство – великое распятие каждого. Христос – Бог живых, на земле хочет создать царство Свое*», – пересказывал Пришвин слова о. Михаила.

Пришвин спросил его: «*как такие еретические взгляды*

стремления вели к участию в непосредственной жизни, к проявлению себя во внешней действительности, к близкому и конкретному, а крупное литературное дарование, открывая путь к истинному творчеству, неизбежно уводило от жизни?

… если в таланте В. Г. Короленко была трагедия – она не в уходе от беллетристической деятельности к публицистике».

Автору этой биографии писателя нельзя отказать в глубине мышления:

- «*… В. Г. Короленко – представитель романтического искусства в своем исключительном внимании к отдельному человеческому чувству, в своей художественности, не знающей типов и обобщений».*
- «*Любовь к жизни – одна из коренных черт В. Г. Короленко. Он любит жизнь, прежде всего, в ее элементарных, осязаемых, материальных обнаружениях. Любит жизнь как противоположность смерти, верит в абсолютную ценность человеческого земного существования, и потому так страстно, с такой потрясающей силой умеет говорить о человеческих страданиях и смерти*».
- «***Сила чувства*** (курсив Шаховской – С.Ш.), *по которой В. Г. Короленко не имеет себе равных, поднимает его на высоту исторического значения одновременно в искусстве и в жизни, та самая сила чувства, которая делает для него текущий момент, данное место, отдельного человека – самыми важными, единственно значительными».*

Приводя эти мысли автора, я не могла отделаться от чувства, что они во мне самой находят какой-то важный для моей души отзвук, и это делает меня как бы не только собеседником автора, но и ее единомышленником, и даже со-творцом.

В своих характеристиках и суждениях автор весьма категорична:

- «*Короленко – слабый психолог, когда нужно найти в человеческой душе общее, типичное, или когда нужно понять душевное состояние в процессе его развития, который по существу – уже некоторое отвлечение от действительности. Но он положительно не имеет себе равных в уменье несколькими словами, мимолетными штрихами изобразить ярко и исчерпывающе полно отдельное положение, единичное душевное состояние во всей его живости и* своеобразности.
- *… Он видит целое, улавливая его именно как законченное художественное целое, и таким рисует, не расчленяя и не обобщая…. Я не хочу называть это ни недостатком, ни достоинством. Это – особенность таланта. Особенность эта, выливаясь в способность художественного описания действительности, не позволяет отличить, где кончается художник и начинается публицист. Публицист в искусстве, В. Г. Короленко – художник в публицистике.*

… Наблюдая народную религию, выделяет в ней основное зерно, истинное религиозное чувство, заложенное в каждой человеческой душе, изо всего формального, случайного и изменчивого…»

Шаховская пишет: «***Любовь к близкому*** (курсив Шаховской – С.Ш.) – *так можно было бы коротко назвать это неустанное внимание к окружающей жизни и людям.*

Находить большое только в маленьком, улавливать общее только в частном и индивидуальном, вечное и значительное только во временном и изменчивом – вот самая важная из особенностей В. Г. Короленко, как писателя и деятеля.

У всякого таланта своя трагедия. Не в том ли трагедия В. Г. Короленко, что все его склонности и

терпят старообрядцы?».

«Старообрядцы, – ответил епископ Михаил, – нетерпимы только в обрядах. Что же касается общих взглядов, то они очень терпимы».

«*Христос требует, чтобы каждый был, Как Он. Искупление не совершено до конца. Мир еще не спасен*», – учил Пришвина опальный епископ Михаил.

Его засыпанная снегом дача в Финляндии напомнила Пришвину заволжские леса, где он встречал староверов, вызывавших в нем смятение и неподдельный интерес.

7

Современные историки Русской Православной Церкви А. Левитин-Краснов и В. Шавров в своей монографии «Очерки по истории русской церковной смуты», изданной в Москве в 1996 году, особо отметили, *что «этот человек заслуживает самого горячего сочувствия со стороны всех честных людей».*

Согласимся, что подобное свидетельство интересно. Оно доказывает неординарность, как самой личности Михаила Семенова, так и его драматической судьбы. Оно выражает отстраненный и беспристрастный взгляд на эту личность уже с высоты ушедших лет.

Да, не все так просто и однозначно было в его судьбе и тех оценках, какие давали его жизненному пути, как современники, так и потомки. Он искренне мечтал о Царстве Божием на земле. Царство ему Небесное!

Приложение 2. Экспромт библиофила или протоиерей Александр Мень о Михаиле Семенове.

Если просмотреть многотомный труд отца Александра Меня «В поисках пути, истины и жизни. История религии в 7-ми томах, то уже в первом томе

можно встретить две ссылки на книги Михаила Семенова (Т. 1. М. 1991. С. 270. С. 280):

- Михаил Семенов, архим. Христианство и свобода. Вып.1–8. М. 1906.
- Михаил Семенов. Архимандрит. Бессмертие души. СПб. 1906.

При этом о самом авторе сказано очень лаконично: *«Автор – православный публицист, впоследствии старообрядчества, епископ».*

***

В «Сыне человеческом» отец Александр также указывал на труды этого духовного писателя, причем уже на другие:

- *Михаил* (Семенов), еп. В поисках лика Христова**.** СПб. 1905.
- *Его же***.** Церковь и евангельские лики. СПб. 1905.

Обращает на себя внимание, что все эти книги вышли в предельно короткий отрезок времени – с 1905 по 1906 год.
Таким образом, всего упоминается 4 издания этого автора, которые отец Александр читал и на которые ссылается. Они значительно дополняют составленный ранее нами список работ Михаила Семенова.

***

Помимо этого, отец Александр упоминает имя этого духовного публициста в своей книге «Трудный путь к диалогу» (М. 1992. С. 340 – 367) в очерке под названием «Встреча»**,** в котором рассказывается о деятельности петербургского религиозно-философского

Далее она цитирует Дмитрия Мережковского, который еще в 1889 году писал о В. Г. Короленко: «*сила его творчества прямо пропорциональна близости сюжета к народной жизни и обратно пропорциональна близости к среде интеллигентных людей*».
Шаховская позволяет себе воскликнуть: «*Наблюдение это, я думаю, неверно…*»

В тринадцатой главе она словно размышляет вслух, когда пишет: «*Самая страшная несправедливость, какая только может быть, ведущая к самому ужасному, что может случиться с человеком, к лишению жизни – эти два чудовищных для В. Г. преступления, соединившись в русской жизни в том, что известно под именем военного правосудия, приковали к себе надолго его внимание, отняв у него возможность спокойной работы*».

И, наконец, в последней главе заключает:

- «*…Нельзя подводить итоги деятельности не закончившейся, от которой общество вправе еще много ждать. Но можно отметить теперь же основные черты дарования и личности Короленко, чтобы этим приблизиться к пониманию его жизни и творчества в их единстве.*
- *… я хочу здесь подчеркнуть две особенности его художественного таланта.*

Это, во-первых, сила и яркость изображения, глубокое чувство гармонии и красоты, изящество и картинность слога – всеми признанная ***поэтичность и художественность.***
Во-вторых, – правдивость, близость к действительности и индивидуальности, отсутствие сложных положений и анализа душевной жизни, простота фабулы – свойства, совокупность которых я назвала бы описательностью. Эта черта сказывается и в самом процессе творчества». (Выделено Шаховской – С.Ш.).

«литературы», тем он бывает поэтичнее, ярче и сильнее».

Шаховская обращает внимание читателя на глубокие духовные искания писателя: «*Бродя по Нижегородской губернии, В. Г. Короленко чаще всего наблюдает религиозную жизнь народа…. Здесь больше всего проявляется подлинная народная душа, всего богаче материал для наблюдения, наиболее возможны интересные встречи и впечатления….*

Короленко хорошо понял сказку Китежа, вечную человеческую мечту – проникнуть за видимую призрачную реальность в невидимую, таинственную, но подлинную сущность жизни».

В десятой главе она рассматривает самые важные черты личности писателя: *«Он вообще особенно чуткий к вопросам нравственности, ясно тяготеет к идее справедливости, как элементарной форме нравственного сознания, как к основе, к первой ступеньке морали. Его занимали отвлеченные психологические темы и изображение детского мира, вопросы жизненной, практической философии и рассмотрение интеллигентской идеологии».*

Шаховская убеждена, что «*…более чем когда-либо печатное слово служило В. Г. Короленко орудием для достижения конкретных, непосредственных целей, для практического осуществления идеи справедливости и беспристрастия… в самой глубокой и скрытой жизни мысли он искал общего между своим отношением к миру и народной религией…*»

Интересен штрих, на который обращает внимание читателя Наталья Дмитриевна Шаховская и который, очевидно, был ей созвучен: «*Он уже не бродит с котомкой по России за эти годы. Только позже – в 1903 году летом пешком отправляется с дочерьми на открытие мощей Серафима Саровского, а в 1905 году вновь посещает Светлояр*».

общества, когда светские общественные деятели и поэты встретились с духовными прогрессивно настроенными лицами.

Отец Александр писал: *«Двадцать лет спустя, Зинаида Гиппиус вспоминала с немалой долей сарказма: «… «Отцы» уже давно тревожились. Никакого «слияния» интеллигенции с Церковью не происходило, а только «светские» все чаще припирали их к стене – одолевали. Выписан был на помощь (из Казани?) архимандрит Михаил, славившийся своей речистостью и знакомством со «светской» философией. Но Михаил – о, ужас! – после двух собраний явно перешел на сторону «интеллигенции», и вместо помощника архиереи обрели в нем нового вопрошателя, а подчас обвинителя».*

Вероятно, писательница, рассматривая события через туманную призму минувшего, отразила картину недостаточно точно.

… В ходе собраний усовершенствовалось «искусство спора», люди научились слушать друг друга. И далее отец Александр вносит уточнение: *«Что же касается иеромонаха Михаила Семенова, то его отнюдь не «выписали» специально для диспутов.*

Приехал он не из Казани (он там лишь учился), а из Воронежа, где преподавал богословие в духовной семинарии, а целью его приезда была защита диссертации.

Единственное, в чем память не подвела Гиппиус, это в ее характеристике перелома, совершившегося в настрое архимандрита.

На первых порах он действительно принял интеллигенцию за врага Церкви и начал против нее атаку, видимо имевшую успех.

По словам Андрея Белого, Мережковский в кругу «своих» постоянно восклицал: «О, как я ненавижу его – Михаила!».

Но вскоре 25-летний ученый монах увидел, что перед

ним вовсе не враги, а пытливые, искренние, ищущие, порой растерянные люди, с которыми можно и нужно вести серьезный диалог.
Вероятно, о. Михаил почувствовал свое родство с «блудными детьми культуры».
Он сам был радикалом, готовым во всем идти до конца».

Одаренный и плодовитый публицист, в годы революции 1905 года он выступит глашатаем христианского социализма. Будет уволен из Академии, сослан в монастырь, а в 1907 году перейдет к старообрядцам (в знак протеста против государственной Церкви). Через год Михаил станет епископом и трагически погибнет осенью 1916 года. На собраниях он активно участвовал в обсуждении темы брака, которое обнаружило разногласия даже среди богословов».

И далее отец Александр дает общую оценку такому явлению в общественной жизни России того времени, как деятельность Петербургского Религиозно-философского общества.

Он пишет:

- «*Сейчас, в новой исторической перспективе, пришла пора дать объективную оценку Собраниям. С одной стороны, в них проявилось много незрелого, путаного, смутного, но, с другой – было бы неверно считать Собрания лишь мимолетным и незначительным эпизодом в культурной истории России.*
- *Двадцать две встречи, прошедшие за год с лишним, имели немало последствий и принесли определенные плоды.*
- *Николай Бердяев, который тогда только выходил на литературное поприще, вспоминал о Собраниях как о «небывалом еще в русской жизни явлении». После цензурной зимы «вдруг свобода совести и свобода слова временно утверждаются в маленьком*

автора – С.Ш.), ни на кого не похожий склад творчества, свое место в русской литературе».

Эту главу Н. Шаховская заключает следующим выводом: «*…Короленко остановился на какой-то границе, во всей своей деятельности стремясь соединить жизнь с искусством, и в значительной степени в этом успевая.*
Короленко вместе с большинством своих товарищей, охотно жертвовал общими и отвлеченными вопросами для острых задач « реальной жизни». После того, как живым и непосредственным чувством – верой в жизнь – были побеждены в нем важнейшие для человека сомнение, он больше не забирался в глубь философских проблем…»

Автор объясняет популярность идей народничества следующим образом: «*Народничество конца 70-х годов было одновременно и практической программой, и общественно-политической теорией, и живым настроением, цельным и непосредственным отношением к жизни*».

В восьмой главе автор дает вполне категоричную характеристику, пожалуй, самому известному сочинению писателя. Читаем: «*… поскольку «Слепой музыкант» должен был быть «художественно–психологическим экспериментом», это произведение – не удавшийся анализ душевной жизни – никогда не удастся Короленко…. Короленко рассказывает и описывает, т. е. дает ряд ярких и великолепных картин, внешних положений и душевных состояний. Он не исследует, т. е. не разлагает эти картины на элементарные движения и не обобщает их в художественные идеи. А потому он обычно выбирает темы, которые интересны, как событие или картина, и чаще всего, будучи действительными фактами, интересны уже фактом своего существования. Это не «литературный» интерес, и чем дальше Короленко от*

яростный противник материализма и упорно, и страстно искал доказательств бессмертия души. Но уже в это время простейшие понятия естествознания, которые, казалось, уничтожали тайну жизни, давая для всего простое и понятное объяснение, начали колебать основы его веры…»

- *«Кроме того, в решении религиозных вопросов принимали для него участие живые образы людей. Когда спокойной уверенности и стойкости, пленявших его в вере отца, противопоставлялось такое же спокойное, уверенное и смелое отрицание – это спутывало его аргументы и размышления…»*

Автор отмечает, что прямого противоречия между жизнью мысли и чувства у молодого Короленко не наблюдалось.…

В четвертой главе она заключает: *«Вера в возможность пересоздания мира силами отдельных людей не подрывала убеждения в незыблемости физических законов, а объяснение человеческих поступков из материальных и эгоистических интересов нисколько не мешало самым горячим мечтам о подвиге, о жертвах, о служении народу».*

В шестой главе, касаясь первых испытаний В. Г. Короленко, автор обобщает:

- «*Скитания обогатили его запас впечатлений, не изломав и не озлобив его…*

Никакой горечи не слышно в словах, которыми он рассказывал о своих приключениях.

- *… в первом своем произведении он пытался воплотить в живых образах разные типы отношения к жизни. Во втором – его интересует город Глазов не как «типичный городок нашего северо-востока».*
- *… Второе выступление совсем непохоже на первое. И мне кажется, что в нем, этом забытом, почти неизвестном теперь очерке В. Г. Короленко, впервые* ***нашел себя*** *– свой оригинальный (курсив*

уголке Петербурга», – писал он. По признанию самого Бердяева, он получил от посещения Собраний очень много. Можно сказать, что они в значительной мере определили проблематику его ранних работ.

- *Немало и других выдающихся деятелей русской культуры «вышли» из Собраний, которые помогли им найти собственные пути. Среди них поэты и богословы, философы и художники, писатели и критики. Н. Бердяев и о. С. Булгаков, о. П. Флоренский и С. Франк, Л. Карсавин и Вяч. Иванов, В. Розанов и Г. Федотов, Д. Мережковский и А. Карташев – люди, которых у нас теперь начинают «открывать» заново, – так или иначе, ведут свою родословную от Петербургских Религиозно-Философских Собраний.*
- *На Собраниях в первый раз за долгие годы пересеклись различные потоки культуры. В значительной мере были рассеяны предрассудки, недоверие и предубеждения, которые питали друг к другу «стороны».*
- *Интеллигенция убедилась, что богословы и духовенство – это не сборище мракобесов. Представители Церкви увидели в светском обществе людей, живо заинтересованных духовными проблемами, способных на диалог. Словом, возможность взаимного обогащения была налицо. А именно так, через живой обмен мнениями, и строится полнокровная духовная и культурная жизнь.*
- *Быть может, не так уж и ошибалась Зинаида Гиппиус, когда в конце 20-х годов писала: «Если бы вопросы, с такой остротой поставленные в Собраниях, были в то время действительно услышаны, если бы потом не только русская Церковь, но и громадная часть русской интеллигенции не забыла о них вовсе – быть может, Церковь не находилась бы сейчас в таком «бедственном положении», а интеллигенция не вкушала бы сейчас «горечь изгнанничества».*

• *Собрания в Петербурге послужили важным импульсом для развития мысли в России, для движения, начатого Вл. Соловьевым и получившего название «русского религиозного ренессанса XX века». Они в который раз доказали, что в условиях свободы, пусть даже неполной, дух способен раскрывать свои неистощимые богатства и творческие возможности.*
Остается пожелать, чтобы эти исторические уроки были полезны и нашему, полному споров и надежд, переломному времени».

***

Эта работа отца Александра примечательна по многим причинам, но, прежде всего потому, что она активно способствовала тому, чтобы возродилась преемственность духовных традиций в разных поколениях творческой интеллигенции России.

Но я обратилась к этой работе с вполне конкретной задачей: найти слова отца Александра о забытом духовном писателе и публицисте Михаиле Семенове. И было отрадно в этом отрывке находить следы тех же источников об этой личности, которые были мне уже хорошо известны и изучены в связи с библиофильским поиском, посвященном Михаилу Семенову, связанном с историей одного анонимного издания, принадлежавшего его перу и изданного еще в 1903 году.

Как духовное лицо, Михаил Семенов стремился к активному диалогу с представителями российской интеллигенции. Заметим, это качество не могло не выделять его из общей массы духовных служителей того времени. Именно оно роднит его с протоиереем Александром Менем.

Нет сомнения, яркая личность епископа Михаила не была случайной в российской духовной культуре начала XX века.

критики царя и законов на земле давала удивительную устойчивость мировоззрению, которое влияло на ранние годы В. Г. Короленко.
Сам он – в признании ответственности только за свою личную деятельность видит сущность этого мировоззрения, типичного, по его мнению, для честных людей того времени».

• «*… твердые нравственные устои отца должны были не в меньшей степени влиять на детей. И тоже, быть может, именно вследствие их почти детской наивности, примитивности и, несмотря на то (или даже именно потому), – глубине и силе*».

• «*… суровая честность отца и его беспокойная мнительность могли отпугивать от него детей. Зато с матерью они всю жизнь были связаны нежной любовью и доверием. Она вносила в семью мягкость и доброту, из которых, не меньше чем из убеждений отца, выходил общий дух гуманности, участия и внимания к человеку, царивший в семье Короленко и составлявший вместе с большой простотой и безыскусственностью, ее особую атмосферу. Это атмосфере обязан Короленко многими чертами своего душевного склада…*»

***

Во второй главе представляют интерес следующие отрывки:

• «*… но пробуждение интереса к действительной жизни проявлялось не только в области литературных вкусов, а всего миросозерцания и отношения к жизни.*
Борьба двух настроений, быть может, еще сильнее и ярче вылилась в отношении к религии…. В. Г. испытал первые сомнения в истинности догматов православной церкви, но сомнения эти не изменили сущности его веры…»

• «*… немного позже в религиозных спорах, которые происходили в гарном Луге, он выступал как*

историком литературы С. А. Венгеровым, то мы увидим, что он особо выделяет труд Натальи Дмитриевны как «обстоятельную книжку княгини Н. Д. Шаховской».
Обратим внимание, А. Храбровицкий в своих примечаниях по вполне понятным причинам опускает сведения о социальном положении Н. Д. Шаховской.
С. А. Венгеров отмечает наличие в труде Шаховской «*сравнительно полной библиографии написанного В. Короленко»,* что, безусловно, делает ее книгу еще более ценной. Потому вполне закономерно, что все современные авторы биографических справок о В. Г. Короленко в ряду других источников первой неизменно называют книгу Н. Д. Шаховской, иногда даже дословно цитируя краткую характеристику, данную С. А. Венгеровым (!)

В процессе этого конкретного историко–библиографического поиска возникало еще немало вопросов.

Страница книговедческая

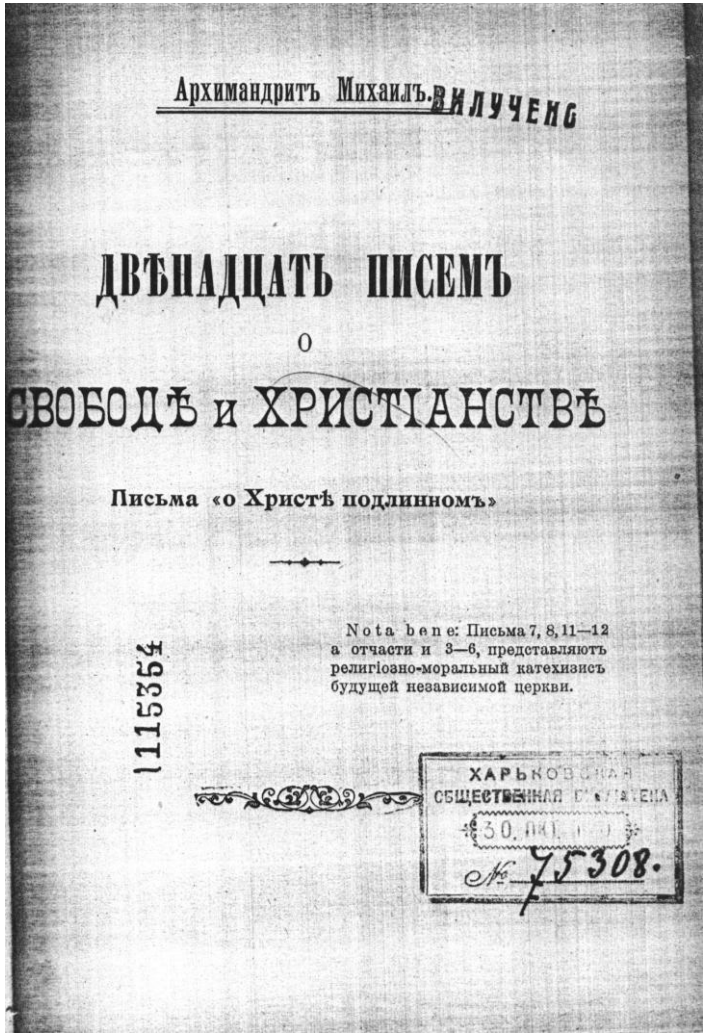
Обратимся к некоторым текстам книги Шаховской и приведем ряд фрагментов, которые частично свидетельствуют и об основной направленности интересов самого автора, при том свидетельствуют достаточно ярко и убедительно. Вот почему наше цитирование будет таким обильным.

В первой главе Н. Шаховская писала о семье писателя:

- «… *Патриархальность и искренняя религиозность семьи не нарушались принадлежностью отца и матери к разным исповеданиям. Непоколебимая вера в Бога на небе, в одинаково недоступных для*

Иллюстрации к главе 3

Архимандрит Михаил (Семенов)


Архимандритъ Михаилъ. ВИЛУЧЕНО

ДВѢНАДЦАТЬ ПИСЕМЪ

О

СВОБОДѢ и ХРИСТІАНСТВѢ

Письма «о Христѣ подлинномъ»

Nota bene: Письма 7, 8, 11—12 а отчасти и 3—6, представляютъ религіозно-моральный катехизисъ будущей независимой церкви.

1115354

ХАРЬКОВСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ БИБЛІОТЕКА

30. ІЮЛ.

№ 75308.

биографу. Оказывается, существовало ответное письмо писателю, фрагмент которого приведен Храбровицким в примечаниях.

Н. Д. Шаховская писала: «*Глубокоуважаемый Владимир Галактионович. Письмо Ваше после некоторых странствий до меня дошло, и я чувствую живую потребность ответить на него не «открыточкой», а письмом же. Позвольте раньше всего Вас поблагодарить от всего сердца за доброе отношение Ваше и за замечания, которые были для меня очень интересны*».

***

Необходимо было найти эти ранее неизвестные раритеты, связанные с именем Владимира Галактионовича Короленко.

В отделе редких изданий Центральной научной библиотеки харьковского государственного университета им. В. Н. Каразина сохранилось два раритетных издания о Владимире Галактионовиче Короленко, которые в разные годы были написаны Натальей Дмитриевной Шаховской.

В первой книге следует отметить четкую и определенную направленность автора при рассмотрении эволюции мироощущения Короленко и становления его как творческой личности. При этом многие суждения Шаховской оказались чрезвычайно меткими. Жизнеописание Короленко, представленное Натальей Шаховской, было первым в ряду других слов о Мастере, каким позже справедливо был признан литературный и человеческий талант Короленко.

Не следует забывать о том, что книга была написана молодым автором. Это была ее первая проба пера.

Если обратиться к биографической справке о Короленко, помещенной в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона известным библиографом и

***

В ряду тех, кто организовывал работу первого русского парламента, следует отметить князя Дмитрия Ивановича Шаховского (1861–1939), секретаря Думы, депутата от Ярославской губернии.

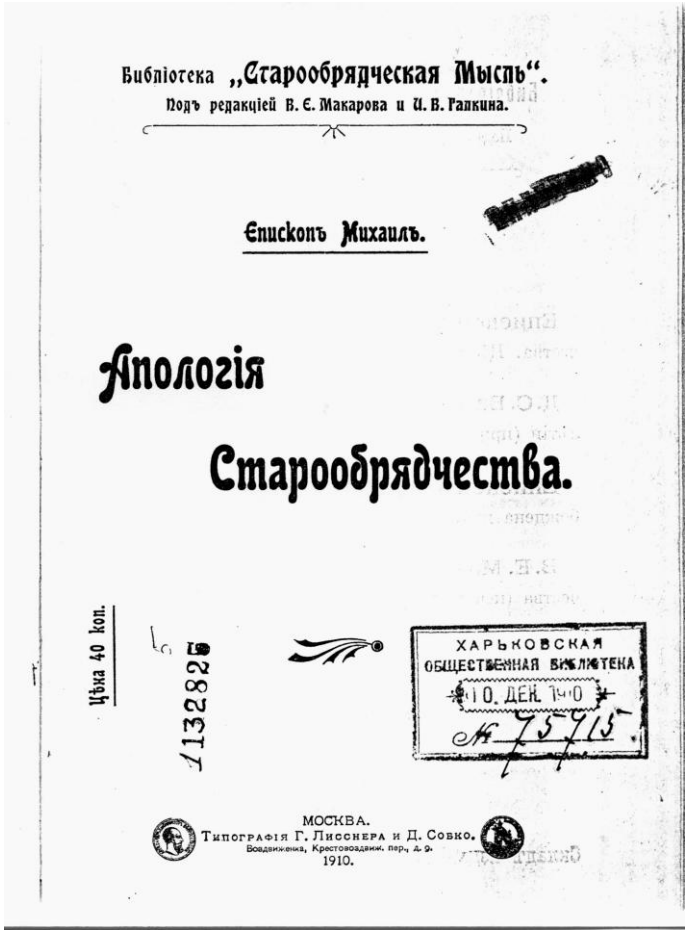
В свое время имя Д. И. Шаховского было хорошо известно демократической и либеральной общественности России. Это был видный земский деятель, один из организаторов кадетской партии, а затем министр государственного призрения Временного правительства. Д. И. Шаховской многое сделал для создания основ гражданского общества в нашей стране. За его энергию и деловитость, умение поддерживать товарищеские отношения с самыми разными людьми и в столицах, и в провинции, а также постоянное стремление находиться в эпицентре происходящих событий, его называли «летучим голландцем».

Судьба Дмитрия Ивановича Шаховского оказалась глубоко трагичной. В годы революции он участвовал в антибольшевистском подполье, но затем остался в России и попытался все-таки работать на благо страны. Он с головой ушел в исследовательскую работу, изучал творчество П. Я. Чаадаева, А. С. Пушкина, декабристов, продолжая заниматься историей русского общественного движения и русской философской мысли.

Его поиски истины, смысла жизни, попытки воссоздать единство русской культуры дореволюционного и послереволюционного периодов были прерваны внезапным арестом и гибелью. С бессмысленной жестокостью его расстреляли в 1939 году, когда ему было уже 78 лет!

***

Но вернемся к Короленко и его первому


Библіотека „Старообрядческая Мысль".
Подъ редакціей В. Є. Макарова и И. В. Гапкина.

Епископъ Михаилъ.

Апологія

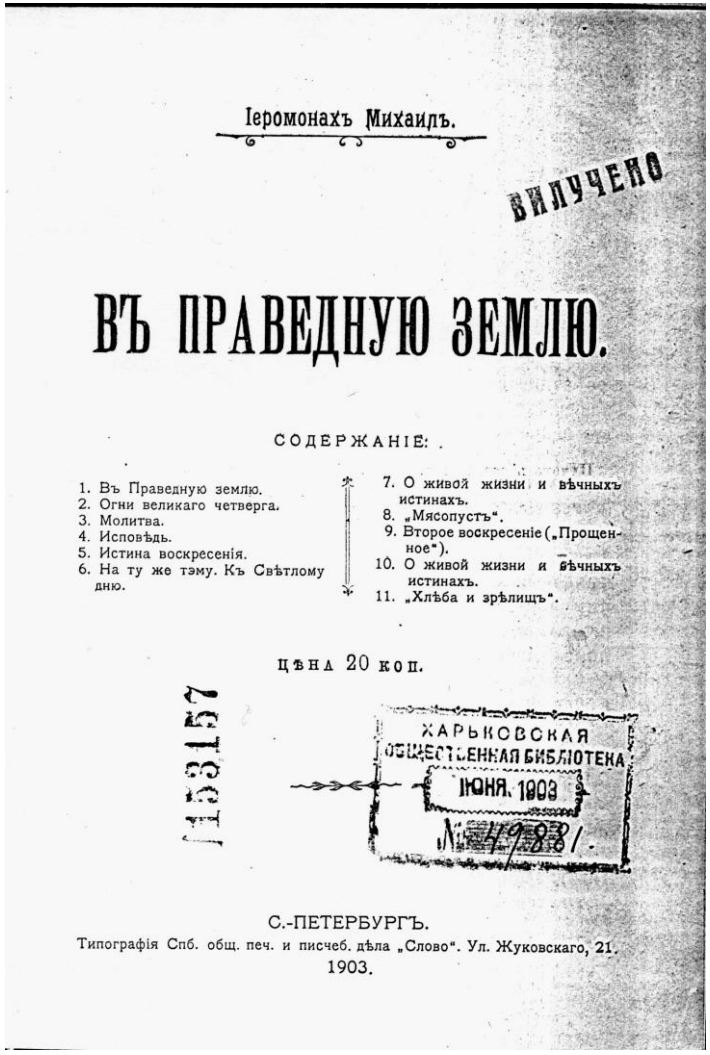
Старообрядчества.

Цѣна 40 коп.

1132826

ХАРЬКОВСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА
10. ДЕК. 1940
№ 75715

МОСКВА.
Типографія Г. Лисснера и Д. Совко.
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. 9.
1910.



Іеромонахъ Михаилъ.

ВЪ ПРАВЕДНУЮ ЗЕМЛЮ.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. Въ Праведную землю.
2. Огни великаго четверга.
3. Молитва.
4. Исповѣдь.
5. Истина воскресенія.
6. На ту же тэму. Къ Свѣтлому дню.
7. О живой жизни и вѣчныхъ истинахъ.
8. „Мясопустъ".
9. Второе воскресеніе („Прощенное").
10. О живой жизни и вѣчныхъ истинахъ.
11. „Хлѣба и зрѣлищъ".

ЦѢНА 20 КОП.

ВИЛУЧЕНО

153157

ХАРЬКОВСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ БИБЛІОТЕКА
ІЮНЯ. 1903
№ 49881

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Спб. общ. печ. и писчеб. дѣла „Слово". Ул. Жуковскаго, 21.
1903.

1904 года. Разговоры о предстоящем съезде земцев. До сих пор земцы съезжались нелегально, чтобы говорить об общей программе, которую следует проводить в собраниях.

…Во всяком случае, это имеет быть первый съезд, официально разрешенный…. До сих пор всякая попытка объединения, хотя бы на почве частных вопросов (голод, борьба с эпидемиями и т. д.) внушала самодержавию суеверный ужас. Теперь съезд в обстановке «доверия» внушает всей стране большие надежды, которые вероятно удивили бы царя, а может быть, и самого Святополка-Мирского…. 24-го я приехал в Петербург. 26 октября был по приглашению на интересном собрании наиболее деятельных земцев и журналистов (Ив. Ильич и М. И. Петрункевич, Д. И. Шаховской, Петр. Дм. Долгоруков, И. В. Гессен, Н. Ф. Анненский)… говорили о предстоящем съезде земцев. Носятся слухи, что он будет отложен…»

Все названые лица были известными в ту пору общественными деятелями, задумавшими организацию новой партии, которая вскоре получит свое название как конституционно- демократическая.

И еще две записи Короленко:

1 ноября. «… *Вместе с земцами (Шаховским, Долгоруковым, Петрункевичем) в одном поезде поехал и Гербель с поручением Мирского….*

И затем: *«… Сегодня – 6 ноября съезд уже заседает в частном помещении. Съехалось 104 человека».*

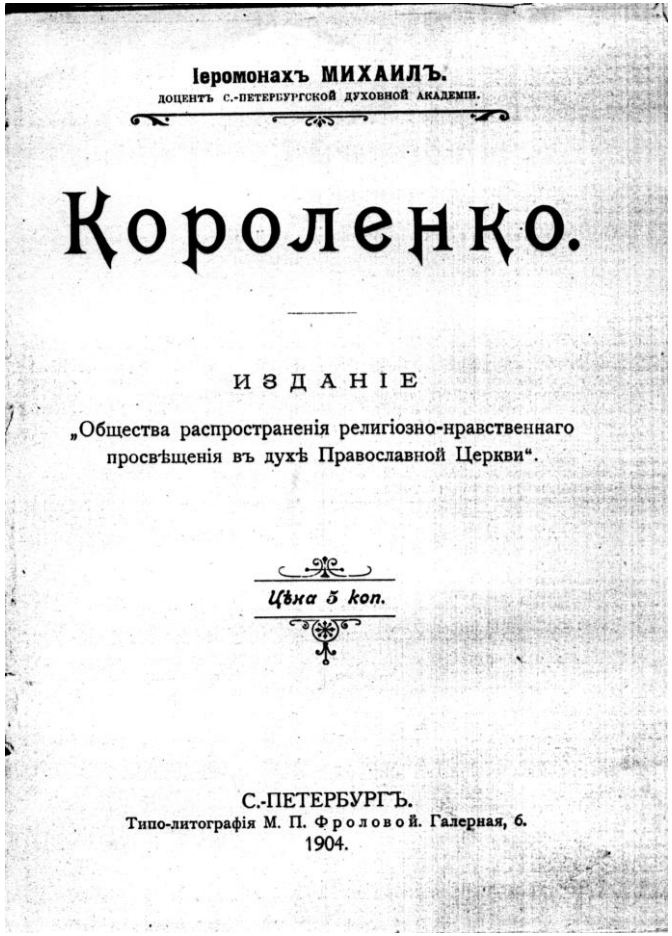
7 ноября Короленко написал жене в Полтаву: «*Вчера было первое собрание. Съехалось более 80-ти земцев (председатели и губернские гласные.) Настроение твердое и приподнятое, общий тон совершенно определенный: необходимо участие общества в законодательстве через выборных представителей».*

Шаховской, есть строки, против которых на полях его почерком написано: «Верно».
Шаховская пишет, что Короленко «верит в один видимый реальный мир, как люди Китежа верят в свой невидимый, но действительный град. Не отрываясь от видимой действительности, не поднимаясь над ней,... в ней самой он хочет найти ту подлинную сущность жизни, которая дает ей смысл и цель. Необъяснимым и не допускающим доказательства процессом внутреннего чувства он признает самостоятельную и ничем не обусловленную ценность жизни, как совокупность фактов, событий, явлений. Отсюда – постоянный деятельный религиозный интерес к действительности, ко всему, что происходит, к событию, к человеческой индивидуальности».

***

В одних случаях писатель соглашался с Натальей Дмитриевной, в других же – считал своим долгом возразить. Так, в книге Н. Д. Шаховской утверждалось, что Короленко склонил Чехова к отказу от звания почетного академика в связи с выборами Максима Горького.
В том же письме от 10 июля 1913 года Короленко написал Н. Д. Шаховской: «*Чехова я к отказу от звания академика не склонял, а счёл только нужным, как и других академиков, ознакомить со своим заявлением. Он вышел по собственной инициативе».*

В конце письма Владимир Галактионович передавал привет Дмитрию Ивановичу Шаховскому. Это позволяет предположить, что он был лично знаком с отцом Натальи Дмитриевны.
И действительно, в книге Софьи Владимировны «Книга об отце» находится этому подтверждение. Там приведены дневниковые записи писателя. Читаем: «*Приехал в Москву, – записано в дневнике, – 22 октября*


Іеромонахъ МИХАИЛЪ.
доцентъ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

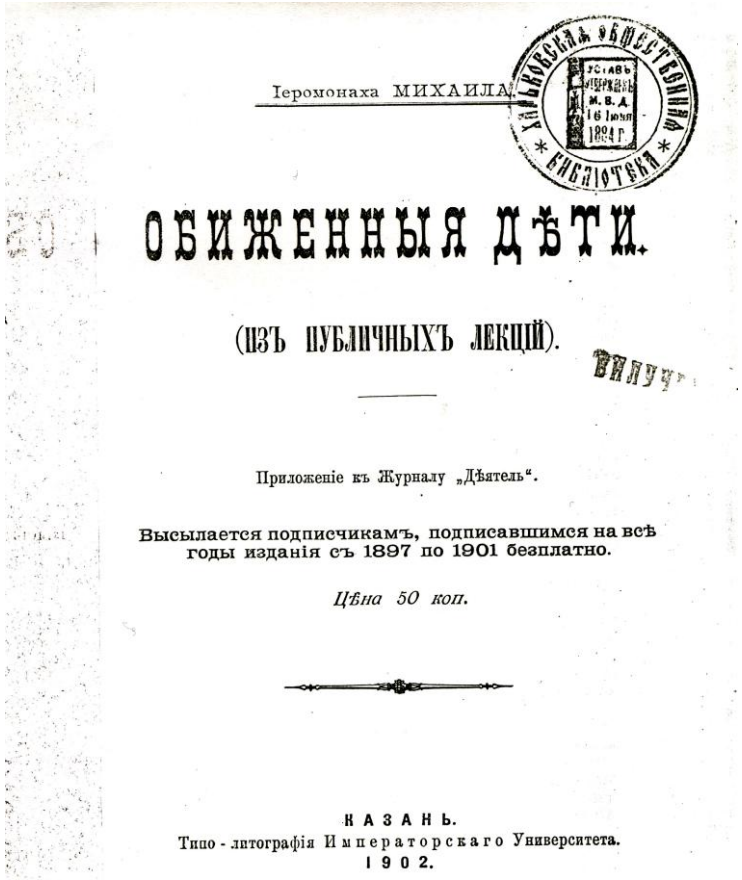
Короленко.

ИЗДАНІЕ

„Общества распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ Православной Церкви".

Цѣна 5 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія М. П. Фроловой. Галерная, 6.
1904.



Іеромонаха МИХАИЛА.

ОБИЖЕННЫЯ ДѢТИ.

(ИЗЪ ПУБЛИЧНЫХЪ ЛЕКЦІЙ).

Приложеніе къ Журналу „Дѣятель“.

Высылается подписчикамъ, подписавшимся на всѣ годы изданія съ 1897 по 1901 безплатно.

Цѣна 50 коп.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1902.

И далее писатель объясняет: «*Прошлый год был одним из самых тяжелых в моей жизни, и по обилию черной работы, и по разным другим причинам…*»

Но вот пришло время, и «на досуге вспомнил о вашей хорошей книжке и о своей черной неблагодарности».

Смущенно звучат его слова: «*Очень трудно отнестись вполне объективно к тому, что написано о тебе самом. Скажу только, что мне читать вашу книгу было приятно и интересно. Со многим, вами высказанным, я согласен, кое с чем расхожусь».*

А затем в письме следует ряд смысловых и фактических уточнений. По этому поводу публикатор письма объясняет: «*В поправках Короленко отразилось присущее ему стремление к абсолютной правдивости и максимальной точности».*

Он неоднократно исправляет своего биографа, но делает это чрезвычайно деликатно. Храбровицкий отмечает основные качества личности писателя: «для письма Короленко характерны также исключительная авторская скромность, деликатность, уважение к чужому мнению».

Отвечая Шаховской, Короленко признается: «*Я могу писать лишь тогда, когда сюжет сам процедится в памяти*».

И заканчивалось письмо замечательными словами: «*Примите это письмо как выражение моей благодарности за вашу работу, которая, повторяю, кажется мне хорошей по тону и по той внимательности, с какой вы отнеслись к своей задаче. С очень многими вашими критическими замечаниями согласен».*

***

В книге дочери писателя С. В. Короленко «Десять лет в провинции» сохранилась удивительная подробность: «*В биографии отца, составленной Н. Д.*

***

Об авторе книги А. В. Храбровицкий сообщил очень скупые сведения: «Наталья Дмитриевна Шаховская, в то время 22–х летняя девушка. *Книга о Короленко явилась ее первым литературным опытом».* А в примечаниях к письму следует важное дополнение: «*Впоследствии Н. Д. Шаховская (1890–1942) издала ряд научно – популярных книг для детей и юношества*».

Сразу возникает ряд вопросов: о каких именно книгах идет речь, и почему комментатор не привел их названий? Далее следует чрезвычайно важная информация: «*В 1931 году в издательстве «Молодая гвардия» вышла книга Шаховской «Молодые годы Короленко*». Видимо, выбор личности Владимира Галактионовича Короленко в качестве «героя» сочинения Н. Д. Шаховской не был случайным.

Вчитываюсь в эту публикацию, и как всегда возникает много вопросов, среди которых трудно выделить первостепенные. Прежде всего, вызывает недоумение, почему этот документ появился в томе «Литературного наследства», где рассматривались вопросы истории литературы совсем другого периода?

С этого момента начался увлекательный и стремительный в своем ритме поиск, как биографических сведений о Наталье Шаховской, так и упомянутых изданий, представляющих безусловную библиографическую редкость. Так бывало не раз, когда за страницей книговедческой следовала страница биографическая. От книги – к личности автора.

10 июля 1913 года В. Г. Короленко написал: «*Многоуважаемая Наталья Дмитриевна. Пишет вам самый неблагодарный из писателей, к которым критики так внимательно, как и вы, отнеслись ко мне в вашей книжке. Получил ее (ох, давно!), я ее тогда же прочел и решил написать вам…, а тут подошли разные события, которые отвлекли внимание*…»

Могила архим. Михаила (Семенова) на Рогожском кладбище в Москве

Глава 4

В едином потоке времени

Один из первых

В Москве в 1910 году в издательстве «Заря» вышла небольшая книжка, на титульном листе которой значилось: «Козловский Л. С. Владимир Короленко. (Опыт литературной характеристики)». Представляло естественный интерес разыскать это издание.

***

Как оказалось, в ОРИР сохранился один экземпляр книги Л. Козловского. По внешнему виду и размеру эту небольшую книжку можно в полной мере отнести к так называемым мини-изданиям. В ней всего 46 страниц. Она была напечатана в Москве типографией «Русский труд» в серии «критическая библиотека», которую выпускало издательство «Заря».

Ее начало звучит так, словно автор ведет с кем-то доверительную беседу:

- *«Когда от произведений новейших писателей переходишь к «очеркам и рассказам «Короленко, то кажется, что из современного большого города с его напряженной сутолокой, с его лихорадочными движением и раздражающим шумом попадаешь в мир природы с ее величавым спокойствием. Здесь тоже движение, но спокойное, неторопливое, здесь тоже шум и звуки, но шум ровный, звуки спокойные***.***
- *... веет в душу спокойной и грустной думой от всех этих звуков ровных и спокойных.*
- *... Душа и природа здесь составляют одно. Вот это-то слияние души с природой, это ощущение природы, проникнутой веянием единой жизни и дается*

Он умер в 1927 году в Варшаве. Ему едва исполнилось 50 лет.

Его очерк о Короленко предвосхитил собой появление другой книги, посвященной В. Г. Короленко, которая по праву считается первой биографией писателя.

Оба автора выпустили свои размышления о Короленко еще при жизни писателя и, очевидно, были ему хорошо известны, что делает их подлинными раритетами.

Зарождение нового сюжета

В 1977 году из печати вышел очередной том «Литературного наследства» под названием: «Из истории русской мысли» (1860–1890). Наряду с интереснейшими материалами о писателе Николае Лескове и его рукописях, ради которых я и изучала этот том, в конце тома была помещена небольшая работа многолетнего исследователя жизни и творчества В. Г. Короленко А. В. Храбровицкого под названием «Автобиографическое письмо В. Г. Короленко».

Текст документа оказался весьма интересен, поскольку связан с прижизненной биографией писателя, напечатанной еще в 1912 году. Автором биографии была Наталья Дмитриевна Шаховская. Ее книга «В. Г. Короленко: Опыт биографической характеристики». (М. Книгоизд-во К. Ф. Некрасова. 1912. Серия «Биографической библиотеки», № 3) и послужила непосредственным поводом к написанию письма.

Публикатор документа отмечал, что Короленко написал это письмо в ответ на присылку книги и «оно содержит общую оценку работы молодого автора, а также ряд существенных поправок, ценных для изучения биографии и творчества писателя».

***

В справочном издании «Река времен: Русский провинциальный некрополь» (М. 1996) упоминается о том, что «*Станислав Станиславович Козловский, присяжный поверенный, умер 22 марта 1904 года и похоронен в Харькове на католическом кладбище».*

Можно предположить, что именно в это время Лев Козловский и покинул Харьков, перебравшись в Москву, где продолжил обучение уже в Московском университете.

Его пребывание в Харькове оказалось сравнительно недолгим, по сравнению почти с четверть вековою жизнью в нашем городе его отца.

***

В харьковской государственной научной библиотеке им. В. Г. Короленко сохранились оба его труда: *«Очерки синдикализма во Франции». (М., 1906) и «Новые веяния в социализме перед судом русской критики». (М., 1908), которые, надо полагать, явились результатом его научной деятельности на поприще начинающего ученого юриста.*

Вскоре его привлекла деятельность литератора. Одной из первых его работ на литературном поприще и явился его небольшой очерк о Короленко, который он издал в 1910 году.

Но больше всего его занимала современная польская культура и литература, вот почему его публикации в газете «Русские Ведомости» чаще всего были на польскую тему.

***

В 1922 году, уехав в эмиграцию, Козловский стал сотрудником журнала «На чужой стороне», и печатался во многих польских журналах и газетах (на польском языке).

творчеством Короленко.

… у него есть нечто такое – более редкое: он человека приближает к природе.

… у Короленко душа сливается с природой».

Свои размышления автор завершает утверждением: *«Короленко – страстный солнце-поклон- ник».*

Осмысливая вклад писателя в отечественную современную литературу, Козловский пишет о том, что в то время, когда, по его убеждению, «*ночными мотивами проникнута новая русская литература*», Короленко вносит радостный тон в русскую литературу.

По его убеждению:

- «*Короленко никогда не терял веры в смысл жизни и пронес нетронутой сквозь все испытания жизни ту веру, которую он на утре дней своих впитал в себя вместе с теплом и светом солнечных лучей.*
- *…Короленко ночь не пугала. У него упорное стремление к Свету.*

Для него всегда «огни впереди» и, видя перед собой эти огни, он прошел сквозь ночь 80-х годов, не утратив веры».

Козловский ставит вопрос и сам же на него отвечает: «*В чем эта вера? Это – народничество в широком смысле слова, любовь к «меньшему брату», бедному Макару. Короленко не ходил в народ, но сердце его всегда было на стороне людей «дурного общества»…»*

И затем автор выходит на обобщение**:** «*Совесть поколения Короленко стала болеть сознанием «общей ответственности» – ответственности за весь уклад жизни. Сознание ответственности за весь уклад жизни на первых порах приняло форму вины интеллигенции перед народом и породило учение о долге народу.*

Короленко, глядя на мир при свете солнца, видел в мире не только скорбь, но и радость. Он жизнь брал в

дневном освещении… он никогда не доводил этой ответственности до таких исполинских размеров, как это делали другие представители «больной совести»…»

Стремясь выделить художественный метод писателя, Козловский заключает: «*У Короленко очень сильно развито сознание слабости человека перед сложностью жизни, запутанностью жизненных отношений».*

…ему присуще сознание сложности жизни, и он знает, что зло нельзя вырвать с корнем одним ударом»…

И далее:

- *«… в современной великой социальной борьбе – борьбе классов, он соблюдает некоторый нейтралитет,… но эта способность к нейтралитету вытекает вовсе не из отсутствия боевого темперамента…*
- *Там, где для него очевидно, на чьей стороне правда, он готов вступить в борьбу. Об этом говорит вся его публицистическая деятельность.*
- *… он верит в жизнь, в ее способность распутать самый сложный узел житейских отношений.*
- *Он верит жизни, и поэтому не спешит судить и осуждать ее***.**

Козловский вновь риторически вопрошает: «*Что мы знаем о тайне жизни?».* И сам же отвечает: «*Короленко верит, что эта тайна – хорошая. Он нашел ту мудрость, которая позволяет с радостью принять мир таким, каков он есть «при свете дня»…»*

Вновь касаясь вопроса веры, Козловский цитирует самого писателя**:** «*Друг, свет уже мелькает», – в этих словах Сократа – вера самого Короленко.*

Примечательна заключительная характеристика Короленко, которую дает автор этой книжки:

- *«Среди людей, верующих в смысл жизни, он – один из самых убежденных.*

***

В 1880 году, согласно «Харьковскому календарю», в Харькове жил присяжный поверенный харьковской судебной палаты Козловский Станислав Станиславович, проживавший по ул. Конторской в доме Шатуновой.

В более ранних по времени издания справочниках «Харьковского календаря» фамилия Козловского не упоминается.

Надо полагать, это был отец писателя Козловского. То обстоятельство, что он являлся сотрудником харьковской судебной палаты, в какой-то мере объясняет, что его сын первоначально выбрал для обучения именно юридический факультет харьковского университета.

В обширной монографии «Юридический факультет харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805–1905)» (Х. 2007) лишь один раз упоминается Козловский, причем без инициалов, в следующем контексте: *«Переход из Варшавского университета и лицеев не допускался вследствие учебных планов, составленных на основании курсовой системы; по исключению были приняты бывшие студенты Варшавского университета – Козловский, Крыпский, Абрамович (1895) ».*

Так обозначились еще две важные подробности в его биографии: во-первых, он приехал в Харьков в 1895 году, когда его отец уже служил присяжным поверенным харьковской судебной палаты. Скорей всего, не так все благополучно обстояло в семье Козловских, если какое-то время они жили врозь. А, во-вторых, до этого Лев Козловский какое-то время был студентом Варшавского университета, и в виде исключения был принят в Харьковский университет, который он так и не окончил.

Утверждению жизни он отдал свой солнечный талант, столь редкий в нашей проникнутой скорбью и отрицанием, русской литературе.

- *… По качеству того, что он внес в русскую литературу, он занимает в ней одно из первых мест.*
- *Он один из лучших художников русского слова.*
- *Его слог носит печать классической простоты и редкого изящества, образы – цельные и законченные. Он владеет редким мастерством создавать мелодии не только слов, но и образов.*

Козловский отмечает: *«Рассказы Короленко представляют собой очень глубокие символы.* По его мнению, символический смысл имеют, прежде всего следующие рассказы: «Сон Макара», «Слепой музыкант», «Ночью», «Тени», «Мороз», «Сказание о Флоре» и др.

Почти все рассказы представляют собой чарующие мелодии стихотворений в прозе…. Он в значительной мере – поэт окраины русской жизни».

Своими размышлениями об особенностях удивительного таланта Короленко автор решил поделиться с читателем в то время, когда еще практически не было книг, посвященных писателю. По этому поводу автор отмечал: «*Короленко – не модный писатель, и модным никогда не был, быть может, потому что его произведения стоят выше времени и принадлежат к числу бессмертных творений русской литературы».*

***

В 1922 году брошюра Козловского о Короленко вновь появилась в печати. Ее переиздало книгоиздательство «Задруга» в ряду других изданий о Короленко как дань памяти любимому писателю.

На титульном листе сохранившегося экземпляра читаем: «Козловский Лев. В. Г. Короленко. Опыт литературной

неожиданно на долгие годы исчез из нее. Он написал всего несколько рассказов, оставив, однако неизгладимый след в литературе… и затем смолк на целые десятилетия»…»

Короленко приводит достаточно большую цитату Козловского, органично вплетая ее в свой собственный рассказ о встрече с Адамом Шиманским по пути в Якутск. Примечательно, что он характеризует Козловского именно как «*польского критика*», что позволяет сделать предположение, что и сам Козловский был также уроженцем Польши.

Короленко в этом отрывке цитирует статью Козловского «Памяти А. Шиманского», напечатанную в газете «Русские ведомости» в 1916 году, 29 марта.

К сожалению, каких-либо свидетельств о личном знакомстве Козловского и Короленко пока обнаружить не удалось.

***

В современном энциклопедическом словаре, изданном уже в 2001 году, о Льве Станиславовиче Козловском помещены следующие биографические сведения: *Писатель родился в 1877 году. Учился в Харьковском университете. За участие в студенческом движении был исключен; выдержал экзамен в Московском университете по юридическому факультету.*

Напечатал: «Очерки синдикализма во Франции». (М., 1906);

«Новые веяния в социализме перед судом русской критики». (М., 1908).

С 1910 года деятельный сотрудник «Русской Ведомости», где поместил много статей о современной польской литературе».

Упоминание об учебе в харьковском университете несколько неожиданно и дает возможность обратиться к справочной краеведческой литературе.

характеристики. Москва. Издательство «Задруга». 1922 г. 63 с»..

***

Об авторе, к сожалению, удалось узнать немногое. Лев Станиславович Козловский (1877 – 1927) представлен в большинстве энциклопедий и справочников как «*историк литературы и литературный критик; бывший сотрудник* «Русских ведомостей». Как *секретарь Комитета помощи голодающим в России (1921–1922).*

То обстоятельство, что Лев Станиславович Козловский был сотрудником газеты «Русские ведомости», позволяет предположить, что его мог хорошо знать сам Короленко, многократно и многолетне печатавшийся в этом либеральном органе периодической печати России и поддерживавший творческие контакты со многими авторами и сотрудниками газеты.

Обращает на себя внимание и другой факт биографии Козловского – его участие в работе Комитета помощи голодающим в России в качестве секретаря Комитета. Напомним, что на призыв этого Комитета отозвался и Короленко так же, как отозвались на этот призыв и другие лучшие представители творческой интеллигенции России.

***

Установлено, что в 1922 году Козловский издал в Берлине новую книгу «Владимир Короленко как художник и мыслитель». Книга была напечатана издательством «Возрождение».

Ее второе издание вышло в том же году в Париже.

Недавно на книжном аукционе продавался экземпляр этой книги с аннотацией, в которой немало новых и важных подробностей об ее авторе: «Строгая

издательская шрифтовая обложка. Отличная сохранность. 2-е исправленное и дополненное издание. Предназначается для историков русской литературы, библиографов. Редкость».

Особенно интересно в этой аннотации следующее: «*Мне всегда казалось, что Короленко, несмотря на всеобщую любовь и признание его окружавшими, все же недооценен, как художник – мыслитель: идейное содержание его произведений исчерпывалось обычно элементарными формулами: «народник», «писатель-гражданин», «гуманист», «борец за правду» и т. д., и то, что было наиболее своеобразным, индивидуальным в его религиозном отношении к миру и к жизни, как будто ускользало от внимания читателя».* (Из предисловия автора).

«…Интересный, мало известный, с оригинальным подходом труд русского литературного и общественного деятеля Л. С. Козловского, лично знавшего Короленко и связанного с писателем не только дружбой, но и общественной деятельностью».

Сообщение о личном знакомстве Козловского с Короленко позволило направить дальнейший поиск в новом направлении.

***

В «Истории моего современника» в главе «Моя поездка в Якутск. Польский писатель Шиманский» Короленко пишет: «*Польский критик Л. Козловский, посвятивший Шиманскому посмертную статью в «Русских Ведомостях», говорит, между прочим: «Адам Шиманский сразу пленил читателя и новыми картинами природы Сибири, в которой (заметим от себя) погибло столько поляков, и новыми образами польских изгнанников…. В польскую литературу он вошел совершенно неожиданно, готовым талантом, сверкнувшим необычайно ярким светом, и так же*